

Сергей Алексеев

СРОЧНОЕ

ПРЕДПИСАНИЕ

Издательство «Детская литература»

ПРЕДПИСАНИЕ

СРОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Е

СРОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

СРОЧН

Сергей Алексеев

СРОЧНОЕ

ПРЕДПИСАНИЕ

СРОЧНОЕ

ЗАГАДОЧНЫЙ СВЕРТОК

ВСТРЕЧНЫЙ - БЕЗУПРЕЧНЫЙ

КРЫЛАТАЯ ПАЛАТКА

Сергей Алексеев

ПРЕДПИСАНИЕ

ГОРОД НА АМУРЕ

СТАХАНОВ И СТАХАНОВЦЫ

РАССКАЗЫ О ТОМ, КАК СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ
ПОСТРОИЛИ МАГНИТКУ, ДНЕПРОГЭС, ТУРКСИБ,
ГОРОД НА АМУРЕ, О ТРУДОВЫХ ПОДВИГАХ
СТАХАНОВЦЕВ

МОСКВА • ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА • 1989

ББК 84Р7
А47

Художник Г. МЕТЧЕНКО

А 4803010201—076 147—89
М101(03)-89

ISBN 5—08—000859—8

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984

Царская Россия была отсталой страной. Рабочие и крестьяне, взявшие в октябре 1917 года власть в свои руки, мечтали видеть свою страну передовой, экономически сильной державой. Для этого надо было много работать. Построить новые заводы и фабрики, открыть новые шахты, возвести новые электростанции, проложить сотни километров новых железнодорожных путей.

Начались годы первых пятилеток. По всей стране развернулось огромное промышленное строительство. Вот лишь одни из наиболее крупных сооружений той бурной строительной поры: знаменитая Магнитка — Магнитогорский металлургический комбинат на Урале, прославленный Днепрогэс — гигантская гидроэлектростанция на Днепре, сказочный Турксиб — Туркестано-Сибирская железная дорога, соединившая Сибирь и Среднюю Азию.

Навечно вошёл в нашу историю подвиг комсомольцев-строителей нового города на Дальнем Востоке — Комсомольск-на-Амуре.

Стройки, стройки. Всюду по всей стране огромные стройки.

Не было взрослого, не было школьника в нашей стране, который не знал бы имён передового рабочего Алексея Стаханова и его последователей — стахановцев.

О том, как советские люди строили Магнитку, Днепрогэс и Турксиб, Комсомольск-на-Амуре, о Стаханове и стахановцах вы и узнаете из рассказов, которые составили эту книгу.

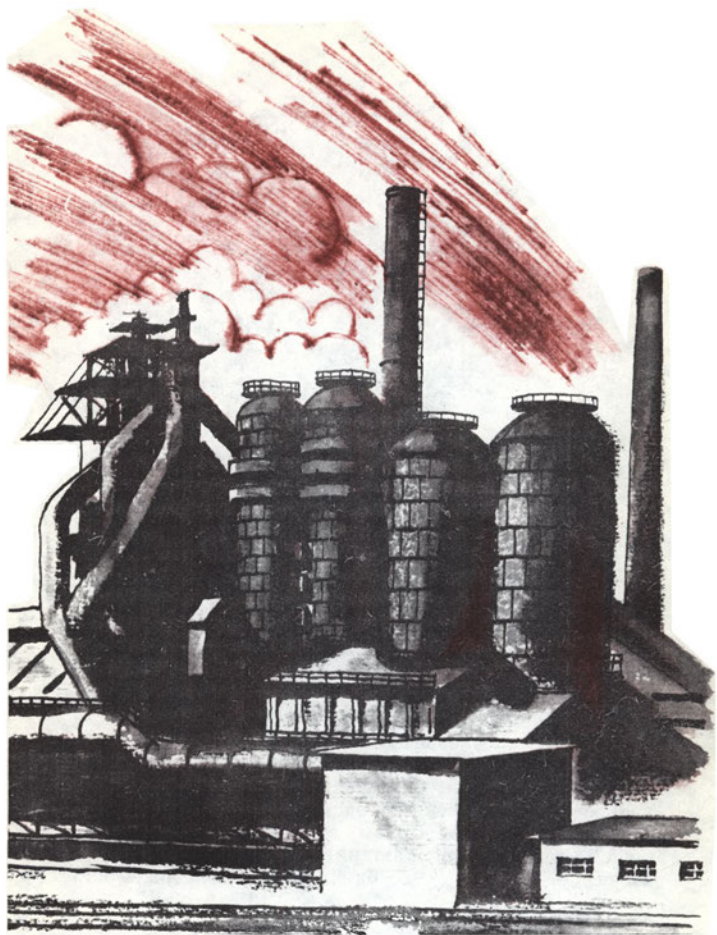
Итак, начинается путешествие в наше славное трудовое прошлое. Низкий поклон вам, герои великих строек.

ЗАГАДОЧНЫЙ СВЁРТОК

РАССКАЗЫ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ
МАГНИТОГОРСКОГО
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО
КОМБИНАТА

МАГНИТНАЯ

Многие ехали тогда на Магнитку. Тронулся в путь и Игнат Гаврилов.

Началось всё с того, что прибыл как-то к ним в их деревеньку Лысую представитель Магнитостроя.

Цель приехавшего — пригласить людей на строительство, заинтересовать, сагитировать для поездки на далёкую стройку.

Стал он рассказывать о Магнитке. Слушает Игнат Гаврилов. Слушают другие.

— Завод будет. Гигантский. Металлургический, — объясняет магнитогорский представитель. — На Урале. Рядом с горой Магнитной. Почему же рядом с горой Магнитной? — задавал приехавший сам себе вопрос и тут же отвечал: — Потому что Магнитная эта гора — богатство.

Огромные залежи очень ценной железной руды укрыты в горе Магнитной.

И тут же был рассказан про Магнитную. Было, мол, это в старые-старые времена. Шёл на русские земли со своими степными ордами страшный хан Мамай. Около горы Магнитной произошла у них схватка с местными жителями. Были всадники Батыя вооружены луками, стрелами. Железные наконечники на стрелах. Открыли пришельцы стрельбу из луков — что за диво! Не летят стрелы в нужную сторону. Все, как одна, устремились к горе Магнитной.

Не знали сподвижники Мамай, что это железная руда, которая находилась в горе Магнитной, притягивала к себе стрелы, в страхе бежали из этих мест.

— Ух ты! — подивился Игнат Гаврилов.

— Чудеса! — подивились другие.

Наслаждался приехавший эффектом и ещё одну быть рассказал про Магнитную. И это было тоже в прошлые-прошлые времена. Пришёл к горе Магнитной богатый промышленник. Не верил в богатства горы Магнитной. Стал подниматься в гору. Дошёл до середины и вдруг... Пытается оторвать от земли ногу. Не отрывается нога. Попытался поднять вторую — не отрывается вторая. Оказалось, подошвы на сапогах промышленника были прибиты железными гвоздями. Притянула, присосала гора богатея. Не выпустила. Так и погиб на горе богач.

— Вот это да! — произнёс Игнат Гаврилов.

— Чудеса! — не сдержались опять другие.

Рассказал приехавший агитатор легенды. Стал говорить о Магнитогорском заводе, о том, что станет он крупнейшим металлургическим заводом в нашей стране.

— Будет завод, будет металл,— говорил приехавший.— Будет металл, появятся новые станки, паровозы, трактора, автомашины... Да что — паровозы. А оси, а обода для тележных колёс? Телеге и этой подай железо.

Сказал про телегу, про оси, про обода. И сразу про то, с каким нетерпением ждут новых строителей на Магнитке.

— Не жизнь — благодать,— говорил восторженно.— А места-то, места-то какие дивные. Рядом река Урал. Горы — куда головой ни двинешь. Небо, словно ковер, васильково-синее.

Сагитировал новых строителей магнитогорский представитель. Приехал на Магнитку в числе других и Игнат Гаврилов.

Понимает Игнат Гаврилов — не без этого: про жизнь-благодать преувеличил, конечно, в байках своих магнитогорский посланец. Не всё тут сразу, как в сказке, ладится. Так ведь Игнат Гаврилов парень не слизь, не мыло. Нет на свете путей без трудностей. Втянулся в работу общую.

А кругом и впрямь красота. Речка Урал. Небо бездонно-синее. И люди хорошие. И стройка пошла.

И людей всё больше и больше. Едут и едут новые. Потянулись сюда строители.

Вспоминает Игнат Гаврилов быль про батыевы стрелы:

— Магнитная! Что там стрелы — людей притягивает.

СРОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Терялся Сулимов в догадках. Жил и работал он в городе Златоусте, и вдруг срочное предписание из областного города Свердловска: сдать товарищу Сулимову Андрею Ивановичу немедленно все свои служебные дела и с первым же поездом выехать в Свердловск.

«Что же такое? — силится представить себе Сулимов. — Немедленно сдать дела». Да разве их сдашь немедленно: Сулимов не студент, не школьник, не какой-то там мелкий служащий, руководит он в Златоусте большим хозяйством. Как же так, чтобы — раз, и хозяйство бросить?!

«Что же такое? — силится представить себе Сулимов. — Зачем вызывают так срочно в Свердловск? Будут бранить? Недовольны работой? Кто-то жалобу на Сулимова написал?»

Не знает Сулимов вины за собой. Совесть чиста, как снега на полюсе.

«В чём же дело?» — гадает Сулимов. Предписание есть предписание. Пришлось Сулимову сдать дела.

Сел он в поезд. Тронулся поезд. Гудит. Пыхтит. Едет Сулимов в Свердловск.

Прибыл он в Свердловск. Вызывают его к начальству.

— Здравствуйте, товарищ Сулимов.

— Здравствуйте!

— Рады вас видеть.

И дальше слышит Сулимов хорошие слова в свой адрес. Ясно Сулимову: не ругать его вызвали, а похвалить.

Приятно слушать приятные слова Сулимову.

Похвалили Сулимова за его хорошую работу в Златоусте. Тут же в кабинете находился незнакомый Сулимову человек.

— Знакомьтесь, — говорят Сулимову и показывают на

незнакомому человеку: — Представитель Магнитостроя.

Прошла минута, и узнал наконец Сулимов, зачем его вызвали в город Свердловск.

— Есть предложение откомандировать вас на строительство Магнитогорского металлургического завода, — сказали Сулимову.

Знал уже Сулимов, что Советским правительством недавно принято решение на Урале в районе горы Магнитной, у станицы Магнитной, приступить к строительству огромного завода. Знал, да никак не думал, что это постановление и его коснётся. А тут вот как всё повернулось: собирайтесь, товарищ Сулимов, — вас стройка огромная ждёт.

Андрей Иванович Сулимов был членом Коммунистической партии. Многих лучших своих работников посылала партия тогда на строительство. Среди них оказался и Сулимов. Получить назначение на Магнитку было очень большим партийным доверием.

Посланцам партии вручали партийные путёвки. Сулимову выпало исключительное счастье. Взял он путёвку. Глянул и замер. На путёвке стоял № 1.

Гордился Сулимов такой честью. Как и многие другие посланцы Коммунистической партии, оправдал он на Магнитострое доверие партии честным своим трудом.

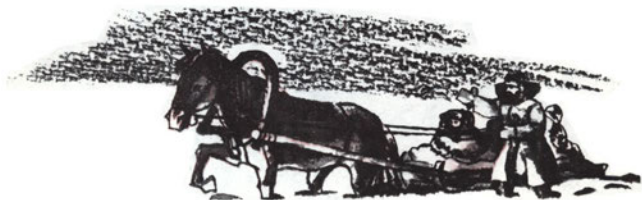
Сто книг прочитай про Магнитку, и всюду сказано про Сулимова.

ПРИВЕТ ОТ ПОТАПОВА

Приехал на Магнитострой и Потап Потапов. Добирался вначале на поезде. Доехал до станции Карталы. До станции Магнитной, до места, где начиналось строительство Магнитогорского металлургического комбината, оставалось 146 километров. Однако дальше железной дороги не было. Стоял месяц март. Пришлось добираться лошаадьми, на санях, на перекладных, как во времена Пушкина и Лермонтова.

Прибыл Потапов. Устроился. Осмотрелся. Послал письмом в деревню свою Потаповку. Писал: «Дорогие, здравствуйте! Пишет ваш сын Потап». И далее про то, как ехал он до станции Карталы на поезде. А от станции Карталы до Магнитной 146 километров в санях. «Конь попался неважный,— писал Потапов.— Масти был пегой. Завёз не туда, куда надо».

И верно, в пути Потапова застигла метель, сбились они с дороги. Часто в этих местах зимой бушевали вьюги. «Хорошо, что остались целы»,— писал Потапов. Писал и о том, что местом он доволен, поселился в засыпном бараке.

Мол, барак ничего. Нары как нары. Матрацы набиты соломой. Жить можно.

Передавал Потапов привет всем и всякому, всей Потаповке.

Отдельное место в письме относилось к дружку Потапа Потапова Филе Потапову. Приглашал Потап и Филю сюда на Магнитку приехать. Напоминал, как проехать. Пусть берёт Филя билет до станции Карталы. «А от станции Карталы — на санях или на телеге, — писал Потапов. — Дорога дальняя — почти сто пятьдесят вёрст. Смотри, — наставлял он друга, — чтобы конь попался хороший, не то что наш — пегий».

Отправил Потапов письмо. Пришло оно в деревню Потаповку. Сагитировало письмо не только Филю Потапова, но и соседа Потапова Алексея Потапова, и другого соседа Николая Потапова, и даже родного дядю Потапа — Сергея Африканыча Потапова. Все они в Потаповке — Потаповы.

Собрались все четверо, тронулись в путь.

Объясняет Филя Потапов,

что доедут они поездом до станции Карталы, а оттуда ещё почти 150 вёрст на лошадах.

Прибыли Потаповы в Карталы. Вышли из вагона. Поспешили к стоящим недалеко телегам.

— Нам на Магнитострой, — сказал Филя Потапов.

— Так вам не сюда.

— Как не сюда?!

— Не к нам, — отвечают возчики.

— Как не к вам?

— Здесь лошади, а вам на поезд.

— Как на поезд?

— Вам на Магнитку? — переспрашивают возчики Потаповых.

— На Магнитку.

— Значит — на поезд.

Нахмурился Филя Потапов. На какой поезд? Решил, что возчики над ним шутят. Достал из-за пазухи письмо друга. Нашёл нужное место, читает: «А ехать тебе до станции Карталы. А как сойдёшь с поезда, ищи лошадей. Дорога дальняя — почти 150 вёрст». И далее про то, как они в метель плутали со своим пегим.

Рассмеялись возчики:

— Так когда это было!

— Как — когда, — отвечает Филя. — Недавно. Всего три месяца тому назад.

— Три месяца! Недавно! — смеются возчики. — Да тут у нас за эти три месяца... На поезде вам надо. На поезде. Дорогу как раз построили.

Действительно, дорогу от станции Карталы до Магнитогорска протяжённостью в 146 километров построили всего за три месяца. Нельзя будущему металлургическому комбинату быть без транспортных средств. Да и его самого не построишь без железной дороги. С дороги и начали.

Железная дорога Карталы — Магнитная и была первым трудовым подвигом строителей Магнитогорска.

Потап Потапов тоже строил эту дорогу.

Сели прибывшие в вагон. Катит поезд к Магнитогорску. Мерно стучат колёса.

— Хорошо, — произнёс Сергей Африканыч.

Радуются и Филя, и Алексей, и Николай Потаповы:

— Ну и дорога! Вот так сюрприз. Выходит, привет от Потапа Потапова.

ПРАВЫЙ БЕРЕГ, ЛЕВЫЙ БЕРЕГ

Братья Зуевы — Иван и Кузьма — с Оки, из-под города Мурома, из села Карачарово. Вместе на Магнитку, на стройку прибыли.

Нашёлся на стройке один всезнайка:

— Карачарово? Карачарово? На Оке? Под Муромом? Стой! Стой! Карачарово?! Да не родина ли это знаменитого богатыря Ильи Муромца?

Улыбаются братья:

— Так точно. Родина!

Прозвали Зуевых на стройке Муромцами. Глянешь на братьев, и верно — богатыри. Плечи широкие. Рост дородный. На ногах не качнёшь — стоят.

Подсчитали учёные, что Магнитогорскому заводу для нормальной работы понадобится в сутки 70 миллионов ведер воды. Где же взять для завода такое море? Правда, рядом река Урал. Однако здесь, в районе Магнитки, её верховья. Ширина реки невелика. А летом в сухую пору и вовсе Урал мелеет. Станешь на разных его берегах — чуть ли не за руку поздороваться друг с другом можно.

Не будет воды — не сможет завод работать. Выход один. Перегородить Урал плотиной, создать искусственное озеро, вместительный водоём.

Произвели инженеры нужный подсчёт. Километр — вот длина плотины.

На строительство плотины и попали братья Зуевы.

Начали строить плотину сразу с двух берегов, с правого берега, с левого берега.

Предложили строители между бригадами, работающими на разных берегах, устроить социалистическое соревнование. Бригад несколько. Получилось так, что братья Зуевы оказались в разных бригадах. Иван в одной из тех,

что работали на левом берегу, а Кузьма в одной из тех, что сооружали плотину на правом.

Закончились первые пятнадцать дней работы. Подвели строители первые итоги соревнования. Победителями вышли те, кто работал на левом берегу Урала.

Для победителей ввели Красное знамя. Установили знамя на левом берегу. Развевается знамя на ветру, полощется.

Довольны победители, шутят:

— Это потому, что у нас есть Муромец!

Обидно тем, кто работал на правом берегу:

— И у нас есть Муромец!

Приналегли они на работу. Прошло десять дней. Снова комиссия проверила итоги соревнования. Вышли на этот раз вперёд строители правого берега.

Перекочевало знамя с левого берега теперь на правый. Развевается знамя на ветру, полощется.

Растёт, растёт плотина. Бежит с правого берега к левому. Бежит с левого к правому. Соревнуются между собой строители. Вздвигается красное знамя то на правом, то на левом берегу, то снова на правом, то вновь на левом.

Трудятся герои, не зная устали. Бригада Виктора Калмыкова, бригада Нурзуллы Шайхутдинова. Бригады Романова, Губарева, Сагадеева, Сабунаева. Растёт плотина не по дням, а по часам.

В два приёма сооружали плотину: осенью 1930 года и весной 1931 года. За 148 рабочих дней поднялась плотина-гигант на пути Урала.

Смотрят люди на героев-строителей:

— Ильи Муромцы! Богатыри!

КТО ТАМ НА НАРАХ?

— Раз, два — ухнем! Раз, два — ухнем!
Это люди в упрямую землю вбивали колья.
— Раз, два — взяли! Раз, два — взяли!
Это люди натягивали брезентовое полотно.

На Магнитке устанавливались первые палатки. Одна выросла, вторая, третья. Палатки большие, вместительные. Нары стоят в палатках. Оконца налево, направо смотрят.

Приезжают на Магнитку всё новые и новые строители. Не хватает для всех засыпных барачков. Вот и стали в степи возводить палатки. Всё больше палаток, всё больше. Вырос целый палаточный городок. Свои здесь кварталы, свои здесь улицы. Хоть тротуары кругом мости. Ставь столбы и трамвай пусти.

Суровым для строителей выдался первый год. Морозы ударили ранние. Стужа стояла лютая. Три с половиной тысячи первых строителей Магнитогорска зимовали в тот год в палатках.

В числе других и Егор Смертин. Крепким был с виду.

Весёлый нравом. Избрали старшим его по палатке. Много забот у старшего.

Морозы в ту зиму доходили до сорока градусов.

Войдёт с мороза Смертин в палатку:

— Хорошо, хорошо. На морозе кровь веселей играет. Завывали кругом метели.

— Ну и проклятье! — кто-нибудь скажет.

— Песни степные, — Смертин отшутится.

Выпадали снега метровые.

Улыбнётся опять Смертин:

— Э-эх, красота какая!

Соберутся в палатке люди. Железная печка стоит в

палатке. Называют ее «буржуйкой». Целые сутки гудит «буржуйка». Однако прок невелик от подобной печки. Стань ты с ней рядом — словно бы в Африке. Сделай шаг от «буржуйки» в сторону — словно бы прибыл на Северный полюс.

Не ропшут строители. Понимают: с чистого поля начинается стройка. Не приготовили здесь хором.

В шапках-ушанках ночуют люди. В полушубки, в тулупы, в тужурки, в фуфайки зарываются, словно в норы.

— Ближе друг к другу, — командует Смертин.

Прижимаются люди теснее друг к другу. Согревают телами один другого.

Завывает метель снаружи. Стужа волком голодным шарит.

Не для робких зимовать на ветру в палатке. Врывается ветер под брезентовый полотно:

— Кто там на норах?

— Герои Магнитки!

Насупил брови свои Мороз. Ветер гудит и пляшет.

— Осилим упрямец.

— Сломим упорных.

Разбушеввалась кругом стихия. Крепчает, крепчает, крепчает Мороз. Сам до костей промерзает.

Устали Мороз и Ветер.

— Вот так парни! — сказал Мороз.

— Вот так люди! — присвистнул Ветер.

— Кто там на норах?

— Герои Магнитки!

Современный Магнитогорск — большой цветущий красивый город. Трудно даже себе представить, что начинался город с бараков, с землянок, что Магнитогорск той поры — это город сплошных палаток.

Прошли годы, однако и сейчас в городе, в самом центре, стоит палатка. Не страшны ей ветры, морозы. Из бетонной палатка. Это благодарная память тем, кто первым приехал тогда на Магнитку. Это — палатка-памятник.

ИСТОРИЯ С ЛОМОМ

Произошла эта история на строительстве плотины через реку Урал. В бригаде Нурзуллы Шайхутдинова. С самим бригадиром.

Нурзулла Шайхутдинов — бригадир землекопов. Нелёгко труд землекопа. Сейчас котлованы, канавы, траншеи роют специальные машины. В те же годы главным инструментом была лопата. Лопата и лом. И сила работающего человека.

Случилось это в один из холодных осенних дней. Дул порывистый, леденящий уральский ветер. Бригада Нурзуллы Шайхутдинова рыла котлован под бетонировку опор плотины. У одного из котлованов и работал сам бригадир. В руках у Шайхутдинова лом. Долбит он упрямую землю. Ударяет лом. Ходит в умелых руках, словно паровой молот.

И вдруг выскользнул лом из рук Шайхутдинова. Выскользнул и, словно стрела, ушёл в ледяную воду, которая заполняла котлован.

Лом! Это же ценность. Дефицитнейший инструмент на стройке. Трудно было на Магнитке с инструментом, особенно в самом начале работ. К тому же сейчас привезут бетон. Вдвойне нужен будет Шайхутдинову лом. Да и обидно Шайхутдинову — какой же он бригадир, какой же умелец, раз в руках не удержал свой рабочий инструмент.

Как быть?

И вот тут... Другие, что к чему, ещё и понять не успели. Разделся Нурзулла Шайхутдинов и не раздумывая — в ледяную воду.

Нырнул. Вынырнул. Лом в руках.

Вытащили землекопы своего бригадира. Налетел леденящий ветер. Огромной сосулькой стоит Шайхутдинов.

Принялись товарищи разогреть, растереть нежиз-

данного ныряльщика. Отошёл, улыбнулся Нурзулла Шайхутдинов. Вот он снова, как все, в работе. Две дневные нормы выполнил в этот день Нурзулла Шайхутдинов.

Долго строители вспоминали историю с ломом. Шутили тогда на Магнитке:

— Оба, выходит, и наш Нурзулла и лом, из железа кованы!

И на плотине, и на других местах гигантской стройки не раз отличался отважный бригадир. За личный примерный труд, за умелое руководство бригадой Нурзулла Шайхутдинов был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Он стал первым орденоносцем на Магнитострое.

«СЛЕЗАЙТЕ!»

В Магнитогорске начали строить ТЭЦ, то есть центральную электростанцию. Не может город существовать без электроэнергии. Не будет электрического тока, не заработает металлургический комбинат.

В нелёгких условиях началось строительство. Ни экскаваторов, ни подъёмных кранов на строительстве в тот год ещё не было. Главные помощники людей — всё та же лопата, кирка, лом, топор, молоток, простая телега да тележки — стерлинги, на которых вручную развозили бетон.

И всё же. Растёт, растёт электростанция. Заложен фундамент. Поднялись стены. Принимайся теперь за крышу.

Дело было зимой. Ударили сорокаградусные морозы. Бригада плотников во главе с Василием Козловым работала как раз на крыше. Знают плотники, что от их успешной работы зависят сейчас во многом сроки открытия электростанции.

Однако Магнитогорский городской Совет принял постановление, которое при очень больших морозах, а тем более при сорока градусах, запрещало всякие работы на открытом воздухе. А тут — работа на крыше. Открыто всё кругом. На все двадцать четыре стороны. Гуляет здесь ветер туда-сюда, как караси в пруду. Мороз под рубахи змеей вползает.

Прекратилась везде на открытых местах работа. А здесь в вышине, на верхотуре, у самого неба стучат топоры строителей.

Кричат им снизу:

— Кончайте! Слезайте!

Отвечают:

— А тут тепло.

Даже специальный инспектор по охране труда пришёл. Не поленился. Поднялся наверх. От ветра, от стужи, бедняга, ёжится. Смотрит с опаской отсюда на землю, как бы и вовсе не сдуло вниз.

— Бросайте! Слезайте! — кричит инспектор.

— А нам тепло, — отвечает за всех бригадир Василий Козлов.

— К солнцу здесь ближе, — смеются строители. — Да-

вай с нами, Иван Васильевич (это и есть инспектор). На-ка топор, становись к бревну, кровь разгони по жилам.

Бодел, как и все, инспектор за общее дело. Видит — на крыше народ молодой. Видит — народ озорной. Хоть и в сосульках лица, да румянец на каждом зарёй играет. Не стал он больше ругать строителей. Взял топориче в руки. Минута. Вторая. Удар, удар. Верно — теплее стало.

— Ну что же, остаюсь с вами, — сказал инспектор. Добавил, стараясь, чтобы звучало строго: — Для наблюдения, для контроля.

Продолжается работа на электростанции. Узнали в городском совете о нарушении постановления. Прислали своего представителя.

— Кончайте! Слезайте! — кричит представитель.

Несётся сверху:

— А здесь тепло.

Поднялся и этот наверх, на крышу.

— Слезайте!

— Тут к солнцу ближе, — твердят строители. — Давай с нами, Кузьма Данилыч (это и есть представитель). На-ка топор, становись к бревну, кровь разгони по телу.

Усмехнулся представитель, качнул головой. Все знают, что и он патриот Магнитки. Видит — на крыше народ молодой. Видит — народ озорной. Понимает: не мороз для таких мороз. Взял топориче в руки. Минута. Вторая. Удар, удар. Верно: теплее стало. Остался и он на крыше.

Отработали в лютую стужу люди.

— Там к солнцу ближе!

Мороз — не мороз для храбрых.

РАСПОРЯЖЕНИЕ СВЫШЕ

И это тоже произошло во время строительства Центральной электростанции. Шёл монтаж первой турбины. Напряжёнными, горячими были дни.

Приступила первая бригада к работе. Интересуются монтажники, кто из инженеров будет у них ответственным по монтажу:

— Кто с нами?

Отвечают:

— Инженер Владимир Фастовский.

Отработала, сменилась бригада, пришла другая. Интересуются и здесь монтажники, кто из инженеров будет у них ответственным по монтажу:

— Кто с нами?

Отвечают:

— Инженер Владимир Фастовский.

Третья бригада приступила к работе.

— Кто с нами?

— Инженер Владимир Фастовский.

Отработал Фастовский три смены подряд. Немного передохнул. Вновь отработал три смены. Снова отдых и снова — три смены.

Да и не только один Фастовский. Многие инженеры, техники, бригадиры, простые строители по 20, по 30 часов не покидали своих рабочих мест.

Начальнику строительства даже пришлось отдать специальное распоряжение, запрещающее столь длительные переработки.

Не помогло распоряжение.

Явился на стройку электростанции какой-то важный администратор. Тоже заговорил о распоряжении.

— Чьё, чьё распоряжение? — спрашивают нарушители.

— самого начальника строительства товарища Гугеля.

— А у нас есть распоряжение свыше, — отвечают строители.

— Какое распоряжение?! Чьё? Откуда? — поразился администратор.

Улыбаются строители.

— Так чьё распоряжение? — допытывается администратор.

Не выдержал тут монтажник Валерий Носик. Наклонился к администраторскому уху:

— Чьё распоряжение? Собственной совести!

Не расслышал, не понял администратор:

— Какие повести?

— Распоряжение человеческой совести, — уточнил Носик.

По расчётам специалистов на монтаж турбины отводилось три месяца. Строители электростанции выполнили эту работу в три раза быстрее — за тридцать дней.

Понравилось строителям выражение «распоряжение свыше».

Чуть что:

— Распоряжение свыше! Распоряжение свыше! Распоряжение совести — выше не может быть.

ПРО ПЕРВУЮ ДОМНУ И ПЕРВЫЙ ДОМ

Серафим Сорокин попал на Магнитострой как раз тогда, когда стали возводить заводские стены. Не разобрался Сорокин, что к чему. Похлопал рукой по стене:

— Завод! Metallургический!

— Кирпичный, — кто-то его поправил.

Решил Сорокин, что тот, кто его поправил, ошибся.

— При чём тут кирпичный? Metallургический!

И снова в ответ:

— Кирпичный.

Всё верно, возводили строители кирпичный завод.

Чтобы построить metallургический комбинат, чтобы построить город Магнитогорск, надо было иметь миллионы и миллионы штук кирпича. Где же взять эти кирпичные горы? Выход один — построить собственный кирпичный завод. Серафим Сорокин и попал на Магнитку в то время, когда шло строительство такого завода.

Огорчился Сорокин, думал metallургический завод возводить, а тут направили его на строительство кирпичного. Побурчал, конечно, вначале Сорокин, потом смирился. Работник он хороший, дисциплинированный. Взялся с душой за дело. Освоил профессию каменщика. Любо смотреть на Сорокина. Кирпичи в руках у Сорокина как воробьи порхают.

Всё больше, всё больше людей на Магнитке. Всё шире размах строительства.

Центральное место на metallургическом комбинате занимает доменный цех, доменные печи. В них из руды выплавляют металл. По проекту на Магнитке должны были построить четыре доменных печи.

1 июля 1930 года состоялась закладка первой домны.

Происходило это празднично. Собрались все строители. А было их в это время уже 14 тысяч человек. Состоял-

ся торжественный митинг. В связи с закладкой первой домны был составлен специальный акт. Его поместили под стекло и замуровали в основании домны.

Как раз в это время завершилось строительство кирпичного завода.

— Ну всё, я своё дело сделал,— сказал Сорокин.— Перехожу на строительство домны.

Да тут... Прошло всего три дня после закладки первой домны, и на Магнитке новая радость. Приступили в Магнитогорске к строительству первого капитального жилого дома. Снова состоялся торжественный митинг. Отметили на митинге лучших строителей кирпичного завода. Ока-

зался среди них и Сорокин. Доверили ему и другим передовикам с кирпичного закладку и строительство первого капитального дома.

— Да я же на домну хочу,— чуть не закричал Сорокин.

Однако неудобно стало. Решил подождать, повременить.

Завершили строители первый дом. Приняла его комиссия. Вселились в него жильцы. Не нарадуются люди просторному, светлому дому. Спасибо строителям. Спасибо Сорокину.

— Ну всё, я своё дело сделал,— вновь заявил Сорокин.— Перехожу на строительство домен.

Да только тут снова его отметили. Премию выдали, объявили благодарность. Доверили новое строительство. Была это школа.

Неудобно опять Сорокину стало. Решил: ну всё, уйду, как только построим школу.

Построили школу.

— Ну, я своё дело сделал!

За школой пошли детские ясли. Задержался опять Сорокин.

Построили ясли.

— Всё, прощайте, я своё дело сделал!

Да только вслед за яслями началось строительство городской поликлиники, потом пошёл магазин, затем клуб, затем спортивный зал. Так и остался Сорокин среди строителей города. Отлично трудился Сорокин. Прославленным стал строителем. Много в Магнитогорске воздвиг он прекрасных зданий. Для людей великое сделал. Светлую, добрую память о себе оставил у всех Сорокин.

Память людская золотом ценится.

Память людская на деле держится.

СЛУЧАЙ С ОБНОВАМИ

Строители окружили своего бригадира. Смотрят на самого, на его обновы.

— Вот это да!

— А кепка-то, кепка!

Кепка действительно на голове бригадира была необычная: белая, мохнатая, сверху пупырышек, козырёк — серпиком. Впервые здесь на Магнитке такую видят.

— А пальто-то! Пальто!

И пальто необычное — светлое, нарядное, модное; с ремешком, с накладными карманами. Пуговиц нет. Вместо них металлические застёжки.

— Ух ты! Ох ты! — не прекращаются голоса.

Товарищи по работе встречали своего бригадира Виктора Калмыкова. Он только что вернулся из Москвы.

Виктор Калмыков был одним из самых известных строителей Магнитогорска. В соревновании бригад при возведении плотины через реку Урал бригада Калмыкова заняла первое место. Именно им, калмыковцам, была доверена честь заложить последний кубометр бетона в тело плотины. Затем члены прославленной бригады стали работать монтажниками при строительстве первой домны. Они и здесь заслужили славу быть в числе лучших. Виктор Калмыков был направлен в Москву на слёт ударников. Из Москвы и вернулся — одет с иголочки.

Трудно было в те годы с одеждой, с обувкой. Не часто встретишь, особенно здесь, на Магнитке, такого франта.

Смеются строители:

— Родная жена не узнает!

— Шарик соседский тявкает!

Так и получилось. Действительно тявкнул Шарик. Действительно жена не признала мужа. А затем, как и другие, ахнула.

Нет бы Калмыкову переодеться, передохнуть с дороги, а он:

— На домну, на домну!

Привык, полюбил он стройку. К тому же характер

имел беспокойный. Пришёл, словно бы чувствовал. Серьёзная неполадка произошла у монтажников. Принялся Калмыков товарищам помогать. Надо было срочно заменить на одной из строительных ферм заклёпки, поставить новые листы металла. Взял Калмыков клепальный молоток. Полез куда-то на верхотуру. Вместе со всеми включился в работу. Установили они новые металлические конструкции.

Завершили монтажники работу. Спустились вниз. Смотрят на бригадира, на его новое пальто, на кепку. Э-эх, посерело, пропало от строительной пыли нарядное пальто. Вся в пятнах сверхмодная московская кепка.

Вновь не узнать Калмыкова. Возвращался Калмыков домой. Опять не признал Калмыкова соседский Шарик. Смотрел удивлённо, смотрел. Снова со злобой тявкнул. Жена же, увидя мужа, всплеснула руками и тут же в слёзы. Жаль ей модных столичных красивых таких обнов. А Калмыков улыбается:

— Что там моды, что там обновы!

Доволен он, что вовремя вернулся на стройку, что в трудную минуту помог товарищам.

Не в обновлениях, выходит, радость. В общем деле куётся счастье.

«БОН ЖОРНО!»

Прекрасно помнит Никита Вислов тот день, когда приехал на Магнитострой.

— Разыщешь Кирилла Дантовича,— сказали Вислову.— Он и определит тебя на работу.

«Кирилл Дантович... Дантович — странное какое отчество», — подумал ещё Вислов.

Разыскал он Кирилла Дантовича.

— Я к вам,— сказал Никита Вислов.

— Очень хорошо,— произнёс Кирилл Дантович.— Рад познакомиться.— Протянул руку: — Бон жорно!

«Бон жорно. Вот так слова», — смутился Вислов. Впервые такие слышит. Однако вслух, конечно, ничего не сказал. Сделал вид: мол, всё ясно, всё понял.

Поинтересовался Кирилл Дантович, сколько Вислову лет.

— Девятнадцать,— ответил Вислов.

— Перфеттаменте! — сказал Кирилл Дантович.

Снова смутился Вислов. И это слово впервые слышит. И ещё одним словом поразил Кирилл Дантович Вислова. «Арриведерчи» — произнёс, когда они расставались.

— Бон жорно, перфеттаменте, арриведерчи — ну и слова,— поражался Никита Вислов.— Не наши, не деревенские.

Прошёл день, и всё выяснилось. Кирилл Дантович был итальянцем. Вот и вмешивал в русскую речь он родные свои слова. «Бон жорно», оказывается, «здравствуйте», «перфеттаменте» — это по-русски «отлично», «арриведерчи» означает «прощай». Настоящие имя и фамилия у Кирилла Дантовича были Чирилл Данте Векки. Это его здесь на Магнитке окрестили Кириллом Дантовичем. Родился он на севере Италии недалеко от города Болоньи. Работал на машиностроительном заводе. Здесь

вступил в Итальянскую коммунистическую партию. Нелегко сложилась жизнь Чирилла Данте Векки. Вскоре в Италии к власти пришли фашисты. Векки был арестован. После освобождения он уехал во Францию. Но и здесь стали преследовать рабочего-коммуниста. По многим странам скитался Векки. Работал в Люксембурге, в Бельгии, в Германии. Наконец друзья помогли ему приехать в Советский Союз. Попросил Векки послать его на Магнитострой.

На строительстве Магнитки из иностранных рабочих трудился не только один Векки. Были чехи, словаки, поляки, американцы, голландцы, болгары, датчане, австрийцы, немцы. Были рабочие из Турции, даже из далёкой Кореи. Более 700 иностранных рабочих и разных специалистов работали на Магнитке.

Сдружился Никита Вислов с Кириллом Дантовичем, сдружился с другими рабочими. Не смутишь его теперь иностранными словами. Сам многие слова знает.

Встретит чеха:

— Добры ранок!

Встретит американца:

— Гут монинг!

Встретит поляка:

— Дзень добрый!

Встретит немца:

— Гутен таг!

Однако больше всего ему по-прежнему нравятся звонкие итальянские слова. Бежит на работу:

— Бон жорно! Бон жорно!

— Перфеттаменте!

— Арриведерчи! Чао!

«Чао» — значит «до новой встречи».

МАГНИТОГОРСКИЙ БАТАЛЬОН

Батальоны бывают в армии: стрелковый, танковый или, скажем, сапёрный.

И вдруг на Магнитострое появился свой батальон. Поражались многие:

— Батальон?!

И тут же:

— Сапёрный?

— Нет.

— Стрелковый?!

— Нет.

— Танковый?!!

— Да нет же. Комсомольский батальон. Батальон энтузиастов.

Магнитострой — строительство огромное. Всякое здесь может быть. То там, то здесь может не заладиться что-то с работой. Вот и решили магнитогорские комсомольцы создать отряд энтузиастов, то есть тех, кто в любое время, в любую погоду готов прийти на выручку туда, где трудно, где временно что-то не получается, где нужна срочная надёжная помощь. Создали такой отряд. Назвали его батальоном. Батальоном энтузиастов.

Узнал Вася Кочкин о комсомольском батальоне.

— Батальон энтузиастов! Звучит красиво!

Записался.

Утро. Поднимается бригада, в которой трудился Кочкин, собирается на работу, а Вася спит.

— Вася! Поднимайся, — говорят Кочкину.

— А я теперь в батальоне энтузиастов, — отвечает Кочкин. — Я — когда нужна помощь.

Рассмеялись другие.

Насупился Вася. Не понимает, почему это другие смеются.

А смеялись все потому, что батальон энтузиастов — это вовсе не новая бригада. Члены батальона продолжали работать на своих прежних местах, а когда где-то происходил срыв или прорыв, энтузиасты и приходили туда на помощь. Это работа помимо своей основной работы.

Разобрался, в чём дело, Вася. Однако из батальона не ушёл. Остался.

— Батальон энтузиастов! Звучит красиво!

Магнитострой — стройка большая, стройка ответственная. Часто приходилось батальону энтузиастов приходиться на помощь к другим.

Как-то ночью в осеннюю хлябь нескончаемый дождь стал размывать строящуюся плотину через Урал.

— На плотине ЧП! На плотине ЧП! Вставай, энтузиасты!

ЧП — это чрезвычайное происшествие.

Поднялся отряд энтузиастов. Помогли комсомольцы ликвидировать беду на плотине. В числе самых отважных оказался здесь Вася Кочкин.

Затормозилось что-то на строительстве Центральной электростанции.

— ЧП на электростанции! ЧП на электростанции! На помощь, энтузиасты!

Прибыл и сюда батальон энтузиастов. Поправились дела на строительстве электростанции. И здесь был в первых Василий Кочкин.

Большим уважением пользовался на Магнитострое батальон энтузиастов.

Гордились им на Магнитке, говорили:

— Верное название придумали комсомольцы. Батальон энтузиастов! Боевое название. Точное!

Добавляет Вася Кочкин:

— Точное и красивое.

Улыбаются люди:

— Дела красивые.

ПОПОЛЗЕНЬ

На Магнитке лучшим бригадам и победителям в социалистических соревнованиях присуждались переходящие Красные знамёна. Было на Магнитострое и ещё одно знамя — рогожное.

Федул Федулов тоже приехал на Магнитострой. А до этого долго думал: ехать не ехать, ехать не ехать. Даже гадал на чёт и на нечёт по лепесткам ромашки. Рассуждал: ехать — так ведь края далёкие. Ветры сильные, морозы лютые. В простых палатках живут строители. Не ехать — так ведь говорят: заработки у строителей хорошие. Да и людей там много. Жизнь интересная.

Думал, думал и вот приехал.

Попал на Магнитку как раз к тому времени, когда здесь стали собирать первые бревенчатые домики. На строительство домиков и послали Федулова.

Радуются люди, что скоро не в палатках будут жить, а в домиках. Торопятся строители.

Работа здесь разная: брёвна таскать, распиливать, ямы под фундаменты рыть, стрехи ставить, настилать крыши.

Начал Федул Федулов работать. Замечают другие: к бревну старается стать Федулов с той стороны, где оно потоньше, когда несут бревно, норовит идти не как все — в полный рост, а чуть пригибая колени. Понимает хитрец: тяжёлое ложится не на его, а на чужие плечи. При распилке брёвен норовит всегда стать снизу — внизу пилу тащить легче. Когда ставят стрехи, наоборот пытается забраться повыше, чтобы не он подавал тяжести, а чтобы ему подавали. Ищет всюду работу себе полегче. Вскоре и вовсе заявил:

— Я по форточкам специалист. По форточкам.

Пристроился к форточкам. Подгоняет к оконным рамам.

Не таскает Федул теперь брёвна, не распиливает доски, не роет под фундаменты ямы, не надывается со стрелами. Чуть что:

— Я по форточкам специалист. По форточкам.

Видят другие, какого полёта птица Федул Федулов.

— Э-эх ты, поползень,— кто-то бросил.

Поползень — это птица. Характер у неё непоседливый, повадки юркие, даже собственного гнезда поползень старается не сооружать,

а стремится использовать чужие.

Разобрались другие, каков Федул. Отказались работать вместе с ним в одной бригаде. Пришлось переводить Федула на новое место. Направили его на строительство плотины через реку Урал.

Однако и здесь не прижился Федул Федулов. Работа на сооружении плотины тяжёлая. Дело приходится иметь всё время с бетоном. Замешивают его строители, заливают в тело плотины. Работать надо быстро, бетон застывает. Не торопится Федул. То у него перекур, то сошлётся — рука заболела, то где-то задержится, а то и вовсе в самую горячую пору не явится на работу.

Видят и на новом месте, какого полёта птица Федул.

И тут про Федула:

— Поползень!

Не желают другие вместе с Федулом на плотине работать. Перевели тогда Федула на строительство Центральной электростанции. Однако и здесь остался Федул Федулом. Не хочется ему кирпичи таскать, с цементом возиться. Заявил:

— Я по рубильникам специалист. По рубильникам. Терпели, терпели на Магнитке Федула. Разозлились наконец строители, смастерили для лентяя специальное знамя — рогожное. Вручили под хохот его Федулу. Местный фотограф Кирилл Кириллов даже на память щёлкнул. Развевается рогожное позорное знамя. На фоне рогожи Федул красуется.

Хоть и немного таких Федулов на Магнитострое было, да стройка — народная, стройка — важнейшая. С каждого строгий спрос.

«ВОТ КАКИЕ ПИРОГИ»

В Магнитогорске происходил городской комсомольский актив. Собрались комсомольцы. Слушают ораторов. Слушает и Саша Ниточкин.

Ведёт актив секретарь городского комитета комсомола Фадеев. Уважают его на Магнитке. Слова Фадеева для комсомольцев закон.

Была у Фадеева любимая поговорка: «Вот какие пироги». Даже сегодня не удержался Фадеев. Начал актив словами:

— Итак, мы открываем сегодня наш первый городской комсомольский актив. Вот какие пироги, дорогие товарищи.

Хорошо идёт актив. О стройке говорят комсомольцы, о том, что помогает в работе, о том, что мешает, о тех, кто мешает. О многом идёт на активе речь. Доволен Фадеев.

Слушает Саша Ниточкин. Вдруг. Что такое? Подошёл к Ивану Фадееву какой-то незнакомый Саше Ниточкину человек, стал что-то быстро шептать на ухо.

Раздражает этот незнакомый человек Ниточкина. Отвлекает. Мешает слушать оратора. Что он там шепчет Фадееву?

Видит Саша Ниточкин: нахмурился Фадеев. Вот прикусил чуть губу. Вот качнул головой. Ещё раз качнул. Ещё резче сдвинул брови. Расправил. Снова сдвинул. Опять расправил. Повёл плечами. Наконец приподнялся со своего председательского места. Остановил рукой выступающего.

— Вот какие пироги,— произнёс Фадеев. И тут же сообщил о том, что на станцию прибыли вагоны с огнеупорным кирпичом и металлоконструкциями для доменной печи.— Как быть? — спрашивает Фадеев.— Людей на

разгрузке мало. Кирпич и металл должны быть на строительстве завтра же, иначе задержится сооружение домны. У кого какие будут предложения? — спросил Фадеев.

Какие предложения? Нет у Саши Ниточкина других предложений — конечно, надо идти на помощь.

И у других такое же предложение.

— Идти всем на разгрузку, — загудели присутствующие.

— Ну что же, — сказал Фадеев, — значит, переносим наш комсомольский актив на железнодорожную станцию.

— Верно! — крикнул со всеми и Саша Ниточкин.

Поднялись, как один, комсомольцы. Двинулись к станции. Дружно пошла работа. Час, ещё час. Час, ещё час. К рассвету как раз управились. Попали вовремя кирпич и металл на стройку.

Уже после кто-то сказал Фадееву:

— Не получился, сорвался актив.

— Получился, получился, — в ответ Фадеев. Вспомнил, с каким энтузиазмом работали на станции комсомольцы. — Настоящий актив. Боевой актив. — И добавил своё любимое: — Вот какие пироги, дорогой товарищ!

«БЕТОННАЯ СПАРТАКИАДА»

Чтобы получить бетон, нужны цемент, щебень, песок, вода. Всё это надо хорошо перемешать. Для этого существуют специальные машины — бетономешалки. На Магнитострое работали бетономешалки «Егер».

Чем больше замесов произведёт бетономешалка, тем больше бетона получит стройка. Загружают и разгружают бетономешалку люди. 306 замесов за рабочую смену — таков рекорд.

Рекорд, но не предел.

— Можно и больше, — заявили здесь на Магнитке.

Борьбу за новый рекорд начала бригада бетонщиков Сагадеева.

Стали другие гадать:

— Будет рекорд, не будет. Будет, не будет.

Приступили к работе люди. Завращалась бетономешалка. Туда, сюда; туда, сюда.

«Пожирает» «Егер» цемент, щебень, воду, песок. Едва поспевают люди.

— Пospешай! Пospешай!

Всё быстрее, быстрее идёт работа.

Прибежали местные мальчишки Кутька Вилов и Капка Пиков. Стоят, смотрят:

— Будет рекорд, не будет?!

Ритмично, без перебоев работает бетономешалка.

— Как часы, — заявил Капка.

— Как в аптеке, — добавил Кутька.

Считают мальчишки число замесов. Сто насчитали, вот двести, вот триста («будет рекорд, не будет?!»). Триста шесть, триста семь насчитали мальчишки. Ура! Рекорд!

Рекорд побит, а до конца смены ещё осталось немало рабочего времени.

Продолжают работать люди. 350 замесов, 375, 400. Капка считать устал. Кутька смотреть устал. 420, 425, 426. Ещё раз наполнилась бетономешалка, ещё раз, ещё раз. Кончилось рабочее время.

429 замесов за восемь часов работы произвела бригада Сагадеева.

Рекорд! Довольны ребята, своими глазами видели.

Нужен бетон для стройки.

— Бетон! Бетон! — несётся со всех концов.

Смотрят другие на Сагадеева:

— Разве мы хуже!

— Руки иные!

Включились и другие бригады в борьбу за рекорды.

Чудеса из чудес на Магнитке. Чуть ли не каждый день новый рекорд на стройке. Соревнуются бригады между собой. Всё больше замесов, всё больше бетона. Поднимаются в гору цифры. 500 замесов, 540, 600. Не знают Кутька Вилов и Капка Пиков, куда, в какую бригаду бежать. Не знают, за кем считать.

650 замесов, 700, 800, 900.

Соревнуются между собой бригады. Как бегуны на дистанции. Как богатыри при поднятии тяжестей. Словно не стройка здесь, а стадион.

Настроение у всех радостное, приподнятое.

— Спартакиада,— смеются люди.

— Бетонная...

Победу в соревновании одержала бригада бетонщика Хабибуллы Галиуллина. Тысячу сто девяносто шесть замесов произвела бригада за свою смену. Это был мировой рекорд.

Кутька Виллов и Капка Пиков и здесь крутились.

Трижды перепроверяла специальная комиссия точность числа замесов. Трижды сходились цифры.

— Ура! Как часы! — кричал Кутька.

— Ура! Как в аптеке! — не умолкал Капка.

ВРАГ

На Магнитогорском металлургическом комбинате сооружалось четыре домны. Одну из них строители называли «Комсомолкой». Называли так потому, что возводили её магнитогорские комсомольцы. Такого права молодые рабочие добились ударным своим трудом.

В числе строителей «Комсомолки» был и комсомолец Михаил Крутяков.

На одном из верхних ярусов домны на сорокаметровой высоте шёл монтаж тяжёлых металлических листов. Поднимали монтажников на высоту в специальных устройствах — люльках. Внизу на земле находилась лебёдка, которая с помощью троса и тянула люльку вверх. Вот и Михаил Крутяков в тот день работал, находясь в одной из таких люлек-корзин. Был он клепальщиком. Соединял металлические листы. Рядом в такой же люльке расположился второй рабочий.

День был летний, солнечный. Тихий. И вдруг пробежал ветерок. Вскоре усилился. Пять гор окружают Магнитогорск. Вскоре на востоке за горой Атач чуть потемнело небо. Всё гуще, всё темнее на небе краски. Всё сильнее, сильнее ветер.

Знают опытные люди — будь осторожен в такие минуты, если насупила брови гора Атач, это предвестник бури.

Ещё злее ударил ветер. В бешеной ярости заметался. Забеспокоился сосед Крутякова. Сорокаметровая высота не для встречи с бурей.

— Миша! — закричал. — Миша!

Предлагает спускаться вниз. Впрочем, и сам Крутяков сознаёт: да, конечно, надо бросать работу.

— Хорошо, — сказал Михаил, — спускайся. Я следом.

Сказал, что будет спускаться, однако чуть задержался. Не успел он полностью укрепить новый лист. Охватило

его беспокойство. Неладное может случиться. Не удержится, сорвётся вдруг тяжёлый лист под напором ветра. Много беды наделает. Схватил Крутяков клёпальный молоток. Ставит новые заклёпки, торопится. Про себя приговаривает:

— Ещё одну, ещё одну, ещё одну...

Справился Михаил Крутяков с работой. Доволен. Радостно улыбнулся.

В эту минуту с новой силой ударил ветер. Качнулась люлька в одну сторону, в другую. Ещё раз качнулась. Казалось, на секунду замерла, остановилась. И вдруг. Оборвалась, не удержалась на тросе люлька, рухнула камнем вниз.

Потом, когда стали трос проверять, оказалось, что он надпилен. Далеко ещё не всё было спокойно в те годы в нашей стране. Находились порой люди, которые выступали против Советской власти, которые старались мешать всему новому в нашей жизни. Вот и здесь на Магнитке нашёлся враг. Чёрное дело сделал.

Оборвалась жизнь комсомольца Михаила Крутякова. Горевали в те дни на Магнитке. Дали молодые строители клятву в память о своём погибшем товарище точно в срок завершить сооружение комсомольской домны. Сдержали комсомольцы своё комсомольское слово.

Много лет прошло с той поры. Но и в наши дни не стареет, трудится «Комсомолка». Поднялась до самого неба домна. Огромный памятник Крутякову.

КОВАРНЫЕ ТРУБЫ

Субботники. Первый субботник в стране состоялся ещё в 1919 году. Рабочие станции Сортировочная Московско-Казанской железной дороги его организовали.

Проводились субботники и на Магнитке. Торжественными были такие дни. Школьники тоже принимали участие в магнитогорских субботниках.

Был на Магнитке свой самодеятельный оркестр: три трубы и барабан с тарелками. Во время субботников музыканты тоже выходили вместе со всеми на улицу. Только не рыли они на субботниках, как другие, землю, не разгружали поезда с магнитогорскими грузами, не переносили грузы к строительным площадкам. Играли музыканты различные марши. Когда звучит музыка, веселее и легче другим работать.

Стояла зима 1931 года. На один из выходных дней был опять назначен субботник. И надо же. Именно в этот день температура снова упала до 40 градусов.

Вышли строители на субботник. Тут же со всеми и музыканты.

Рыли в тот день котлован для одной из магнитогорских домен. Бьют люди ломами в землю. Земля как гранит, как камень.

В магнитогорском оркестре был новенький — трубач Павел Неделин. Первую зиму он здесь на Магнитке. Впервые играет в такой мороз.

Старается Павел Неделин. Набирает в грудь побольше воздуха. Раздуваются щёки, словно воздушный шар.

Левее Неделина старший оркестра, правее такой же трубач, как и он. Чуть впереди перед ними лихой барабанщик. Бьёт он ударником по барабану, словно куёт железо. К барабану приклеены медные тарелки. Гремят тарелки, как сто громов.

Старается Павел Неделин. Прильнул губами к медному мундштуку трубы. Дует в мундштук трубы. Льются в морозном воздухе мощные звуки марша.

Хорошо, что оркестр играет. Дружно на котловане идёт работа.

Играет, играет Неделин. Вдруг — как-то неудобно верх-

ней губе стало. Что такое? Чувствует трубач, что верхняя губа у него к мундштуку прилипла. Старается Неделин освободить губу. Потихонечку отдирает. Не отдирается. Примёрзла на сильном морозе губа к трубе, словно кто-то схватил клещами.

Надо играть, а тут вот с губой история. Дунул Неделин в мундштук трубы. Помешала примёрзшая губа. Сфальшивил. Глянул с тревогой на старшего. Не знает ведь старший, в чём дело. «Какой неспособный у нас новичок», — скажет.

И верно — глянул на Неделина старший, с укоризной повёл глазами.

Продолжает Неделин борьбу с мундштуком. Только ухудшил дело. Помимо верхней губы прилипла к металлу теперь и нижняя.

Дует в трубу, бедняга. Не звуки марша, а дикий вой из трубы идёт.

Смутился совсем Неделин. Не решается глаза на других поднять. Вдруг слышит — взял неверную ноту второй трубач. Ошибся второй трубач, и тут же следом ошибся, сфальшивил и сам старший.

Поднял глаза Неделин. Всё ясно. И товарищи по оркестру с губами мучаются. И у них губы примёрзли к коварным трубам.

Пришлось прекратить игру. Однако не сдались в тот день музыканты. Отогреваясь в тепле, вновь и вновь выходили они на улицу. Лютовал, лютовал, лютовал мороз. Вновь и вновь прикипали к металлу губы. И всё же не осилил мороз музыкантов.

Дружно на стройке идёт работа. Лишь голоса несутся:

— Пospешай! Пospешай!

— Не зевай! Не зевай!

Оркестр на месте. Играет марши.

СТО СОВЕТОВ

За хорошую работу на Магнитострое арматурщики Князев и Шелест были премированы путёвками в Крым, на курорт.

Начались сборы и хлопоты.

Наставляют друзей приятели:

— Ласточкино гнездо посмотрите! (Есть в Крыму такое чудесное место. Скала. На скале — дворец. Повис он прямо над самым морем.)

— Русалку! (И это одна из достопримечательностей Крыма. Поднялся из моря камень. Взобралась на камень бронзовая русалка.)

— В Гурзуф поезжайте, в Гурзуф! Там Пушкин бывал!

— В Алупку!

— В Алушту!

— В Бахчисарай!

Записали друзья и про Ласточкино гнездо, и про Русалку, и про Гурзуф, и про Алупку, Алушту, Бахчисарай.

Советуют Князеву и Шелесту знатоки, что взять:

— Панаму.

— Пижаму.

— Полотенце махровое.

— Для купания плавки-трусы на верёвочках.

Носились друзья по Магнитогорску, старались достать панамы, пижамы, полотенца махровые, трусы на верёвочках. Город у них не морской, не курортный. Достали только одни панамы. Да и эти с большим трудом.

Советуют Князеву и Шелесту, как загорать:

— Не сразу на солнце лезьте, а постепенно.

— Не валяйтесь, словно мешки, на пляже.

— С бока на бок почаще переворачивайтесь.

Запоминают Князев и Шелест, как вести им себя на пляже.

Много разных советов летит к друзьям. Сто советов. Голова от советов кругом.

Написали друзья домой, родителям. Мол, за хорошую работу их в Крым посылают, мол, едут они на курорт.

Вот и билеты уже заказаны.

И вдруг. Работали Князев и Шелест на коксострое, на монтаже коксовых батарей. В доменных печах металл из руды выплавляют с помощью каменного угля. Однако прежде каменный уголь надо превратить в кокс. Это и делают коксовые батареи, иными словами, специальные печи. На строительстве таких печей-батарей и работали Князев и Шелест.

Приближается день их отъезда. А тут как раз началась «бетонная спартакиада». Вместе с другими и арматурщики включились в социалистическое соревнование. Стали бригады бороться и здесь за мировой рекорд. Прославленные бригады работали на коксострое — бригада Петра Ульфовского, бригада Василия Поуха, бригады Лебедева, Лаврова, Новикова. Членами одной из этих бригад и были Князев и Шелест.

Неудобно стало Князеву и Шелесту. Бригады борются за мировой рекорд, а они в это время уезжают в Крым, на курорт, под южное солнце.

Посоветовались друзья. Заявили другим:

— Остаёмся. Не едем.
— Как не едете?! Билеты уже в кармане.
— Не едем,— повторили Князев и Шелест.
— Так ведь — Крым!
— Подождёт, не исчезнет Крым. Не улетит на воздушном шаре.

Так и не уехали друзья. Вместе со всеми за новый рекорд боролись.

Осталась о Крыме память: панамы, билеты да сто советов.

ГРАБАРКА, КАТЕРИНА И МАГНИТ

Грабарка — это телега. Особая. Удобная для перевозки земли. Устроена она так, что при разгрузке её было легко опрокидывать. Незаменяемыми на земляных работах были в те годы грабарки. Даже специальная профессия существовала — грабари.

Вот и Исай Каширин тоже был грабарём. Также имел телегу-грабарку. Лошадь имел. Звали её Катя, Катерина. На редкость смыслёной была Катерина.

Не ржёт по глупости.

Не лезет куда не надо.

Сама знает, когда надо подать вперёд или чуть назад грабарку.

Знает, где надо остановиться, чтобы пропустить на узкой строительной дороге встречного.

Появился Исай Каширин впервые со своей Катериной на Магнитке летом 1929 года, ещё в самом, самом начале строительства Магнитогорского комбината. Только стали на Магнитке возводить первые бараки-домики, только подвели железную дорогу от станции Карталы. Заложили первый завод Магнитки — кирпичный. Здесь на расчистке участка под кирпичный завод и работал Исай Каширин со своей Катериной.

Как правило, грабари приезжали работать на Магнитку лишь на летний сезон. Так и Исай Каширин. Отработал он здесь всё лето до осени, а затем появился вновь лишь весной следующего 1930 года.

Тут и случилась у Катерины радость — родился у лошади жеребёнок. Встал на хрупкие ножки. Глянул на белый свет, на людей. Заржал. Был он первенцем на Магнитке.

— Появился. Здравствуй! — сказали люди.

Сообща думали об имени. Назвали его Магнит.

Семенил он за грабаркой, за Катериной. Когда заканчивалась работа и грабари располагались в степи на ночлег, резвился в поле между телегами.

Смотрит Исай Каширин на Магнита:

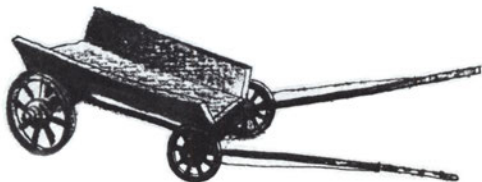
— Через два года будет новый работник. Будет!

Быстро промчалось лето 1930 года. На Магнитке было закончено строительство кирпичного завода. Началось возведение плотины через реку Урал. Развернулись земляные работы на площадке Центральной электростанции. Состоялась закладка первой доменной печи. Поползли вверх станы первого капитального дома.

Наступила опять осень. Покинули Исай Каширин, Катерина и Магнит Магнитку. Появились здесь вновь лишь будущей весной. Подрос заметно за это время Магнит. Смотрит на Магнита Исай Каширин:

— Ещё год, сам здесь работать будешь.

Боевым выдался на Магнитострое 1931 год. Было закончено строительство плотины через реку Урал. В октябре дала первый ток Центральная электростанция. Полным ходом сооружалась рудодробильная фабрика. Росли коксовые батареи. Ввысь потянулась и первая домна, а

следом за ней и вторая — «Комсомолка». Расчищались площадки для строительства следующих домен — третьей и четвёртой.

Вновь наступила осень. Вновь простился с Магниткой Исай Каширин. Прибыл сюда весной 1932 года. Прибыл. Глянул по сторонам и не узнал Магнитки. Разрослась Магнитка. Расстроилась. Куда ни повернёшь головой, везде заводские громады высятся.

А вскоре и вовсе Каширин ахнул. Пока он отсутствовал, на Магнитострое не только завершили возведение первой домны, но и первая домна дала металл.

Смотрит Каширин по сторонам, смотрит на свою грабарку, на Катерину, на Магнита.

— Ну и ну, — поражается Исай Каширин. — Лошака опередили. Ну и ну! Жеребёнок в лошадь ещё не вырос, а тут этакий гигант отмахали. Чудеса! Сказка! Небывальщина.

Посмотрел ещё раз на Магнита:

— Обскакали тебя, Магнит.

ШЛЯПА МИСТЕРА РОБИНСА

— Шляпу сниму перед вами, шляпу,— возбуждённо говорил американский инженер мистер Робинс. И добавлял: — Если, конечно, у вас получится.

Был уверен мистер Робинс, что у советских монтажников ничего не получится.

Произошло это ещё до получения первого металла на Магнитке во время строительства рудодробильной фабрики. Мало — в шахтах добыть руду, мало — доставить её к плавильным печам. Прежде чем загрузить железную руду в домну, надо её размельчить, раздробить. Для этого существуют рудодробилки. Мощную рудодробительную машину в Магнитогорск привезли из Америки. Надо было её собрать и установить на фундаменте — поднять на сорокаметровую высоту. Консультантом по сбору и установке рудодробительной машины и прибыл из Соединённых Штатов Америки мистер Робинс.

Сборка рудодробилки и установка её на фундамент задерживались. Не было нужных подъёмных кранов. Как же без кранов поднять рудодробилку на сорокаметровую высоту.

— Постараемся,— сказали строители.

— Невозможно,— ответил Робинс.

— Подыдем,— сказали строители.

— Невозможно, неслыханно,— повторил инженер Робинс.

Действительно, весит рудодробилка не пуд, не два — 260 тонн в дробилке.

— Подыдем. Установим,— заверяют строители.

Разработали советские инженеры целую систему, состоящую из тросов и лебёдок. С помощью их, вручную, и собирались монтажники поднять рудодробительную машину на требуемую высоту.

— Неслыханно, невиданно! — горячился мистер Робинс. — Снимаю с себя всякую ответственность.

Заявил. И тут же сказал про шляпу. Мол, снимет шляпу, если не разобьют при подъёме наши строители рудодробилку, если у наших с подъёмом всё получится.

Получилось!

Пришёл через день мистер Робинс на строительную площадку — стоит американская рудодробилка на сорокаметровой высоте.

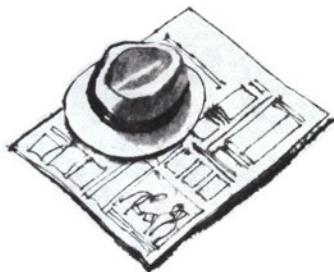
— Непостижимо! Невиданно! Сверхвозможное! — вновь поражался американский инженер.

Сдержал своё слово мистер Робинс. Снял перед советскими рабочими и инженерами шляпу.

— Пусть вся Европа и вся Америка видят, — сказал мистер Робинс, — снимаю шляпу перед вашим большевистским упорством, перед вашим русским умением и находчивостью.

Подвернулся здесь местный фотограф. Заснял он мистера Робинса в поклоне, со снятой шляпой.

Разошлась фотография по свету. Весь мир и увидел поклон мистера Робинса.

ПЕРВАЯ ПЛАВКА

Гошка не верил своим глазам: дядя Хабибулла Галиуллин расплакался.

Смотрит Гошка на дядю Хабибуллу — бегут по щекам у дяди Хабибуллы Галиуллина слёзы.

Знает Гошка дядю Хабибуллу. Да и не только Гошка. Бригадир бетонщиков Хабибулла Галиуллин очень известный человек на Магнитке. Отличалась его бригада ещё при строительстве плотины через реку Урал. А затем вышла победительницей в «бетонной спартакиаде».

Строгий дядя Хабибулла. Требовательный бригадир. По годам старше других в бригаде. Старше. И вдруг расплакался.

Родился Хабибулла Галиуллин в Татарии. Бедным-бедным было у них село. Развалюха к развалюхе грациным гнездом лепились. Земли в руках у богатых. Власть в руках у богатых. Но вот произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Взял Хабибулла Галиуллин винтовку в руки. Пошёл защищать молодую Советскую власть.

Отважным был воином Галиуллин. Не дрогнет, не промахнётся в бою рука. Поражается Гошка — отважный воин, и вот тебе вдруг — расплакался.

Смотрит Гошка на дядю Хабибуллу. Глаза как озёра. В озёрах слёзы.

Было 31 января 1932 года. Именно в этот день первая Магнитогорская домна дала первый стране металл.

Много собралось возле домны тогда народа. Крутились и дети. Среди них и Гошка Воронин. Зима. Морозы снова под сорок градусов. Не расходятся люди. Ждут, когда завершится первая плавка, когда польётся чугун из домны. Костры разложили. Греются. А Гошке тепло и так,

без костров. Крутится между людей юлой. Шапка-ушанка на темя сдвинулась.

Знает Гошка заранее всё. Внизу у домны есть отверстие. Называется леткой. Летка сейчас закрыта. Как только наступит нужное время, подойдут к отверстию рабочие-доменщики — горновые. Освободят от заслонов летку. Польётся металл из домны.

Этой минуты и ждут на Магнитке.

Посерело. Стемнело. Закончился зимний короткий день. Не расходятся люди. Ждут.

И вот. Вот они — горновые. Открыта летка. И в ту же секунду, как солнце с неба, как из вулкана лава, устремился чугун из домны. Заискрилось, озарилось, за сверкало кругом огнём.

Было 9 часов 30 минут вечера.

— Ура!

— Ура! — раздавалось со всех сторон.

— Ура! — надрывался в три силы Гошка.

Глянул направо, глянул налево. И вот тут-то увидел мальчишка дядю Хабибуллу. Смотрит: слёзы у бригадира

стоят в глазах, слёзы непослушно ползут по щекам. Посмотрел на других мальчишка. Вот их сосед дядя Терентий. И у этого слёзы стоят в глазах. Вот их соседка тётка Анфиса. И у тётки Анфисы слёзы. А вот и Гошкин отец. И тоже Гошка видит на лице у отца слёзы.

Да что там тётка Анфиса, да что там дядя Терентий, да что там отец и даже прославленный бригадир Хабибулла Галиуллин, сам начальник Магнитогорской стройки Яков Семёнович Гугель стоял здесь вместе со всеми и, Гошка готов поклясться, тоже, представьте, плакал.

— Странно,— дивился Гошка.— Радость же. Первый металл! И чего это люди плачут?

И вдруг. Чувствует мальчишка — к собственным глазам пелена набежала. Что случилось? Впервые такое с ним! Тронул рукой. Слёзы и у Гошки стоят в глазах.

ЗАГАДОЧНЫЙ СВЕРТОК

Гадала Люда, что же такое отец принёс? Любопытная очень Люда. До любого ей дела дело. Любопытство, словно калёным железом, жжёт. Пока не узнает, не успокоится. Вот и сейчас. Что же такое отец принёс?!

Отец принёс свёрток. Лежит на столе неизвестность. Неодолимой силой Люду к себе влечёт.

Раз подошла она к свёртку. Свёрток совсем небольшой.

— Что же такое в нём?

Походила, вновь подошла к столу, свёрток рукой потрогала. Даже приподняла.

— Ого-го, тяжёлый! Что же такое там?

Не даёт Люде покоя свёрток.

Увидел отец:

— Не трожь.

Сказал — надо дожидаться матери. Мать на работе. Э-эх, не скоро ещё придёт. Изнывает, места себе не находит от любопытства Люда.

— Что же такое лежит в газете?!

Но вот вернулась с работы мать. Люда метнулась стрелой к столу.

— Скорее, скорее, — торопит маму.

Улыбается Людина мама. Подошла она тоже к столу. Отец подошёл, наклонился над свёртком.

— На долгую память, — сказал отец.

Развернул он газету. Чугунная плитка легла на стол. Смотрит на плитку Люда. Видит: на плитке изображён барельеф Владимира Ильича Ленина. А чуть ниже идут слова. Читает их Люда: «Отлито из первого чугуна гиганта советской индустрии — Магнитогорского металлургического комбината».

— На долгую память, — снова сказал отец. Поднял он плитку над головой, повернул и к жене, и к Люде.

Отец у Люды ударник, передовой рабочий. Принимал он участие в строительстве первой домны, принимал участие в первой плавке.

Вот и отметили его труд. Наградили его и других лучших строителей Магнитогорска памятной чугунной плиткой с изображением Владимира Ильича Ленина.

Берёг, хранил эту плитку Людин отец, как самый высокий орден.

В том же 1932 году вслед за первой домной на Магнитке заработала вторая. Приступили к строительству печей по выплавке стали. В следующем году дали чугун третья домна, четвёртая. Были построены станы, которые изготавливали особый вид стали — прокат. Начали выпускаться и другие стали, различные сплавы. Заработал на полную свою мощь Магнитогорский комбинат.

Когда немецкие фашисты напали на нашу родину и все советские люди поднялись на смертный бой с врагами, каждый третий снаряд, каждый второй танк, громивший ненавистных захватчиков, был изготовлен из магнитогорской стали.

Сейчас в нашей стране уже много мощных металлургических комбинатов. Продолжает трудиться и славная Магнитка.

Годы промчались. Нет уже в живых Людиного отца. Старенькой стала и бывшая девочка Люда. А памятные плитки из первого магнитогорского чугуна всё так же хранятся. На Урале, в Москве, в Ленинграде такие плитки можно встретить теперь в музеях.

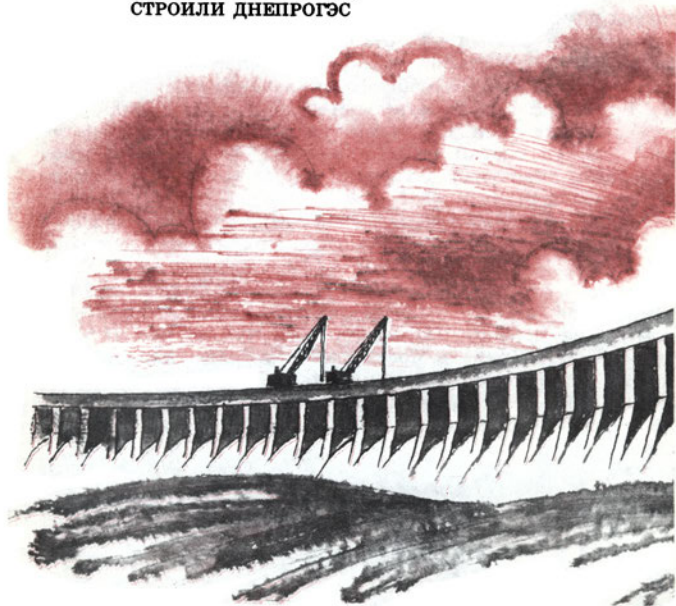
Первый металл Магнитки!

Память о славной и давней поре, о героях великой стройки.

ВСТРЕЧНЫЙ- БЕЗУПРЕЧНЫЙ

РАССКАЗЫ О ТОМ,
КАК СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ
СТРОИЛИ ДНЕПРОГЭС

К ЮЖНОМУ, К ТЕПЛОМУ, К ЧЕРНОМУ МОРЮ

Из центральной России с севера к югу, к южному, к тёплому, к Чёрному морю несёт свои воды красавец Днепр. Бежит. Бежит. То к лесу прижмётся, зашепчется с лугом, то проплывёт полями. Бежит, бежит, торопится к югу Днепр.

Пробежал он Россию:

— Привет, Белоруссия!

Пробежал Белоруссию:

— Привет, Украина!

Всё реже, всё реже теперь леса. Всё ближе и ближе море.

Но чу! Вдруг зашумел, засердился, вспенился Днепр.

Что такое? Поднялись на пути у Днепра преграды. Это знаменитые Днепровские пороги. Смотрят зловеще скалы. Вот они: «Два брата», «Богатырь», «Сагайдачный», скала «Кресло Екатерины», скала «Дурная». А вот главный, самый грозный, самый опасный днепровский порог «Ненасытец».

Плыл здесь как-то один человек. Вёз на лодке своей товары. Перевернулась на грозном пороге лодка. Глубоко под воду ушли товары. Был человек упорным. Снова опасным путём отправился. Разбилась на коварном пороге лодка. Лишился бедняга снова своих товаров. В третий раз отправляется в путь человек. В третий раз обернулась бедой поездка. Снова погибли его товары. Чуть сам не ушёл в пучину.

— Ненасытец! — кричал человек. — Ненасытец!

С той поры называли порог «Ненасытец». Лютует, лютует, шумит «Ненасытец». Новую жертву ждёт.

Много хлопот, много забот у людей с порогами. С опаской смотрели на злое место.

Так продолжалось много веков. Так было и в первые годы Советской власти. Но вот наступало время крутых перемен. Пришла и сюда к Днепровским порогам большая стройка.

В КАБИНЕТЕ У ЛЕНИНА

1920 год. Ещё бушевала гражданская война. Бесчисленные враги молодой Советской России ещё не теряли своих надежд уничтожить Советскую власть. А в Москве специальная комиссия уже рассматривала величественный план электрификации России.

План предусматривал и сооружение Александровской гидроэлектростанции на Днестре. Автором проекта гидроэлектростанции был инженер Иван Гаврилович Александров. Один из ближайших друзей и соратников Владимира Ильича Ленина Глеб Максимилианович Кржижановский как-то рассказал Владимиру Ильичу об Александрове и его проекте.

— Удивительный человек, — говорил Кржижановский. — Мечтатель. Правда, излишне в высях, в облаках, в небесах, так сказать, витает.

— Мечтатель? В небесах? — переспросил Ленин. — Что же — небеса тут вовсе не противопоказаны.

— Это верно, Владимир Ильич, — усмехаясь, соглашался Глеб Максимилианович. Знал Кржижановский, что ценил Ленин людей с выдумкой, с фантазией, что и самого Ленина часто называли мечтателем.

Инженер Иван Гаврилович Александров предложил строить электростанцию на Днестре в том месте, где Днестр пересекали знаменитые Днепровские пороги.

— У города Александровска? — переспрашивал Ленин.

— Да, — отвечал Кржижановский.

— Автор проекта инженер Александров?

— Да, — отвечал Кржижановский.

— Забавно, — улыбнулся Владимир Ильич, обратив внимание на такое совпадение в фамилии инженера и в названии города.

И вот инженер Александров был приглашён к Владимиру Ильичу. Общительным был Александров. Умел красиво и убедительно говорить, а тут стушевался. Даже голос стал каким-то необычным. Чуть с дрожью и очень тихим. И слова нужные как-то не сразу нашлись.

Понимает Ленин, что инженер волнуется.

— Ваш проект мне очень понравился,— произнёс Владимир Ильич.— Рад нашей встрече, нашему знакомству.

Успокоился Александров. Как-то сразу и нужные слова нашлись, и голос снова окреп. Всё громче, всё громче голос, яснее мысль. Объясняет Александров: мол, вырастет плотина, подымет воду в Днепре. Скроет вода коварные Днепровские пороги. Станет Днепр безопасным для пароходов. Но это ещё не всё. Подымется вода в Днепре, оросит прилегающие к нему поля. Более богатыми станут урожаи. Но главное, конечно,— электростанция. Даст она энергию заводам и фабрикам, шахтам, сёлам и городам. Сила в Днепре огромная. Будет электростанция самой мощной во всей Европе.

Понравился инженер Ленину. Увлёк Владимира Ильича грандиозный проект. Смотрит Кржижановский на Ленина: «Так и знал, так и знал. Понравится проект Владимиру Ильичу».

— Ну что же — дело замечательное. Я ваш сторонник,— сказал Владимир Ильич Александрову.— Успехов Александрову и александровской станции.

Город Александровск, около которого предполагалось строить крупнейшую в Европе электростанцию, сейчас называется Запорожье. Да и у самой электростанции, о которой шла речь в кабинете у Ленина, уже давно другое название: Днепровская гидроэлектростанция — знаменитый Днепрогэс.

Вырос Днепрогэс. Стал красавцем. Носит он имя Владимира Ильича Ленина.

КРАСОТА

Наступил 1927 год. К Днепровским порогам пришли первые строители. Находился среди них и Дмитрий Беляев. Было у Беляева любимое слово — красота. Глянул он на Днепр, на округу, на степную благодать.

— Красота! — произнёс Беляев.

Нелегко пришлось первым строителям. Никаких специальных строительных механизмов и машин на Днепрострое пока ещё не было. Грунт приходилось копать лопатами. Каменные глыбы разбивать кирками и ломом, вручную грузить на телеги. Беляева как раз определили работать камнеломом. Работа тяжёлая, изнурительная. Однако не страшила она Беляева. Любил он трудиться, помериться силой с силой. Ударяет ломом по глыбе, по камню.

— Красота, красота! — приговаривает.

Упирается глыба-камень. Огрызается. Даже искры в ответ бросает.

— Ну, ну — кто кого? — смеётся Беляев.

Не выдержал, треснул камень, раскололась на части глыба. Вытер Беляев вспотевший лоб.

— Красота, — произнёс Беляев.

Отлично трудился Дмитрий Иванович Беляев на строительстве Днепрогэса. В числе лучших был орденом Ленина награждён.

Да и не всё время он орудовал ломом. Вскоре на Днепрострой прибыли разные строительные машины. Мощные экскаваторы, мощные подъёмные краны. Железную дорогу сюда подвели.

Любо глянуть на стройку.

Смотрит Беляев.

— Красота! — говорит Беляев.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЛУХ

На Днепрострое велись скальные работы. Молодой инженер Иннокентий Кандалов, только недавно приехавший на стройку, как-то проходил мимо одной из строительных площадок. Вдруг видит: двое, старик и молодой парень, у какой-то каменной глыбы чем-то непонятным заняты.

Бьёт старик по скале молотком:

Тук! Тук!

— Ну, как? — обращается к молодому.

— Нормально! — кричит молодой.

Остановился Кандалов, стал наблюдать.

Старик чуть передвинулся. В новом месте застучал по каменной глыбе:

Тук! Тук!

— Ну, как?

— Нормально! — кричит молодой.

К третьему месту подошёл старик. Вновь наклонился к скале. Вновь молотком ударил:

Тук! Тук!

— Ну, как?

Помолчал молодой. Показал, чтобы старик ещё раз ударил.

Тук! Тук!

— Не то, — произнёс молодой.

Поменялись они местами. Теперь старик приложил к камню ухо. Теперь молодой ударил:

Тук! Тук!

Тук! Тук!

— Да, не то, — согласился старик. Краской на камне пометку сделал.

Неудобно было Кандалову людей отрывать от дела, расспрашивать, чем это они занимаются. Вечером спросил

у одного из передовых днепростроевских бригадиров Вакуленко.

— А, да это же Антон Артемьевич Коломийцев,— произнёс Вакуленко. И тут же добавил: — Музыкальный слух.

Смотрит Вакуленко на Кандалова, видит: не понимает тот, в чём дело. Объяснил. Оказывается, на каменную плиту, которую простукивали рабочие молотком, должна была лечь одна из бетонных опор будущей электростанции. Старик и проверял годность плиты для этого. Нет ли в ней каких-то скрытых, невидимых глазом глубинных трещин. Если плита хорошая — звук от удара по ней молотком получается ровный, чистый, почти певучий. Если же есть в скале трещина — звук получается глухим, хрипловатым. Значит, такое место, прежде чем на него положить бетон, надо «залечить», заделать трещину.

— Молодец у нас Коломийцев, молодец,— произнёс Вакуленко. И опять повторил: — Музыкальный слух.

Поражался Кандалов:

— Скальные работы и вдруг — музыкальный слух!

«КОЗА»

Стройка есть стройка. Существуют здесь свои термины и словечки. Новенький не сразу, что к чему, и поймёт.

Прибыл на Днепрострой Иван Горелов. Посмотрели — парень крепкий, плечистый. Говорят ему:

— Будешь с «козой» ходить.

Опешил Горелов. Думает — шутят. Даже хотел обидеться.

— С «козой», — вполне серьёзно говорят Горелову. — А потом посмотрим.

Поражается Горелов: «Здесь на стройке коза?!» Спрашивает:

— Что с ней делать?

— Как что? Таскать.

— Как таскать?

— Как? На плечах, — отвечают Горелову.

Был он от природы человеком скромным и застенчивым. Не стал спрашивать подробностей. Направился туда, куда был назначен, — к десятнику-строителю Сергею Александровичу Сизову.

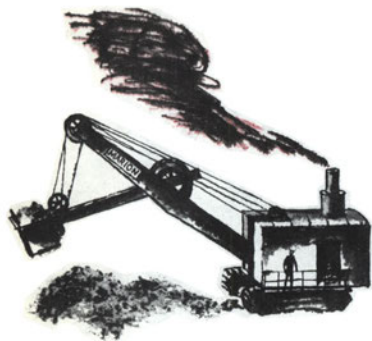
— С «козой» ходил? — спрашивает Сизов.

— Ходил, — ответил Горелов.

— Вот и прекрасно.

— Три года ходил, — уточняет Горелов. — Давно, правда, в детстве. Коза у нас ненасытная была. Всё в чужие огороды лезла. Бодливая. С носовом.

Поднял Сизов на Горелова глаза. Понял, что Иван Горелов со строительными делами раньше связан не был. Смотрит на молодого парня. Хохочет.

Хохочет Сизов:

— Уморил! Уморил!

Объяснил Сизов Горелову про строительную «козу». Оказывается, это такое особое приспособление, специальный станок для переноски кирпича. Надевается «коза» на плечи. На неё и накладывается кирпич.

Труд рабочих, которые переносили на своих плечах кирпичи и зачастую поднимались с ними на большую высоту, был очень и очень тяжёлым. Пришлось хлебнуть этого тяжёлого труда и Ивану Горелову.

Но вот на Днепровской стройке стали появляться подъёмные краны. Один. Второй. Затем сразу несколько. А вскоре уже и десятки подъёмных кранов работали на Днепрострое. Ивана Горелова послали на курсы. Закончил. Стал работать машинистом подъёмного крана. Ловко это у него получалось. Даже сам десятник Сергей Александрович Сизов восхищался. Подойдёт, спросит:

— Ну как «коза»?

Посмотрит Иван Горелов на мощную подъёмную машину, по металлу рукой похлопает.

— Отличная «коза», — ответит. Рассмеётся, добавит: — Послушная и не бодливая.

КАНЦЕЛЯРИСТ

Бригада Прасковьи Канцелярист была одной из наиболее прославленных на Днепрострое. Собрались в бригаде девушки. Крепкие, весёлые. Работа у них ответственная — бетонщицы.

Приехала на Днепрострой и Клава Сметанкина.

Посмотрели на Клаву, сказали:

— Есть у нас Паша Канцелярист. К ней и пойдёшь работать.

И вдруг Клава:

— Не пойду.

— Как не пойдёшь?

— Не пойду, — повторяет Клава.

Не сообразила Клава, что Канцелярист — это фамилия. Решила, что Паша, к которой её посылают, работает в канцелярии. Значит, и её, Клаву, посылают на работу с письмами и бумагами.

— Не пойду! — убеждённо сказала Клава.

— Ну смотри.

Подобрали другую работу Клаве. Послали к Анне Потаповой. А Потапова как раз ведала делами учёта. Разные толстые тетради и учётные книги у неё, различные бланки и накладные.

Даёт Потапова Клаве карандаш, тетрадку, говорит:

— Пойдёшь в бригаду к бетонщицам, запишешь последние показатели.

— Вот так попала, — ужаснулась Клава. Мечтала она работать на самых главных участках гигантской стройки, а тут: на тебе! — вроде посыльная.

Взяла карандаш, тетрадку, пошла к бетонщицам.

Встретили её в бригаде хорошо:

— А, новенькая!

— Ну, пиши, пиши!

Записала Клава разные сведения: сколько замесов бетона за смену произвела бригада, сколько намечено было по плану, сколько за смену выполнено.

— Давай распишусь,— сказала одна из бетонщиц, видимо старшая.

Потянулась к карандашу, вывела — Прасковья Канцелярист.

Глянула Клава, не сдержалась — ойкнула.

— Что с тобой? — спрашивает Паша Канцелярист.

— Да так,— ответила Клава. И снова ойкнула. Засуетилась. Взяла тетрадку. Побежала назад.

Отнесла она карандаш и тетрадку Анне Потаповой. Заспешила к тем, кто определял её на работу:

— Согласна, согласна, посылайте в бригаду к Прасковье Канцелярист!

Поражаются люди, что за чудная такая девчонка.

— Смотри, вновь не передумаешь?

— Нет, нет, не передумаю! — кричит Клава.

ВСТРЕЧНЫЙ-БЕЗУПРЕЧНЫЙ

Вот такая однажды произошла история на Днепрострое. Был 1930 год. Шли самые горячие месяцы укладки бетона. По предварительным расчётам за сезон, то есть в более подходящие для этих целей месяцы года, предполагалось уложить 300 тысяч кубометров бетона. Таков был первоначальный план. Мировой рекорд составлял 386 тысяч. Установили его американские строители.

Пошли разговоры на Днепрострое:

— А мы чем плоше!

— А мы чем хуже! Братцы, побьём рекорд!

Недовольны рабочие первоначальным планом. Пришлось техническому отделу снова заняться расчётами. Думали в отделе, думали, прикидывали, всё учитывали, всё взвешивали. Подытожили, подсчитали. Пришли к выводу, что можно побить американский рекорд, что можно уложить 427 тысяч кубометров бетона за сезон.

Довольны строители:

— Вот это уже по-нашему.

Утвердили цифру — объём работы. Казалось бы, всё улажено. И вдруг у строителей рождается новое предложение. Существовал в те годы такой порядок. Утвердят, скажем, соответствующие инстанции определённый план для стройки или для какого-нибудь производства. А рабочие вдруг не соглашаются с этим планом и вносят собственные предложения. Это называлось встречным планом. Появился встречный план и на Днепрострое.

— Уложим 500 тысяч кубометров бетона за сезон, — заявили рабочие.

Узнал о встречном плане начальник Днепростроя Александр Васильевич Винтер, схватился за голову:

— Фантазёры! Мечтатели!

Встретился он с рабочими. Повысил голос:

— Ваш план — это три «П».

Вот так загадка. Смутились строители.

Объясняет Винтер — не реален ваш план. Первое «П» — это план, взятый с потолка, второе «П» — это план с пола. Сделал паузу, посмотрел на собравшихся.

— Ну, а третье «П»? — выкрикнул кто-то.

— Третье «П» — это план, высосанный из пальца.

Объясняет он строителям, что с таким объёмом работ не справятся ни камнедробительные, ни бетонные заводы. План завышенный, план нереальный. Сказал откровенно:

— Липа!

Притихли рабочие. Знают: Винтер не меньше других болеет за стройку, за общее дело. Может, и прав начальник строительства. Разошлись. Остался Винтер один. Немного успокоился. Приостыл. Однако что такое? Никак не выходит у него из головы разговор с рабочими.

— Встречный, встречный, — рассуждает Винтер о плане. — Не согласны рабочие со старым планом. Новый выдвинули. Новый против старого. — Усмехнулся Винтер: — Встречный-поперечный.

Дал он инженерам задание ещё раз всё рассчитать, всё выверить и проверить, всё учесть и взвесить.

Всё подсчитали, всё учли, взвесили, сверили и перепроверили инженеры. Докладывают — с трудом, с большим напряжением, а всё же можно выполнить предложение рабочих.

Посмотрел Винтер на расчёты. Убеждают расчёты.

— Ну что же, придётся согласиться с встречным планом, — произнёс Винтер.

Выполнили днепростроевцы встречный план. Даже перевыполнили. Уложили за год 518 тысяч кубометров бетона. Доволен был Винтер. Ходил, приговаривал:

— Встречный-поперечный. Встречный-безупречный.

ФОРСИРОВАТЬ!

Существует такое слово — форсировать. Форсировать — значит убыстрять, ускорять, прикладывать дополнительные силы.

Было это ещё в первые месяцы строительства Днепрогэса. Только-только стали сюда приезжать первые строители, первые инженеры. Многие из них молодые, горячие. Знают, какую прекрасную им предстоит построить электростанцию. Рвутся быстрее к работе.

Ждали приезда Винтера. Начальник строительства по каким-то делам находился в Москве.

Вернулся Винтер. Окружили его инженеры:

— С чего начинать?

— Что форсировать?

Посмотрел Винтер на инженеров:

— Что форсировать? Строительство кухни.

Переглянулись инженеры. Решили — возможно, шутит начальник строительства. Может, кухня это, как «коза», какой-то местный строительный термин.

— Кухни, кухни, — повторил Винтер. — Элементарной кухни. Фабрики-кухни.

Прибыла с северных строек на Днепрострой группа специалистов. Ожидает приказа о назначении на работу.

— Куда же нас?

Все они специалисты-гидротехники.

Приходит приказ Винтера: направить на дорожные работы.

Прибыла группа специалистов с восточных строек. Электротехники. И эти гадают: куда же их, на какие работы.

Поступает приказ Винтера: направить на строительство жилых домов.

Приезжает новая группа строителей.

— Куда нас? — гадают и эти.

— На разбивку парков, на посадку деревьев, — приходит распоряжение Винтера.

— Что такое? — гадают и первые, и вторые, и третьи, и четвёртые. — Ехали строить электростанцию, а тут кухня, дороги, дома, сады.

Потом о бане, о пекарне заговорил Винтер, о школе, о детском саде.

Даже кое-кто забеспокоился. Тем ли Винтер занимается, то ли форсирует.

Подумали, подумали, сделали вывод — то!

И вот поднялись рядом с Днепростроем жилые дома с электричеством и паровым отоплением. Заработала фабрика-кухня, пролегли шоссейные дороги, открылась баня, затем и школа, молодые деревца потянулись к небу.

Прав оказался Винтер, своевременно заботясь о жизни и быте строителей. Когда широким фронтом началось сооружение электростанции, не надо было людей отрывать от главных работ.

— Что будем теперь форсировать? — спрашивают инженеры Винтера.

— Днепрогэс, — отвечает Винтер.

«ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

Есть знаменитый балет Петра Ильича Чайковского «Лебединое озеро». Есть в «Лебедином озере» не менее знаменитый танец маленьких лебедей. Выбегают на сцену нежные, хрупкие, изящные актрисы-лебеди, исполняют изумительный, плавный, чарующий танец.

Были как-то в Москве в Большом театре рабочие с Днепроостроя братья Степан и Андрей Куницыны. Попали как раз на балет «Лебединое озеро». Наслаждались удивительным представлением.

Начался на сцене танец маленьких лебедей. Толкнул легонько Степан Андрея:

— Как наши.

Не понял Андрей.

— Как наши,— повторяет Степан.— Вроде как мы с тобой.

Расплылся Андрей в улыбке, сказал:

— Похоже.

Степан и Андрей Куницыны были бетонщиками. Труд у них тяжёлый. Тут поспешай, не зевай. Всё время они в движении.

Бетон в пригодном для работы состоянии — это бурое вязкое месиво. Заливают бетон в приготовленные заранее формы. Месиво начинает застывать. Но чтобы качество затвердевшего бетона было хорошим, его необходимо утрамбовать. Трамбовали обычно ногами. Переступают рабочие с ноги на ногу и час, и два, и три, и так всю смену.

Глянуть со стороны — действительно танец. Если иметь фантазию — действительно танец маленьких лебедей.

Вернулись братья на Днепроострой. Не сходит теперь у них с языка:

— Лебединое озеро.

— Лебединое озеро.

— Танец маленьких лебедей.

Про балет всем, кому только могли, рассказали. От них и пошли гулять по Днепрострою театральные термины и словечки. От простых рабочих перебросились к инженерам, к прорабам.

Даже главный инженер стройки Борис Евгеньевич Веденеев не называет теперь бетонщиков иными словами, как лебеди.

Даже сам начальник строительства Александр Васильевич Винтер и этот, как только заходит речь о бетонных работах:

— Как там танец маленьких лебедей?

Приезжали как-то на Днепрострой артисты балета. Говорят им рабочие:

— И у нас тут есть свой балет. Своё «Лебединое озеро». Свой танец маленьких лебедей.

Даже водили артистов по стройке. Даже как «танцуют», как трамбуют бетонщики бетонную массу показывали.

Смотрят артисты, восхищаются:

— Всюду своё искусство.

ЭКСКУРСАНТЫ

Вернулся Назар Тополя с Днепроostroя.

— Ну, как?!

— Ну, что?! — интересуются жители Многожитовки, как там идут дела, что там нового на Днепроostroе?

Многие приезжали тогда на Днепрострой. И строители. И учёные. И иностранные гости. И разных степеней командированные. Приезжали и экскурсанты. Ветеринарный фельдшер Назар Тополя как раз и побывал на Днепроostroе как экскурсант, в составе большой группы.

Ещё по дороге туда встретил Тополя знакомого учителя из соседней Вербовки Ивана Григорьевича Запятку:

— На Днепрострой?

— На Днепрострой.

— Посмотреть?

— Посмотреть.

Пробыли они с Запяткой и с другими экскурсантами на Днепроostroе три дня. Вернулись возбуждённые. Настроение у обоих приподнятое, радостное.

— Ну, как?!

— Ну, что?! — интересуются местные жители. Атакуют они вопросами в Многожитовке Тополю, атакуют в Вербовке Запятку.

Объясняют экскурсанты односельчанам: мол, всё идёт хорошо, растёт, строится Днепрогэс.

Прошло несколько дней, вдруг приходят в Многожитовку и в Вербовку письма.

Письма служебные, с Днепро-
строая.

Забеспокоились в сельсо-
ветах:

— Что же такое?! Почему
с Днепростроая?

Волнуются в Многожи-
товке:

— Что же случилось? Что
же случилось?! Э, погоди,
может, это Запятка и наш
Тополя во всём виноваты.
Может, тогда во время экс-
курсии недоброе что-то сде-
лали?

И в Вербовке о том же
думают:

— Может, это Тополя и наш Запятка подвели в той
экскурсии весь наш хлеборобный край?

Распечатали письма. Читают письма. А в них благо-
дарность Тополе, благодарность Запятке.

— Вот это да! Так за что? Почему, по какому случаю?
Читают — благодарность за труд.

— За труд? Как так? Почему? Ведь экскурсантами
вроде ездили!

Оказалось, что Тополя, Запятка и вся их экскурсион-
ная группа попала на Днепрострой в самые трудные дни,
когда на строительстве случился прорыв. Когда под угро-
зой была плотина. Когда не хватало рабочих рук.

Вот и оказалось, что по предложению Тополи и Запят-
ки вся их экскурсионная группа включилась в общий ге-
ройский труд. Все свои три экскурсионных дня вместе
со строителями отработали.

Довольны в Многожитовке. Довольны в Вербовке.

— Ай да Запятка и наш Тополя!

— Ай да Тополя и наш Запятка!

КОТ ВАСИЛИЙ

Прижился на Днепрострое кот. Был он чёрным-чёрным, чернее ночи. Звали его Василий.

Кот Василий и был первым, с кем встретился Ярослав Погодин, приехав на Днепрострой.

Перешёл кот Василий ему дорогу.

— Тьфу ты! — сплюнул Погодин.

Верил Погодин в чёрную кошку, в чёрного кота: мол, если перейдёт чёрный кот или чёрная кошка дорогу — это не к добру. Существует такая примета.

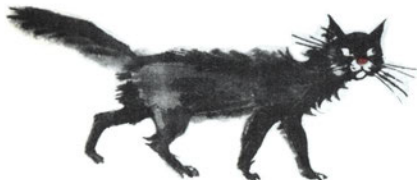
Приехал же Ярослав Погодин на Днепрострой с надеждой устроиться работать кочегаром в составе паровозной бригады. Мечтал он со временем стать паровозным машинистом. А пока, рассуждал, начну с кочегара. Лишь бы приняли, лишь бы не отказали.

На Днепрострое уже работало несколько паровозных бригад. Железнодорожное полотно подходило к самой стройке. Пересекали пути и территорию самого строительства. Подвозят сюда по железной дороге бетон, другие строительные грузы.

— Лишь бы взяли, лишь бы не отказали, — опять о своём Погодин.

Шёл он как раз оформляться на работу. Подходил к строительной конторе. Как тут вдруг. И откуда он только взялся. Метнулся Ярославу Погодину прямо под ноги кот. Глянул Погодин — кот чёрный-чёрный, чернее ночи.

Перебежал он Погодину дорогу, отошёл по-

дальше, повернулся, глаза прищурил и, как показалось Погдину, зло и с ехидством на него, на Погодина, посмотрел.

— Злодей,— прошептал Погодин.

Ясно ему: не бывать ему в кочегарах, не возьмут на работу.

Хотел возвращаться назад. Да тут кто-то:

— Пошли, пошли. Заходи.

Зашёл он в контору.

«Не будет удачи».

Спрашивают Погодина:

— Куда? Кем бы желали работать?

Куда? Конечно, на паровоз!

— На паровоз,— говорит Погодин.— Кочегаром.

— Пожалуйста,— отвечают Погодину.

«Вот так удача!» — не верит Погодин.

Стал он работать на паровозе. Как раз вышел в первый свой паровозный рейс. Бежит по путям паровоз. Гудки подаёт машинист. Погодин лопатой уголь в паровозную топку подбрасывает.

Вот снова бросил лопату угля, бросил вторую. Глянул в оконце — благодать вокруг. И вдруг! Что такое? Видит Погодин: впереди дорогу паровозу переходит кот. Чёрный-чёрный, чернее ночи. «Он, тот самый», — понимает Погодин. Похолодело внутри у Погодина. Первый день он всего на работе. «Не будет удачи, не будет удачи. Беда случится».

До конца смены всё ждал беды. Ничего не случилось. Мало того, выполнила их паровозная бригада в тот день свой трудовой план на 120 процентов.

— Чудеса! — поразился Погодин.

С этого дня и подружился Погодин с котом Василием. Взял его на паровоз. Бежит по путям паровоз. Важно на видном месте сидит Василий. Чёрный-чёрный, чернее ночи.

«ПРОЩАЙ, КОРОЛЕВА!»

Шла зима с 1929 на 1930 год. Морозная выдалась зима. С вьюгами, с метелями. Даже здесь, в краю почти южном, где часто тёплые ветры идут от моря.

Зима. Зимние радости.

Собрались как-то молодые строители — парни и девушки. И вдруг кто-то:

— Бабу лепить! Бабу!

Слепили бабу прямо на льду Днепра. Скатали огромный ком. Скатали второй — поменьше. Ком взгромоздили на ком. Сверху третий ещё поставили. Третий и есть голова.

Вставили два уголька — получились глаза. Кто-то принёс морковку. Приладили — нос готов. Старое ведро раздобыли. Надели бабе на голову. Метлу притащили. Под

мышку сунули. Получилась на редкость, на славу баба. Не баба — снежная королева.

То-то было веселья у этой бабы. Хороводы водили. Под гармонику здесь танцевали. Отмечали строительные победы.

А их было немало за эту зиму. Успехи у взрывников, у бетонщиков, у каменоломов. А главное — была одержана большая общая победа.

29 января 1930 года Днепровская плотина, которую строили сразу и с левого и с правого берега, на середине реки сомкнулась. Днепровской воде теперь предстояло идти в обход по новому пути, по руслу левого протока.

Быстро пролетел февраль. Набежало тепло. Подтаял, сдвинулся, тронулся лёд на Днепре. Впервые пошёл он по новому руслу. Вот и та льдина, на которой стояла баба.

— Прощай, баба!

— Прощай, королева!

Грустно расставаться строителям с бабой. Сроднились. Привыкли. Стоят на берегу Днепра:

— Прощай, королева!

Уходит всё дальше льдина. И кажется людям — машет руками им снежная баба и что-то кричит в ответ.

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА

Бурбэ! Звонко звучит фамилия.

Павел Людвигович Бурбэ был в числе строителей Днепрогэса. Пришёл на Днепрострой простым рабочим. Сразу же обратил на себя внимание. Роем землю — лопата в руках у Бурбэ, словно смычок у скрипача играет. Если несёт носилки — идущий сзади едва поспевает. Если лом у него в руках — замирают в страхе днепровские скалы.

Трудился на Днепрострое и Евсей Ваганов. Станный он человек. В какие-то волшебные силы верил. Присмотрелся к тому, как Бурбэ работает, начал шептать соседям:

— Он с силой волшебной связан.

Смеются другие.

Отметили на строительстве труд Бурбэ. Выдвинули, послали учиться на курсы крановых машинистов. Только отправили, возвращается вдруг Бурбэ.

— Что, отчислили?

— Не получилось?!

Оказалось, Бурбэ досрочно окончил курсы.

Снова все говорят о Бурбэ. И снова Евсей Ваганов:

— Неспроста всё это, неспроста. Как трижды три, как дважды два. Он с силой волшебной дружен.

Смеются другие.

Стал работать Бурбэ на подъёмном кране.

Послали грузить кирпичи. Едва поспевают за ним другие.

Послали на установку огромных бетонных опор и щитов. Еле поспевают подвозить к подъёмному крану щиты и опоры.

Послали на разгрузку тяжёлых частей и деталей для

днепровских турбин. И тут поспевают едва за Бурбэ. Только и слышно:

— Пospешай!

— Пospешай!

— Пospешай!

Снова кругом на стройке:

— Ну и Бурбэ!

— Вот так Бурбэ!

— Бурбэ — золотые руки!

Проработал Бурбэ на Днепрострое четыре года. Четыре года был для других примером, был лучшим из самых лучших.

— Сила волшебная в нём, — твердит о своём Ваганов.

Когда завершилось строительство Днепрогэса, Павел Людвигович Бурбэ был награждён орденом Ленина.

Поздравляют друзья Бурбэ. Радуются высокой награде. Благодарят за отличный труд.

Тут же Евсей Ваганов:

— Говорил я, говорил.

В нём сила сидит необычная, волшебная.

Смеются другие:

— Конечно, сила. Волшебная сила — рабочая статья и честь.

ЛАДУШКИН И БАБУШКИН

Поражались другие:

— И как они дружат?

— И что у них общего?

И верно — разные были они во всём.

Ладушкин высок и тонок, как лыжная палка. Толст, как бочонок, Бабушкин.

Ходит в фуражке Бабушкин. Признаёт только кепку Ладушкин.

Любит Ладушкин щи, ненавидит кашу. Обожает Бабушкин кашу, ест через силу щи.

Бабушкин говорит медленно, медленно, словно каждое слово, как блин, на сковороде печёт.

Подзадоривают другие:

— Ну, выпекай, выпекай!

Выпечет слово. Ждёшь не дождёшься нового.

Ладушкин говорит быстро-быстро, словно слова у него впергонки бегают.

Едва он откроет рот:

— Понеслось, помчалось, — смеются люди.

Курит безбожно Ладушкин. Дым из него как из котельной трубы валит. Табачную гарь за версту оббегает Бабушкин.

Поражаются все кругом:

— И как они дружат?!

— И что у них общего?!

Вот и в работе всё та же несхожесть.

Трудились поначалу они землекопами. Лопата в руках у Бабушкина. Ломом орудует Ладушкин.

— В нашем деле лопата всему начало, — уверяет Бабушкин.

— Лом — молодец, а лопата — дура, — отвечает на это Ладушкин.

Трудились потом на бетонных они работах. Был Ладушкин среди тех, кто бетон замешивал. В числе тех находился Бабушкин, кто бетон утаптывал.

— Главное в нашем деле,— уверяет Ладушкин,— бетон замешать.

Возражает немедля Бабушкин:

— Главное — утоптать.

Послали обоих учиться.

Облюбовал Ладушкин себе профессию кранового машиниста. Учиться на машиниста паровозного попросил послать его Бабушкин.

Вот снова они на стройке.

Вверх, вниз; вверх, вниз — орудует на кране своём Ладушкин.

Вперёд, назад; вперёд, назад — таскает по стройке вагоны Бабушкин.

— Красота! — произносит Бабушкин.

— Вот она где красота,— возражает с подъёмного крана Ладушкин.

Поражались на стройке:

— Ничего тебе общего.

— А вот тебе — дружат!

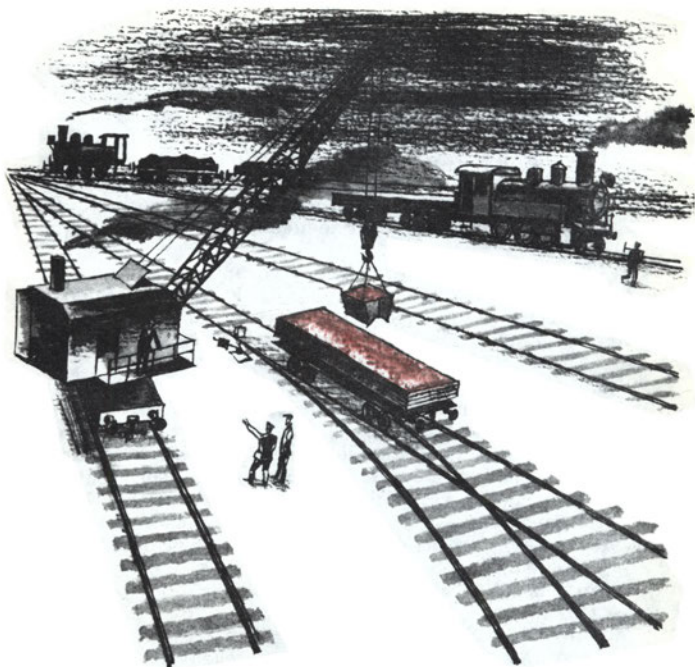
И вдруг:

— Есть общее! Есть общее!

Вспомнили люди: когда работали Ладушкин и Бабушкин землекопами, выполняли они и перевыполняли свои трудовые планы. Потом, когда на бетонных трудились они работах, тоже были среди лучших они из лучших.

И вот теперь оба они в машинистах. Слава идёт о Ладушкине, слава идёт о Ба-

бушкине. И здесь они в лучших, и здесь они в первых. И тут им почёт за их честный труд.

Оба они — и Ладушкин, и Бабушкин — передовики, ударники. Оба труд превыше всего считают. Ясно давно любому: труд — вот что людей сближает.

СТРАУС

Разнорабочего Павлина Рябчикова прозвали Страусом. Заспорили как-то строители, почему его так прозвали.

— Это потому, что, когда он идёт, ноги на манер страуса очень резко вперёд выбрасывает,— уверяли одни.

— Вот и нет,— возражали вторые.— Это потому, что имя его Павлин, и фамилия Рябчиков. Отсюда и прозвище тоже птичье.

— Не в этом, не в этом дело,— говорили третьи...

Страус птица южная, иностранная. Есть такая привычка у страуса: чуть что — засовывает голову в песок. Ничего не видно. Ничего не слышно. Глух и нем. Нем и глух. Удобно!

Вот такая же привычка была и у Павлина Рябчикова. Правда, голову в песок он не засовывал. А просто ни на что не обращал внимания, ни на какие просьбы не отзывался, никогда ни к кому на помощь прийти не хотел.

Случился как-то в бригаде у соседей прорыв в работе. Решила бригада, в которой работал Рябчиков, помочь соседям. Приглашают и Рябчикова. Не отзывается Рябчиков. Делает вид, что не слышит, делает вид, что не видит.

— Рябчиков!

Не отвечает.

— Павлин!

Молчит. Не отзывается.

Да что там какой-то прорыв у соседей! Когда обрушилась шпунтовая стена на Днепрогэсе, все бросились к месту аварии. Побежала и их бригада. Зовут:

— Рябчиков! Рябчиков!

Глух. Безответен Рябчиков.

Даже в деле таком простом: надо было кому-то сходить в аптеку, принести лекарства для своего же больного товарища. Попросили Рябчикова:

— Рябчиков!

Не отзывается Рябчиков. Глух и нем. Нем и глух.

— Страус! — кто-то тогда и бросил.

Так и пошло.

Наказала судьба Павлина Рябчикова. Проходил он как-то мимо одной из строительных площадок. И надо же, именно в эту минуту здесь оборвалась бадья с бетоном. Покатилась она вслед за Рябчиковым. Догоняет.

— Рябчиков! — кричат ему. — Рябчиков!

Не реагирует Рябчиков. Зачем. Пусть себе кричат.

— Павлин! Павлин!

Даже кто-то выкрикнул:

— Страус!

Не поворачивает головы Рябчиков. Глух и нем. Нем и глух. Так и ударила его бадья. Так и пришибла. Правда, к счастью, не насмерть.

Выходили его врачи. Даже доктор, лечивший Рябчикова, благодарность специальную получил.

Улыбались другие:

— Случай особый — вылечил Страуса.

Действительно, вылечили. Пошла на пользу ему наука. Стал внимательным Рябчиков к товарищам, начал работать по-ударному.

Не стало с этого времени Страуса.

Снова всюду звучит его настоящая фамилия.

ВСЕ НА СВОИХ МЕСТАХ

На Днепрострое готовились к сооружению ряжевой временной перемычки.

Для этого в дно реки надо было вбить сваи и между ними установить шпунт — забор из многометровых металлических балок.

Советским строителям возводить Днепрогэс помогали американские инженеры. Находились они на правах консультантов. Были крупными специалистами в своём деле.

По проекту и по рекомендациям американских инженеров расстояние между сваями устанавливалось от одного метра — внизу и до двух метров —верху.

И вдруг молодой советский инженер Блинов заявил, что расстояние это неоправданно малое, что можно его увеличить. И тем самым сэкономить и человеческий труд, и строительные материалы.

Обратился он к старшим товарищам. Одни говорят:

— Прав Блинов, молодец Блинов.

Другие:

— Что ты, что ты. Ничего менять невозможно. Так же указано в проекте. Так и консультантами одобрено. Они уже не раз возводили крупные гидроэлектростанции в Америке. У них есть опыт. У них есть знания.

И всё же многие заинтересовались предложением Блинова. Посмотрели его расчёты.

— Ступай,— говорят,— к американскому консультанту.

Пришёл к консультанту Блинов.

Посмотрел тот на Блинова, как лев на котёнка, как слон на мышонка.

— Нет,— говорит.— Нельзя.

— Почему же?

— Опыт,— говорит инженер.— Опыт подсказывает, что нельзя.

Достал Блинов свои расчёты.

— Не показывайте, не показывайте,— замахал инженер руками.— Нельзя. Нельзя. Всё уже проверено и перепроверено.

Так и отказался инженер рассмотреть предложение Блинова.

Однако Блинов оказался упорным. Добился всё же того, что была составлена специальная комиссия, которой и поручили проверить его расчёты.

Проверила комиссия.

И что же?

Прав оказался Блинов. Можно увеличить расстояния между сваями.

Даже сам инженер Хью Л. Купер — руководитель американских консультантов — признал это.

— Голова! Молодец! — похлопал он по плечу Блинова.

Понял Купер, что тот инженер, который вначале отказался даже взглянуть на проект Блинова, зазнайка, человек, к делам строительства безразличный. Отправил инженера назад в Америку.

Отправлен консультант в Америку, принят проект Блинова.

Довольны на стройке:

— Всё на своих местах.

Случай с Блиновым был исключением.

Когда строительство было завершено, шесть американских инженеров были награждены орденами Трудового Красного Знамени. А имя инженера Хью Л. Купера даже увековечено на Доске почёта Днепровской гидроэлектростанции.

ЯСТРЕБКИ-СОКОЛИКИ

— Эх ты, мой соколик!

— Отдохни, отдохни, соколик!

Произносил Пётр Ильич Думкин эти слова, откладывая топор в сторону. Это он топор называл соколиком.

Пётр Ильич Думкин плотник, прекрасный мастер. Топор у него в руках словно живой.

— Душа в нём имеется,— говорил Думкин.

Во время работы любил он разговаривать со своим соколиком. То о погоде:

— День-то сегодня какой, соколик.

— Радость кругом какая.

То о делах домашних:

— Что-то из дома давно не пишут.

— Как там они, соколик?

То о работе:

— Вот тут нам надо ещё ударить.

— Вот тут нам надо ещё подправить.

Смотрят другие:

— Чудной этот Думкин,— говорили о Думкине.

В важных вопросах плотник с топором, как с другом, советовался.

— А что, соколик, не вызвать ли нам на соревнование Гаркашу Данилу Степановича? (Это тоже известный на Днепрострое плотник.)

— А не накинута ли к плану, соколик, нам ещё пять процентов?

Ценил свой рабочий инструмент Думкин, берёг. Специальный чехол на топориное жало сшил.

Смеются другие:

— Ты бы на ночь его — в постель.

— Подушку ему под голову.

Много плотницких работ производилось во время строительства Днепрогэса. Особенно когда перекрывали Днепр, когда возводили ряжевую перемышку. Каждый ряж складывался из брёвен. Внешне напоминал он сруб или деревянный колодец. Готовый ряж надо было опустить в быструю днепровскую воду. Днепр протестовал, сопротивлялся. Бывали случаи, когда опрокидывал приготовленную заготовку, ломал её, уносил вниз по течению. Но вот ряж установлен. Теперь надо заполнить камнями. Одна из опор готова. Много ряжей надо было тогда сложить. Много и быстро. На строительстве ряжевой перемышки и началась слава Петра Ильича Думкина. Опередил он намного других в труде. Не прекращаются разговоры о славном мастере и его соколике.

— И верно — топор у него особый.

— А может, и вправду в металле душа имеется.

Стали теперь и другие плотники повнимательней к своим топорам присматриваться. Вот уже кто-то и свой топор стал называть соколиком. Кто-то назвал ястребком. Появились потом голубок, лебёдушка. Другие пошли имена. Красивые, нежные.

Утро. Начинается новый день. Стучат над Днепром ястребки-соколики.

ВОДЯНОЙ

— Беда!

— Беда!

— Беда!

На Днепрострое случилась беда. От сотрясения, возникшего в результате взрывных работ, обвалилась шпунтовая стена. Обвалилась, ушла под воду.

На строительстве был объявлен аврал. Пришла сюда срочно помощь.

Шпунтовая стена состоит из тяжёлых металлических балок — шпунтин. Их-то и надо было теперь срочно поднимать из воды.

К месту аварии прибыли баржи. На одной из них — девочка Глаша Губенко. Была она дочерью рулевого. Жила вместе с отцом на барже. Пять лет всего Глаше. Непослушная очень Глаша. Всё норовит подойти к борту.

Пугает её отец, пугают другие:

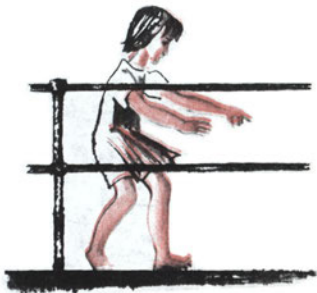
— Не подходи, не подходи — водяной схватит!

Отойдёт Глаша, а затем снова лезет к обрезу баржи. Бежит вода, бежит, обтекает деревянный борт баржи. Нравится Глаше смотреть на воду.

— Водяной схватит, водяной, — снова пугают девочку.

Прибыли баржи в район аварии. Установили на баржах подъёмные краны. Вот и на Глашиной барже поднялся кран.

Довольна Глаша — то-то сколько рядом событий разных! Носится ветром она по палубе. То в воду глянет, то

на подъёмный кран, то головой поведёт по кругу.

Вот вновь подбежала к борту, посмотрела на воду.

Глянула. Вскрикнула. Ойкнула Глаша. Видит: что-то живое, однако неясное, непонятное вдруг подымается из воды.

— Водяной! — закричала Глаша. — Водяной! — Метнулась быстрее в трюм.

Оказывается, поднимать шпунтины со дна реки строителям помогали водолазы. Профессия редкая, необычная. Требуется она и смелости и геройства. Во многих местах во время строительства Днепрогэса отличились отважные водолазы.

А рабочий-водолаз Павел Иванович Орлов был даже награждён орденом Красной Звезды. Орден этот вручается за героизм и боевые подвиги. Получить такой орден в мирные дни — исключительный, редкий случай.

Рады товарищи за Орлова. Поздравляют с наградой Орлова, с орденом.

ЖЕНЯ РОМАНЬКО

— Эй, ребята!
Никакого ответа.

— Эй, ребята!
Фигуры повернулись.

— Ах, пардон, пардон. Извините.

Перед окликнувшим стояли девушки. Ватные брюки на девушках, стёганные тужурки, брезентовые куртки поверх тужурок. Шапки-ушанки на головах.

Девушки улыбнулись. Одна из них сказала:

— Слушаем вас, товарищ.

Девушку звали Женя. Фамилия — Романько.

Окликнул девушек корреспондент, приехавший на стройку по заданию одной из столичных газет. Дело было в конце зимы.

Одежда на стройке у всех схожая. Вот и принял корреспондент Женю и её подруг за парней. А надо сказать, что приехал он на Днепрогэс главным образом из-за этой самой Жени Романько.

Слава о Жене Романько гремела по всему Днепрострою. Даже Москвы достигла.

Началось всё с того, что простая девушка-работница решила на Днепрострое создать специальную женскую бригаду. Причём бригаду бетонщиц.

Работа бетонщиц тяжёлая-тяжёлая. Мужской это труд. Смеялись, конечно, над предложением Жени:

— Бригаду!

— Бетонщиц!

— Женскую!

— Ох, уморила! Ох, уморила!

Но упорной была Женя. Такими же оказались её подруги.

Добылись они своего. Создали на Днепрострое бригаду

женщин-бетонщиц. Не перестают многие потешаться над девушками. Особенно молодые парни:

— Вам бы лучше борщи варить.

— Вам бы лучше в кино ходить.

Начали девушки работать. И правда отстают они от мужских бригад. И опять парни:

— Ага. То-то!

— Это вам не гусей гонять.

— Это вам не крестиком вышивать.

Терпеливо переносили насмешки девушки. Не отвечают на шутки. Осваивают бетонное дело.

Прошло немного времени. Замечают на стройке — подтягивается женская бригада. День за днём, день за днём всё выше трудовые успехи девушек. И вот наступил момент, когда бригада Романько догнала других, стала не хуже мужских на стройке. Перестали парни смеяться:

— Ого, резвые какие оказались!

Прошло ещё немного времени. И что же? Вперёд вышла бригада Жени Романько. Вышла вперёд. Обошла других. Заняла первое место в соревновании бригад.

Корреспондент, который было принял Женю Романько и её подруг за парней, написал о них большой очерк.

Уже в Москве посмеивались над ним, спрашивали, как это он так ошибся, что девушек за парней принял.

— Не ошибся, не ошибся, — отвечал корреспондент. — Хоть и девушки, однако дела — мужские.

НЕУСТОЙКА

Адамовка и Чернявка — два соседних села. Многие жители и Чернявки и Адамовки ушли на строительство Днепрогэса.

Ушли вместе с другими и Иван Козырь, и Семён Дыба. Дыба родом был из Адамовки. Козырь — из Чернявки.

И вот в родное село пришло письмо от Семёна Дыбы. Писал Дыба, что бригада, в которой он и другие адамовские мужики работают, решила взять шефство над родным селом.

Рады в Адамовке письму от односельчанина.

Вскоре пришло письмо и в Чернявку. Писал его Иван Козырь. Писал, что бригада, в которой он и другие приехавшие на Днепрострой мужики из Чернявки работают, решила взять шефство над родной Чернявкой.

Рады в Чернявке, что их посланцы не забыли родное село, помнят.

Через какое-то время снова в Адамовку и Чернявку приходят письма.

Пишут всё те же Дыба и Козырь. Пишут, что их бригады вступили друг с другом в социалистическое соревнование. Даже заключили специальный договор. Много различных пунктов в этом договоре. Пункт — чтобы работать добросовестно. Пункт — чтобы план выполнять вовремя. Пункт о том, чтобы беречь строительные материалы, рабочий инструмент, вести активную общественную работу. Другие пункты. А вот и ещё один. Называется он «Неустойка». Записано в нём следующее: «В случае невыполнения пунктов настоящего договора устанавливается неустойка в размере одного воскресника в пользу подшефного села». И ниже: «Подводить итоги соревнования каждые три месяца».

Читают в Адамовке и Чернявке письма Дыбы и Ко-

зыря. Особенно запомнилось крестьянам место про неустойку в пользу подшефного села.

— Ага, значит, и для нас не без пользы.

Размечтались крестьяне:

— Может, пришлют племенного быка.

— Сеялку.

— Веялку.

— Вот бы трактор «фордзон» прислали.

Прошло три месяца.

— Ну, как там по линии неустойки?

Приходят письма от Дыбы и Козыря. И один и второй сообщают — всё ладится в их бригадах. Нет ни падений, ни сбоев, ни срывов. В передовых бригады.

— Понятно, — рассуждают крестьяне. — Не предвидится неустойки.

Снова проходят три месяца. Снова приносят письма от Козыря и Дыбы. Пишут днепростроевцы — по-прежнему ладится всё в бригадах. Нет ни сбоев, ни падений, ни срывов. На Красной доске бригады.

— Понятно, — опять крестьяне. — Не получается с неустойкой.

Прошло ещё три месяца, а затем и ещё три.

Выполняют и перевыполняют на Днепрострое крестьянские бригады свои трудовые планы. Отличные итоги у каждой из них в социалистическом соревновании.

Следят крестьяне за работой своих односельчан. Кто-то сказал:

— Плохи наши дела, братцы, плохи. Плакала неустойка!

И вдруг.

— Как плохи?! — зашумели крестьяне. — Как плохи?! Лучше лучшего наши идут дела.

И тут же:

— Выходит, наши адамовские на Днепрострое не подвели.

— Выходит, наши чернявские не подкачали.

— Честь родительскую не уронили.

— Честь крестьянскую сберегли.

Довольны в Адамовке, довольны в Чернявке:

— Если бы в работе они оплошали, вот где была бы для нас неустойка.

НЕРОДИГРЕЧКА

Разные бывают у людей фамилии. Был на Днепро-строе бригадир по фамилии Неродигречка. Возглавлял он бригаду каменотёсов. Бригада отличная, передовая. Всё время на виду. На виду и бригадир со своей фамилией.

Только и слышно:

— Неродигречку к прорабу!

— Идите к Неродигречке.

— Поздравляем с успехом, товарищ Неродигречка!

Свои привыкли. Однако для приезжих, для новых странно звучит фамилия. Сразу вопросы:

— Откуда пошла фамилия?

Объясняет Неродигречка. Сам он здешний, с мест приднепровских. Любит Неродигречка родимый край. Солнца здесь много. Места привольные. Да вот беда — вет-

ры гуляют знойные. Не хватает воды полям. Если дожди задержатся, где-то в пути просыпятся — гибнет здесь гречка, гибнет здесь просо. Выгорают пшеница, рожь. Видать, несладко здесь пришлось бригадировым предкам. Неспроста объявилась такая, видать, фамилия. Есть и другие в этих местах фамилии — Неродипросо, Неродирожь...

Не один, выходит, на свете Неродигречка. Нижнее Приднепровье — ненадёжный, не всегда урожайный край.

Когда создавался проект Днепровской гидроэлектростанции, люди и об этой проблеме думали. Поднимется плотина. Поднимется вода в Днепре. Создастся целое Днепровское море. Пойдут от моря каналы в степь. Побежит по каналам вода на поля и колхозные земли.

Так и получилось, когда построили Днепрогэс. Не только электрический ток устремился по проводам на заводы и фабрики. Но и днепровская вода пришла на поля Приднепровья.

Стояли, смотрели на дело человеческих рук строители. Кто-то сказал:

— Быть урожаю.

И сразу другие:

— Роди гречка!

— Роди просо!

— Роди рожь!

— Наливайся соком пшеничный колос!

Тут же со всеми стоял Неродигречка.

Повернулись строители к бригадиру:

— Срочно меняй фамилию.

ПОСЛЕДНИЙ БЕТОН

Завершалось сооружение Днепровской плотины.

В любом деле наступает последняя минута. Кто-то кладёт последний кирпич. Кто-то вбивает последний гвоздь. Кто-то земли последний совок бросает.

Так и здесь на строительстве Днепрогэса. Кто-то в тело Днепровской плотины должен был уложить последнюю бадью бетона.

Последний бетон! Кому же удача выпадет? Кто будет в тот час на смене? Какой повезёт из бригад?

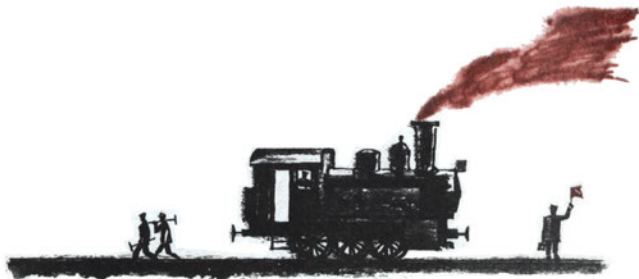
Стали считать, прикидывать. Десятки бригад на стройке. Кого же удача ждёт?

И вдруг!

— Не надо считать, прикидывать.

— Не надо ловить удач.

Решили на Днепрострое так: устроили соревнование между бетонными бригадами. Какая окажется в труде лучшей из лучших — пусть та и уложит последний бетон в плотину.

— Верно, — соглашаются все.

— Высшая справедливость.

А кто подвезёт последний бетон на стройку? Какая из паровозных бригад? Стали и здесь считать, прикидывать. Десятки паровозных бригад на стройке. К кому здесь придёт удача? И вдруг!

— Не надо считать, прикидывать.

— Не надо ловить удачу.

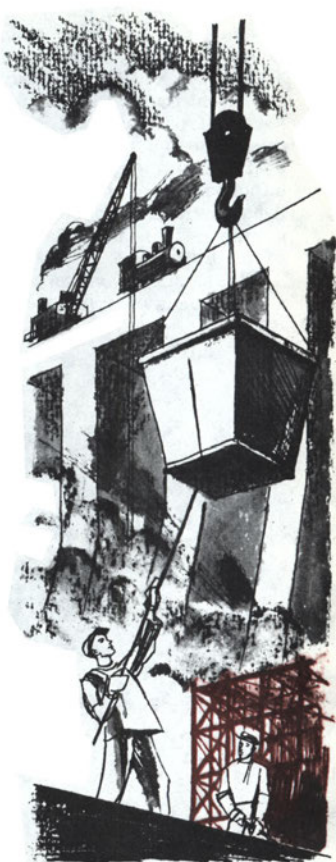
Решили на Днепрострое так: устроить соревнование между паровозными бригадами. Какая окажется в труде лучшей из лучших — пусть та и подвезёт последний бетон к плотине.

Бетон, подвезённый на стройку, надо поднять на самый верх плотины, там его и ожидает бригада бетонщиков. Поднимают бетон в огромных вёдрах-бочках — бадьях. Делают это подъёмные краны. Стали и машинисты подъёмных кранов считать, гадать, к кому из них здесь удача спустится.

И вдруг!

— Не надо считать, гадать.

— Пусть отдохнёт удача.

Решили и здесь устроить соревнование между крановыми машинистами. Кто окажется в труде первым из первых, тот пусть последнюю бадью с бетоном и подымет.

С новой силой вспыхнуло соревнование.

Каламбурят на Днепрострое:

— Чтобы оказаться в числе последних, надо быть непременно первым.

Подвели итоги соревнования. Вот они, первые: среди паровозных бригад — бригада паровозного машиниста Афанасия Дмитрусенко. Среди машинистов подъёмных кранов — Павел Бурбэ. Среди бетонных бригад — бригада Жени Романько.

Слава им — лучшим. Они и уложили последний бетон в Днепровскую плотину.

КУРЬЕРСКИЙ ПОЕЗД

Строительство Днепрогэса приближалось к концу. В здании электростанции устанавливались гидротурбины. На лопасти этих турбин и упадёт с высоты днепровская вода. Завращаются гидротурбины, передадут свою энергию специальным машинам, вырабатывающим электроэнергию,— генераторам. Заработают огромные генераторы. Появится электрический ток. Побегит ток по проводам. Вспыхнет в домах свет, заработают станки на фабриках и заводах.

На Днепрогэсе устанавливалось девять гидротурбин. На монтаж первых двух было отведено 90 дней. Подумали, подумали монтажники, выдвинули встречный план: взяли на себя обязательство закончить монтаж за 60 дней.

По соседству с монтажниками работал Харитон Кривозуб. Не очень он верил в эти сроки. Даже пошёл на пари со своим напарником Спиридоном Ваниным.

Были у Кривозуба усы — пышные, длинные. И вправо и влево торчат метёлочкой.

— На усы ставлю,— заявил Харитон Кривозуб.— Не управятся они в два месяца.

Смеётся Ваня:

— Подведут, подведут тебя монтажники. Без усов останешься.

Приступили монтажники к работе.

Бегут, бегут дни и часы. Но и работа не стоит, движется.

Помогают люди друг другу в труде. Не теряют напрасно время.

Бегут, бегут дни и часы.

Всем ясно, что справляются монтажники со взятыми на себя обязательствами. И лишь один Кривозуб:

— Это мы ещё посмотрим.
— Цыплят по осени считают.

— Не кажи гоп, пока не перепрыгнешь.

Всё выше темп в работе у монтажников. Всё выше трудовой энтузиазм. Ладится у них всё. Всё быстрее, быстрее движется.

Кто-то глянул на рабочий темп монтажников. Рассмеялся:

— Курьерский поезд!

Курьерский поезд — это значит самый скорый, самый стремительный.

Понравилось монтажникам сравнение:

— Пусть будет так.

— Не опоздаем.

— Вовремя прибудем на станцию назначения.

И верно — прибыли.

Монтажники не только сдержали данное слово, но и перевыполнили взятые на себя обязательства. Закончили монтаж двух первых гидротурбин не за 90 дней, как предусматривалось планом, и не за 60 дней, как было записано во встречном плане, а с небывалым рекордом — всего лишь за 36 дней.

Даже Кривозуб и этот развёл руками. Даже и он сказал:

— Курьерский поезд!

Проиграл он пари. Пришлось ему сбрить усы. Нет больше над верхней губой метёлочек.

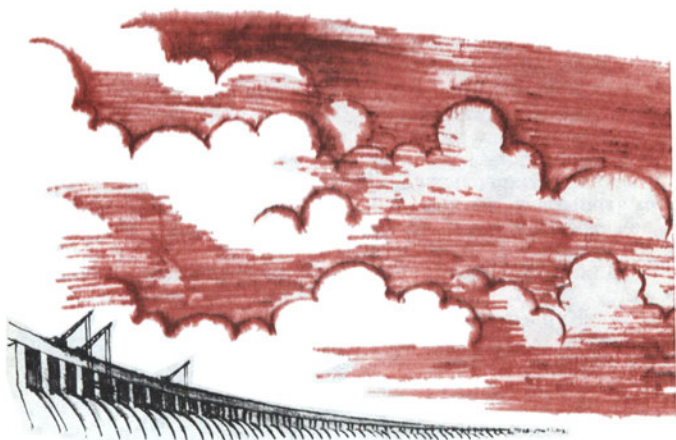
АНТИП И АГРИППИНА

На окраине большого села километрах в десяти от Днепра на старой, когда-то громом разбитой липе жил аист. Даже имя имел — Антип. Была у него аистиха. Звали её Агриппина.

Выводили они аистят. Важно ходили по недалёкому лугу. Протекал там ручей. Рядом болотце было. В болотце лягушек, хоть океан пруди.

Нравились Антипу эти места. И Антип с Агриппиной всем очень нравились.

Оберегали их на селе. Считали, что аистиня семья приносит всем селянам и удачу и счастье.

Когда наступала весна, все с нетерпением ожидали прилёта аистов.

Ждали и в ту весну.

Ждут.

Ждут.

Не прилетает что-то Антип. Не появляется Агриппина.

Что такое?! Волнуются на селе. Может, в заморских странах с ними беда случилась? Может, в пути кто-то обидел птиц?

Мальчишки на небо в сто глаз смотрели. К старой Ковбасихе советовать бегали.

«Прилетят», — уверяла Ковбасиха. И верно: прилетели аисты.

Радость на всём селе:

— Прилетели!

— Прилетели!

— В гнезде. На месте!

Сразу вопросы к Антипу и Агриппине:

— Где пропадали?

Скосил Антип свою голову. Простучал что-то клювом. Приподняла Агриппина крылья. Что-то в ответ прохlopала. Только не поняли люди ответа. Так и осталось неясным, где пропадали птицы.

Быстро промчалось лето. Вывели аисты птенцов. На крыло поставили — то есть научили летать молодых.

Стали готовиться к отлёту в тёплые страны.

Кричат им мальчишки вслед:

— Не задерживайтесь!

— Возвращайтесь!

— Дороги счастливой. Ждём!

Снова весна настала. Забурили ручьи и реки. Зелень щедро повсюду брызнула. Ждут на селе Антипа и Агриппину. Ждут. Ждут. Не появляются аисты.

Снова мальчишки на небо в сто глаз смотрели. Потеряли надежду люди. С самым худшим уже смирились. Даже старая Ковбасиха теперь заколебалась. И вдруг:

— Прилетели!

— Прилетели!

— Глядите, по лугу ходят.

И верно: ходят, любят лугом аисты.

Что же случилось с птицами?

В небе у крылатых свои дороги. Так и у Антипа и Агриппины. Возвращаясь к родному гнезду, долетали они до Днепровских порогов. Брали отсюда резко налево. Ещё около часа крылом махали. И вот оно рядом село знакомое. Вот он родимый дом.

Так было всегда. Однако в прошлом году... Подлетают птицы к знакомым местам. Вот он Днепр. Вот знакомые берега. Вот будут сейчас пороги.

Смотрят птицы. Нет никаких порогов. Исчезли пороги. С левого берега, с правого поперёк Днепра какие-то странные стены тянутся.

Не признали аисты места, где надо им повернуть налево. Дальше ушли на север. Плутали, плутали. Затем вернулись. С трудом разыскали гнездо родное.

Через год опять непонятное ожидало аистов. Закончено было сооружение Днепровской плотины. Разлился Днепр настоящим морем. Подлетают аисты — море. Ахнули птицы: сбились с пути, выходит. И снова они плутали. И снова: где же родные места — гадали.

А когда прилетели Антип и Агриппина ещё через год, то и вовсе чудеса ожидали аистов. Вечер опустился над селом, над полем, над лугом. Уселись в гнезде Антип и Агриппина. Шеи свои убрали. Только собрались прикрыть глаза. Как тут. Сотни солнц вдруг кругом ударили. То зажёгся в домах электрический свет.

Привстали птицы в гнезде. И справа огни, и слева. И там впереди — огни.

— Чудеса! Чудеса! — поражается Антип.

— Чудеса! Чудеса! — поражается Агриппина.

Да что Агриппина, да что Антип. Все поражались. Все ликовали. Был общий праздник по всей стране.

Стоял май 1932 года. Днепровская гидроэлектростанция дала первый промышленный ток.

Бежит, бежит ток по проводам. Несёт радость советским людям.

КРЫЛАТАЯ ПАЛАТКА

РАССКАЗЫ О ТОМ,
КАК СИБИРЬ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ
БЫЛИ СОЕДИНЕНЫ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГОЙ

ПЕРВЫЙ ШАГ

- Раз, два — взяли!
- Правая легче! Левая стукни!
- Бросай! Бро-сай!

Люди укладывали железнодорожное полотно.

1927 год. Далеко в Сибири и в Средней Азии начали строить железную дорогу. Знаменитый Турксиб. Если расшифровать это слово, получается Туркестано-Сибирская железная дорога.

На севере Сибирь, на юге Средняя Азия. Строят дорогу сразу с двух направлений. Тянут с севера на юг. Тянут с юга на север. Видны плакаты:

«Даёшь север!»

«Даёшь юг!»

Для многого нужна здесь железная дорога. Сибирь

и Средняя Азия совсем не похожие друг на друга части нашей страны. В Средней Азии жара. В Сибири холодно. Хлопок растёт на юге. Зерно, хлеб хорошо вызревают в Сибири. В Средней Азии есть уголь, есть олово, медь, другие цветные металлы. Сибирь богата и хлебом и лесом. А в Средней Азии леса нет. Зато здесь много пастбищ, много скота, шерсти и мяса. Очень важно соединить Сибирь и Среднюю Азию железной дорогой.

Туркестано-Сибирскую железную дорогу с севера на юг стали вести от города Семипалатинска. Город Семипалатинск стоит на реке Иртыше. Через Иртыш надо было построить железнодорожный мост.

Дружно здесь приступили к работе.

Местные мальчишки бегали к берегу Иртыша:

— Растёт!

— Растёт!

— Растёт!

Действительно, выросал через Иртыш мост. Но это был пока мост временный. Назывался он эстакадой. Будет готова эстакада, с её помощью и начнётся строительство главного моста.

Сооружение эстакады закончилось осенью 1928 года. Построена эстакада. Радуются люди. Первый шаг сделан.

И вдруг. Места под Семипалатинском довольно спокойные. Нет здесь вулканов. Не проносятся здесь тайфуны. Не возникают страшные землетрясения. Равнинный, спокойный край. И всё-таки нет-нет — сорвётся вдруг ветер. Взыбит воду на Иртыше. Заплещет Иртыш, как море.

Вот и тогда. Уровень воды в Иртыше неожиданно начал повышаться.

Мальчишки бегали к воде. Смотрели:

— Поднимается!

— Поднимается!

— Поднимается!

За пять часов вода поднялась на два метра. Залила

берега. Ветер усилился. Волна увеличилась, сорвала с причалов паромы. У берегов стояли баржи, гружённые зерном. И их подхватили волны. Стояли лодки, плоты, баркасы. Оторвало и их от берега.

Всё это устремилось вниз по течению, приблизилось к эстакаде. Наступила ночь. Неожиданно перевернулся какой-то плот. У эстакады созданся затор. Как грозные льдины весной в ледоход, стали давить на эстакаду плоты и баржи.

— Эстакада в беде!

— Эстакада в беде!

Забегали люди. Ночь. Темнота. Как же помочь мосту? И вдруг:

— Взорвать эстакаду!

Жалко взрывать эстакаду. Да выхода нет другого.

Взорвали подрывники часть эстакады. Рассосался затор у моста. Прошли через образовавшийся в эстакаде проход и плоты, и паромы, и баржи.

Вдохнули все с облегчением. Прошло немного времени — восстановили строители эстакаду. С ещё большей энергией стали строить Иртышский мост.

Удача не вечно шагает рядом. Лишь сильный духом в пути побеждает.

ЧОКПАРСКИЙ ПЕРЕВАЛ

На юге Турксиб начали строить от станции Луговой. Вначале дорога шла по ровному месту, а затем путь строителям преградили горы. Исследовали геологи и инженеры горы. Указали, где лучше пройти Турксибу. Вот оно главное место — Чокпарский перевал.

Чтобы поезд мог подняться на Чокпарский перевал, железную дорогу надо было построить со многими изгибами. Чем больше изгибов, тем менее крутым становится подъём в гору, тем легче поезду подниматься вверх.

Наметили проектировщики места, где пройдёт дорога, всё выверили и проверили, приступили строители к работе. И тут. Группа молодых инженеров вдруг заявила, что есть новый вариант дороги через Чокпарский перевал. Предложили они уменьшить количество изгибов, а тем самым сократить и расстояние через горы. Самым молодым из этих молодых был инженер Константин Кривцов. Самым активным он оказался, самым настойчивым.

Возражают авторы первого проекта:

— Если уменьшить число изгибов, дорога будет круче, подъём — сложнее.

— Не страшно, — говорит Кривцов.

— Как не страшно! Паровоз не втянет в гору состав.

— Не страшно, — опять повторяет Кривцов. — Будем вместо одного два паровоза прицеплять к составу.

Возникли споры вокруг нового варианта. Одни за то, чтобы прокладывать дорогу так, как предлагают молодые инженеры. Другие за то, чтобы всё осталось по-старому, то есть вести дорогу с многими изгибами.

— Неэкономно это, расточительно, — стоят на своём молодые инженеры.

— Зато надёжно, — заявляют сторонники первого проекта. — Не всегда окажется второй паровоз рядом.

Не утихают споры.

Противоречия на Турксибе дошли до Москвы. Идут телеграммы в Москву. Приходят телеграммы из Москвы. Но и здесь в Москве нашлись разные точки зрения. И здесь одни за то, как предлагают молодые инженеры. Другие за то, чтобы ничего не менять. Продолжать строить дорогу по прежнему проекту. Заявляют:

— Поздно уже менять направление. Дорога строится.

— Нет, не поздно, — оспаривают молодые инженеры. — Хотя и строится дорога, но ещё не дошла до перевала.

Не утихают споры. Даже специальная комиссия из Москвы приехала. Стали изучать всё на месте. Подсчитали, какая же выгода будет из того, если дорогу построить по новому варианту. Оказалось — огромная выгода. Короче будет дорога — значит, меньше объём работ. Меньше понадобится рельсов, шпал, меньше строить мостов, переходов, других путевых сооружений.

Довольны таким выводом молодые инженеры.

Однако оказалось и это ещё не всё. Вновь и вновь возвращались к обсуждению проекта молодых инженеров и в Москве, и здесь, на Турксибе. Наконец его утвердили.

Подсчитал как-то Кривцов, сколько раз обсуждался их проект. Оказалось, семь раз. Вспомнил он поговорку:

— Семь раз отмерь, один раз отрежь.

Переиначил на строительный лад чуть-чуть поговорку:

— Семь раз рассчитай, проверь, один раз построй.

ДВА И ПЯТЬ

— Н-да,— произнёс Филат Скворода.— Н-да: два и пять!

— Что — два? — спрашивал Серёгин.

— Что — пять? — спрашивал Пинегин.

Серёгин и Пинегин — новички, молодые рабочие, совсем недавно приехали на Турксиб. Филат Скворода среди тех, кто в числе первых прибыл сюда на стройку.

— Н-да,— повторил задумчиво Скворода.— Н-да: два и пять.

— Что — два? — снова спросил Серёгин.

— Что — пять? — снова спросил Пинегин.

— Два дня работаем,— сказал Скворода.— Пять расчищаем снег.

Работы шли на Чокпарском участке Турксиба. Протяжённость участка 173 километра. Самый тяжёлый на этом участке, конечно, участок Чокпарского перевала. Поднялись на пути у Турксиба здесь горы и скалы. Через горы и скалы и надо пробиться железнодорожному полотну.

Работы на Чокпаре начались ещё летом. Взрывали, долбили строители скалы. Готовили под железнодорожный путь выемки среди гор. Затем наступила осень. Задули ветры, пошли дожди. Прошагала осень, пришла зима. Зимы здесь суровые. Морозы — свыше тридцати градусов. Налетают шквальные ветры. Сокрушают всё на своём пути.

Зимой и прибыли на Чокпар Пинегин с Серёгиным.

— Вот так-то,— сказал Скворода.— Два дня работаем, пять расчищаем снег.

Не поверили вначале Серёгин с Пинегиным. Прибыли они в день ясный, солнечный. Правда морозно. Так ведь на то и зима. Глянешь кругом: горы, обрывы, синь на

небе, солнце улыбается. Красота! Даже пропел Пинегин:
«Мороз и солнце — день чудесный!»

И вдруг заклобуилось небо. Покрылось грозными облаками.

— Начинается. Жди,— произнёс Скворода.

И действительно. Обрушился снегопад. Затанцевало вокруг. Замело. Закружило. Весь день и всю ночь бушевала метель. Свистело под Чокпаром. Завывало. Зловещим криком людей пугало. Потом успокоилось, стихла буря. Вышли из своих временных жилищ строители. Бело кругом. Глянули Серёгин и Пинегин на выемку, туда, где укладывали полотно. Нет выемки. Занесло её снегом, сравняло с горами.

Подошёл Скворода, произнёс своё вечное:

— Н-да!

Прав оказался Скворода. Пять дней расчищали люди от снега выемку. Утрамбовался, слежался снег. Едва поддаётся кирке и лому.

Расчистили строители путь от снега. Снова звучат команды. Снова ложатся на шпалы рельсы.

Проработали день, второй. И снова взревела буря. Снова кружило, бушевало, свистело кругом. Снова разъярённым зверем ветер кругом метался.

Успокоилась буря. Бело кругом. Снова тонны и тонны снега.

Глянул Скворода, произнёс своё вечное:

— Н-да!

Не остановила людского порыва буря.

Шутят строители:

— На порыв ветра — мы свой трудовой порыв.

Не остановились работы на грозном Чокпаре. Всё дальше и дальше на север идёт дорога.

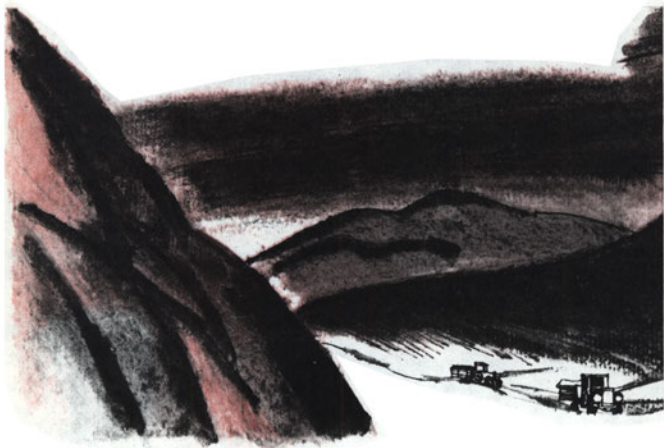
КУРДАИ

Недалеко от перевала Чокпарского находился перевал Курдайский.

Через Курдайский перевал шли к строителям Турксиба многие важные грузы. Это был цемент, лес, горючее, разное механическое оборудование. Доставляли грузы на автомашинах или гужевым транспортом, то есть на лошадях.

Вот снова машины отправились на перевал. Пять их было. Пять водителей. Пять пассажиров. Один из водителей — новичок.

— Автандил, — представился. — Гурамишвили.

Грузин он, с Кавказа. Впервые двинулся на Курдай. Забеспокоились другие водители: дорога опасная, не подвёл бы грузин-новичок в пути.

Тронулись в путь машины. А перед тем как тронуться, посмотрел Автандил Гурамишвили на небо, покачал головой:

— Будет в горах гроза.

Смотрят другие: день ясный, безоблачный. Какая ещё гроза!

Однако отъехали они километров десять, только под-

нялись на первую крутизну, как вдруг набежали тучи. Засверкали молнии. Дождь захлестал, как из пожарных брандспойтов. Рвался в кабины. Стучал по грузам. От страшных ударов грома, казалось, кололось небо.

Остановились машины. Переждали грозу.

Тронулись дальше колонны в путь. А перед тем как тронуться, Автандил вновь посмотрел на небо. Затем на землю.

— Будет на перевале туман,— произнёс Гурамишвили.

Стали подниматься они к перевалу, верно — вошли в туман.

Намучились водители. Пробирались сквозь туман автомобили, как через минное поле. Еле-еле дотянули они до вершины. Остановились. Заночевали.

— Утром будет солнце,— сказал Гурамишвили.

Проснулись утром. Верно — сияет солнце.

Ахнули люди: вот так кудесник Гурамишвили!

Не делал тайн Автандил. Всё объяснилось просто. На Кавказе между городами Кутаиси и Тбилиси есть Сурамский перевал. Как раз в тех местах и родился Гурамишвили. Изучил он с детства повадки гор. Без ошибок определял погоду.

Пригодился опыт ему на Курдае. Стал он лучшим из лучших среди водителей. Старшим ходил в колоннах.

Неприветлив, коварен Курдай. То грозы, то ливни, обвал за обвалом. Нелёгко здесь труд водителей. То лопнули шины, то моторы грузы наверх не вытянули, то и вовсе из строя автомашины вышли.

Ещё хуже на Курдае было зимой. Гудели здесь ветры. Выпадали мощные снегопады. Выше кабин заносило автомобили. Люди обмораживались и замерзали. Бывали случаи, когда застревали здесь на неделю, на две и больше.

Не зря на Турксибе поговорку тогда сложили: «Кто на Курдае не бывал, тот и горя не видал».

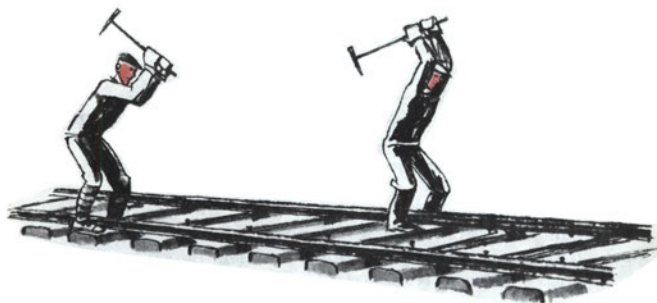
МИРАЖ

Возведением железнодорожного полотна на Турксибе занимались Укладочные городки. Было их два — Северный и Южный. Северный — это тот, который тянул железную дорогу от Семипалатинска. Южный тот, который вёл её от станции Луговой.

Сокращённо их называли «укладка». «Укладка» — это целый посёлок на колёсах. Состоял каждый Укладочный городок из 46 вагонов. Были здесь вагоны для житья, вагоны-мастерские. Вагоны для разных подсобных нужд: вагон-лавка, вагон-кухня, вагон-пекарня, вагон-баня.

Укладка железнодорожного полотна работа сложная, нелёгкая. Вот как она выглядела в те дни, когда строился Турксиб.

Первая группа рабочих намечала на земляном полотне место, где должны быть уложены шпалы. Вторая на лошадях привозила шпалы. Третья раскладывала их вдоль самого пути. Затем специальная артель грузила на ваго-

нетки рельсы и скрепления. Когда вагонетки с рельсами доходили до конца укладки, грузчиков сменяли новые рабочие — артель «растяжников». Они уже вручную перетаскивали рельсы дальше, вперёд. Тут появлялась новая бригада. Люди на стыках быстро схватывали рельсы накладками и скрепляли их болтами. Потом шла «наживка» — временное крепление пути к шпалам. Затем «рихтовка», то есть точность укладки рельсов ещё раз проверялась. Затем рельсы уже накрепко пришивались костылями к шпалам. Далее шла рихтовка самого пути: засыпался песок и щебень между шпалами, подправлялась сама железнодорожная насыпь.

Усилия многих людей требовала в те годы укладка железнодорожного полотна.

Приехав строить Турксиб, Илья Коробов попал как раз на укладочные работы. Попал он в бригаду, которая занималась «наживкой», то есть временным наживлением креплений пути к шпалам. Раздражала Коробова эта работа. Точнее, раздражала не сама работа, а то, что он занимался работой как бы временной, а поэтому вроде бы и второсортной, не оставляющей после себя никакого видимого следа. Нет бы, скажем, забивать костыли. Нет бы, скажем, ровнять пути. А то ведь ты только прикидываешь, наживляешь. А главную работу делает кто-то другой.

— Не повезло,— говорил Коробов.— Не повезло. Не работа — мираж.

Смутил он других непривычным словом. Было в бригаде их четверо: Матвей Коржов, Ягмур Назимов, Ивась Ракита и четвёртым он — Илья Коробов.

— Мираж! — говорит Коробов.

— Что мираж? — спрашивает Коржов.

— Как мираж? — спрашивает Назимов.

— Почему мираж? — спрашивает Ивась Ракита.

— Да потому, что от нашей с вами работы следа не остаётся,— отвечает Коробов.

Хоть и роптал Илья Коробов, однако работал он хорошо. И другие в бригаде работали хорошо. И Матвей Коржов — был он ловким, на редкость цепким. И Ягмур Назимов и Ивась Ракита — были они сильными и проворными.

Стали подводить как-то итоги работы по укладочному городку. Все трудились хорошо. Однако оказалось, что «наживка», то есть бригада, в которой работал Коробов, лучше всех. Стали члены бригады ударниками. Премировали их за отличный труд.

Получили Илья Коробов и его товарищи подарки-премии. Матвей Коржов — новые ботинки. Ивась Ракита — цветную рубашу, Ягмур Назимов — хромовые сапоги, Илья Коробов — халат бухарский.

Стоят они, держат в руках подарки. Поздравляют их товарищи по работе. Вместе со всеми радуются.

— Ну как — мираж? — спрашивают друзья у Коробова, показывая на его халат.

— Нет, не мираж, — смеясь, отвечает Коробов.

ЗЛОЕ МЕСТО

Преодолели строители горы. По ровному месту легла дорога. Кончились горы, пошли пески.

Думали люди: прорвёмся сквозь горы — там на равнине сама собой побежит дорога.

Не все представляли, что такое в этих местах пески.

Пески. Ходить трудно. Работать трудно. Лошади еле тащили телеги, гружённые шпалами. Машины зарывались в песок по оси. Голо, пустынно, мертво кругом. «Злое место» называли этот район строители.

Самое неприятное начиналось тогда, когда подымался ветер. Срывался он неожиданно. Дул с небывалой силой. Вдруг становилось кругом темно. Это поднимались песчаные бури. Ветер валил с ног. Песок набивался за шиворот, в рот, в нос, в уши. Гудело кругом, свистело. Песчинки неслись, как пули. Порывы ветра ударяли, как ядра.

Памятны строителям эти бури. Особенно тем, кто работал на возведении железнодорожных насыпей.

На участке дороги, проходившем недалеко от реки Аксу, вот какая однажды произошла история. Завершили строители здесь работы. Подготовили в нужные сроки насыпь. Уложили укладчики полотно. Довольны строители. Докладывают:

— Работы на участке завершены.

Приехала комиссия проверять качество работы. Идут они вместе. Вот она насыпь. Торжествует, идёт бригадир Самохин. Доволен, что в срок управились:

— В сроки управились. Не насыпь — игрушка! Продержится сотни лет.

Подходят к насыпи, что такое?! Осела дорога. Перекосились рельсы. Шпалы торчат, как рёбра. Выдул ветер песок из-под шпал. Была и пропала насыпь.

Забегал бригадир Самохин.

— Ах, батюшки! Ах, батюшки! — взмахивает руками. — Как же оно?! Как же теперь оно?

Пришлось снова строителям взять лопаты, носилки в руки. Работали по-ударному. Восстановили разрушенный участок быстро. Доложили начальству:

— Всё в порядке. Восстановили.

А ночью снова вскипел буран. Мотался три дня по стройке. Стих ветер. Пришли на участок смотреть строители. Смотрят — снова пропала насыпь. Перекосились рельсы. Снова шпалы торчат, как рёбра.

Снова Самохин всплеснул руками, схватился за голову:

— Как же это?! Как же это?! — Повернулся к востоку, туда, откуда срывался обычно ветер, погрозил кулаком. Чуть не заплакал тогда Самохин.

Вновь закипела кругом работа. Укрепляли насыпь брёвнами, укрепляли камнями. Трамбовали. Утюжили. Трудились, трудились, трудились. Сто раз пропотели. Сто раз ругнулись. Восстановили насыпь. Уложили, выровняли полотно. Ожидают строители нового ветра.

— Интересно — кто же теперь кого?!

Явился ветер. Ударил в насыпь. Держится насыпь.

— А ну, сильнее! — кричат рабочие. — Давай сильнее! Сильнее ударил ветер. Держится насыпь.

— Сильнее! Сильнее! — кричит бригадир Самохин.

Ещё сильнее ударил ветер. Держится насыпь.

— Не насыпь — игрушка! — кричит Самохин.

Ревела, металась, кричала буря. С яростной силой на всех бросалась. Устояла, не дрогнула насыпь.

Сдал вдруг ветер. Притих. Застыл. Ушёл отсюда.

— Вот так-то тягаться с рабочим классом, — сказал бригадир Самохин.

НЕДЕЛЯ

Натерпелся Ермил Неделя страху. Уже и не рад, что сюда на Турксиб приехал. Ещё когда ехал, в пути, в вагоне ему какой-то сосед всезнайка попался. Уверял сосед: мол, как свои пять пальцев знает он эти места.

— Пески там, барханы. А в песках змеи, — говорит сосед. — Ядовитые, страшные.

Остановился он. Сделал паузу. Переждал. Продолжил:

— Да что змеи. Ерунда змеи. Скорпионы там, тарантулы, фаланги. А самое страшное — каракурты. Паук это. Крошечный, — пояснял сосед. — Укусит и сразу смерть. Чёрной смертью его называют.

Помолчали они. Посидели. Неуютно Ермилу Неделе. Домой, назад хочется.

— А ещё, — опять заговорил сосед, — там бывает чума. Гиблое, в общем, место.

Приехал Ермил Неделя на Турксиб как раз тогда, когда строители дороги проходили через район песков. Попал он на место, которое носило название Желанда. Слово нерусское, непонятное. Оказалось: «Желанда» по русски — «Долина Змей».

Вспомнил Ермил попутчика. Душа покатилась вниз.

Действительно на Турксибе встречались места, в которых строителям приходилось вести настоящую войну и со змеями, и со скорпионами, и тарантулами. В одно из таких мест и попал Неделя.

Всплеснул Неделя руками:

— Ну и попал! Ну и попал! Вот угораздило!

Почти не спал. Днём как волчок вертелся, в десять глаз смотрел по сторонам — не стережёт ли где-то его беда.

Повезло Неделе: не укусил его ни скорпион, ни тарантул. Змей даже в глаза не видел.

Прошли они опасный район. Только чуть успокоился Неделя:

— Пронесло! Пронесло!

А тут новое.

Кто-то в какой-то беседе сказал: «Чума!»

Понеслось по стройке страшное слово.

Услышал про чуму Неделя, снова душа покатилась в пятки. Вздыхал, приговаривал:

— Ну и попал! Ну и попал! Вот угораздило!

Сразу же пошли советы, как уберечься от чумы.

Кто-то сказал:

— Надо обмазываться керосином.

Обмазал Неделя себя керосином. Ходит, керосинные запахи издаёт.

Кто-то посоветовал: мол, надо не только намазаться, но и пить керосин.

Сморщился, закрыл Неделя глаза. Судьбу проклинает. Хлебнул керосина.

Новые появились советчики. Нефтью обмазывал себя Неделя, мазутом. Ходит огородным чучелом, даже собак пугал.

Оказалось, ошибка — нет никакой чумы.

Не верит трус. Рассчитался Неделя. Сбежал с Турксиба.

Вспоминали его порой:

— Был тут трус из трусов Неделя. Пробыл как раз неделю.

БОЙКО ИДЕТ РАБОТА

На сотни и сотни километров протянулось строительство Турксиба. Разные почвы попадались на пути у строителей — то каменистые, то песчаные, то вдруг мягкие пойдут породы, болотистые, то снова песок и камень.

Продвигается вперёд дорога. Первыми идут землекопы. Где надо, они возводят насыпь, где надо, снимают лишний грунт — делают выемку, где надо, просто ровняют место. Следом за землекопами уже по готовой насыпи или выемке идут укладчики полотна.

Землекопы и укладчики между собой постоянно соревнуются. Соревновались они и здесь, на шестом участке Турксиба. Вырвались землекопы на мягкий грунт. Быстро ушли вперёд. Кричат укладчикам:

— Прощайте! Не забываете! Догоняйте!

Обидно отставать укладчикам. Подналегли, поднатужились. Стараются догнать землекопов.

Идут вперёд землекопы. Грунт всё мягче, всё мягче. А на очень мягком грунте снова трудней работать. Сбавился темп у землекопов. Не так быстро со всем справляются. Догоняют теперь их укладчики. Всё ближе, ближе.

— Пятки отдавим! — кричат укладчики.

Энергичнее теперь начинают работать и сами землекопы. Заместителем начальника шестого участка был инженер Белоконов. Пришёл Белоконов:

— Не подведём, ребята!

Сам взял лопату. Грунт под ногами всё мягче, всё вязче. Утопают в болотистой почве ноги. Неудобно работать в сапогах, в башмаках. Подумал Белоконов и вдруг снял с себя сапоги. Легче пошла работа. Смотрят другие, переговариваются:

— Снял сапоги.

— Легче пошла работа.

Посмотрели другие, тоже обуви скинули.

Прошли землекопы зыбкий участок. Навозили песок и гравий. Уложили, утрамбовали. Снова легче пошла работа. Вновь оторвались они от укладчиков. Снова кричат товарищам:

— Привет! Прощайте! Про соревнование не забывайте!

Отстали укладчики. Однако опять ненадолго. Вновь у землекопов болотистый грунт попался. Затормозилась опять работа. Догоняют укладчики.

— Пятки! Береги пятки! — кричат укладчики.

— Не сдадимся, ребята! — в ответ Белоконов. — Оторвёмся! Вперёд, ребята!

Не оторвались. Не получилось. Догнали землекопов укладчики. Догнали. Остановились. Ждут.

Ждут. Не готова под рельсы насыпь.

Постояли, постояли укладчики. И вдруг:

— А ну, на подмогу! А ну, не зевай! А ну, навались, шевелись, ребята!

Пришли на помощь они землекопам. Бойко идёт работа.

Не зря на Турксибе такое правило: сам в работе своей не плошай и товарища выручай.

АНТИРОМАНТИК ИВАН КОРЖОВ!

На вязких низинных почвах и сорвался Иван Коржов. Не выдержал темпа. Да и самих низин.

Стал вспоминать про прошлое. Как проходили строители через Чокпарский перевал:

— Скалы бил? Бил!

— Шкуру мороз сдирал? Сдирал!

Верно. Нелёгкое было время. И морозы, и бури, и упрямые горы непреступной стеной стояли.

Стал вспоминать, как пробивались через песчаные места у Балхаша:

— Песок жрал? Жрал!

— Чуть не помер от жажды, от зноя? Чуть не помер!

Верно. И тут пришлось нелегко строителям. И жара, и песок. Даже днём воду ищи с огнём.

— Не хочу больше. Не буду! — шумит Коржов.

— Так тут ведь другое дело, — объясняют Коржову.

— А вдруг утону в болотах?

— Какие же здесь болота! (Действительно, нет в тех местах белорусских лихих трясин.)

— А кто их мерил?

А тут и ещё одно — набросились на строителей комары. Места низинные, влажные. Развелось их огромные тысячи. Жалят не зная жалости. Едят строителей поедом. Тучей стоят над каждым. Тучей летят за каждым. Словно при пахоте вороньё.

Вспыхнула малярия. Это сейчас — ерунда малярия. Сильна медицина. Раз — и здоров. В те же годы малярии словно огня боялись.

Вот и Коржов. Ходит, боится — малярийный комар укусит. Отгоняет их веткой. Покрывала из марли шьёт. Если сядет комар, смотрит, ровно ли сел тот или кверху приподнял тельце. Если кверху, это и есть комар маля-

рийный. Сел на Коржова однажды такой. Белый стоял Коржов, как стена, правда, в момент комара прихлопнул.

— Заболею,— кричал Коржов.— Заболею. Умру!

Не заболел. Однако начал опять своё:

— Скалы бил? Бил!

— Песок жрал? Жрал!

— Шкуру мороз сдирал? Сдирал!

— Чуть от жары не помер? Чуть не помер!

— Не хочу я в ваших сидеть болотах.

— Ну и катись,— говорят Коржову.

И вот тут:

— Как катись? По какому праву! Как так — катись со стройки.

Оказалось, вовсе не собирался он уезжать отсюда. Просто уж такой человек Коржов. Натура, душа такая. Брюзжать с малолетства любит.

Не уехал с Турксиба. До последнего дня трудился. Дорог Коржову родной Турксиб. Закончилась стройка. Стоит Коржов, вспоминает:

— Скалы бил? Бил!

— Песок жрал? Жрал!

— Шкуру мороз сдирал? Сдирал!

— От жары чуть не помер? Чуть не помер!

— В болоте чуть не утонул? Чуть не утонул!

— Комары чуть не съели? Чуть не съели!

— Ещё бы неделя и вовсе помер!

Смеются другие:

— Было, всё было. Прекрасное было время. Антиромантик у нас Коржов.

ТОКЕН И БЕКЕН

Тысячи людей работали на Турксибе. Вот и Токен. Вот и Бекен. Токен Садыкбеков и Бекен Садыкбеков — родные братья. Из далёкого казахского аула прибыли на Турксиб. Многие тогда и из разных мест самого Казахстана, и из соседней Киргизии, и из соседнего Узбекистана, и даже из Туркмении, и даже из Таджикистана, да и со всей страны приезжали сюда на стройку — кто укладчиком, кто растяжчиком, кто каменщиком, кто плотником, кто просто чернорабочим. Братья Садыкбековы приехали землекопами.

В работе они словно одной верёвочкой связаны. Бросит лопату земли Токен. Бросит лопату земли Бекен. Бросит десять лопат Токен. Бросит десять лопат Бекен. Накидал гору земли Токен. А вот и вторая гора. Это гора Бекена.

На Турксибе между рабочими всё шире и шире разворачивалось социалистическое соревнование.

— Не отставайте от других,— говорят братьям Садыкбековым.— Вступайте друг с другом тоже в социалистическое соревнование.

Подумал Токен. Подумал Бекен.

— Согласен,— сказал Бекен.

— Согласен,— сказал Токен.

Вступили они в соревнование. Трудятся. Трудятся. Трудятся. Вот-вот кажется, победит Токен. Проверят ре-

зультаты их работы — одинаковыми оказываются результаты. Вот-вот кажется, победит Бекен. Снова замерят землю, проверят, сколько открыли они земли. Снова нет победителя. У Токена и у Бекена равные показатели.

Засомневался кое-кто. Как так равные показатели?! Как так нет победителя?!

— Нет, — говорят проверявшие.

— Не может так! Должен быть победитель в соревновании.

Заколебались теперь и проверяющие. Решили ещё раз, ещё поближе познакомиться с работой братьев. Наблюдают. Учитывают.

Бросил лопату земли Бекен. Бросил лопату земли Токен. Бросил десять лопат Бекен. Бросил десять лопат Токен. Накидал целую гору земли Бекен. А вот и вторая гора. Это гора Токена.

Замерили гору Токена. Замерили гору Бекена. Одинаков объём земли.

А рядом другие стоят землекопы. Вырастают другие горы. Бросок лопатой, опять бросок...

С отдельных капель река начинается. В общее дело наш труд вливается.

ОППОНЕНТЫ

Недалеко от селения Айна-Бунак в том месте, где должно было проходить железнодорожное полотно над трассой Турксиба, нависла огромная скала. 43-метровый каменный пик поднимался в небо. Обвались, рухни такая скала — немало бы бед она причинила железнодорожникам. Скалу надо было взорвать.

Вокруг взрыва и разгорелись споры. Трудно было в те годы со взрывчаткой. Экономили её, берегли. Для уничтожения же такой скалы надо было очень много тола и аммонала. Взрывник Петров предложил метод, который должен был сэкономить взрывчатое вещество. Метод сводился к тому, что под скалу — не в одном месте и много, а в нескольких должны быть заложены небольшие порции тола.

Вот тут-то и нашлись оппоненты. Оппоненты — значит несогласные, те, кто выступает против, кто имеет другое мнение.

— Не получится взрыв, — говорят оппоненты и утверждают: — Либо скала вовсе не рухнет, либо после взрыва окажутся такие большие глыбы, что придётся всю работу начинать заново.

— Не надо рисковать, не надо пробовать, — говорят оппоненты.

Однако нашлись люди, которые и поддержали Петрова. Обратились они к начальнику строительства Турксиба Владимиру Сергеевичу Шатову.

Подумал Шатов, вызвал Петрова.

— Уверены?

— Уверен, — отвечает Петров.

Пригласил Шатов группу инженеров:

— Ваше мнение?

Развели инженеры руками:

— Инженерный риск.

— Ну что же,— ответил Шатов,— волков бояться — в лес не ходить. Давайте рискнём, товарищи.

Разрешил он произвести взрыв тем методом, который предлагал Петров.

И строители, и их семьи, и все, все собрались в назначенный день к скале. Даже с огромным киноаппаратом кинооператор прибыл. Установил треногу. Направил аппарат на скалу.

Замерли все. Ждут взрыва.

Подожгли взрывники запал.

Ждут зрители секунду, вторую, пять, десять, минуту, две. Стоит, как и стояла, скала. Не получился взрыв. В запальном устройстве что-то не сработало.

И опять оппоненты:

— Не получилось! И не получится!

— Нечего понапрасну время, труд и взрывчатку тратить.

Однако Петров настоял на том, чтобы взрыв повторить.

Назначили его на следующий день. Но не все пришли теперь к скале. Решили:

опять взрыв не получится. Не пришёл и Панкрат Коробочка.

А надо сказать, что этот самый Панкрат Коробочка был свидетелем того, с каким азартом выступали против Петрова его оппоненты. Смотрел на них Коробочка: горячатся люди, руками машут, чуть ли не съесть готовы Петрова. «Враги. Как есть враги», — подумал ещё Коробочка.

Не пошёл он смотреть на взрыв. Вдруг слышит — грохнуло. Прибежал Коробочка к скале. Нет скалы. Рухнула.

Удачным оказался взрыв. Разлетелась скала на мелкие куски. Правильно рассчитал Петров. Легла при взрыве порода именно туда, куда и следовало.

Поражался в тот день Коробочка. Однако не столько тому, что скала рухнула, сколько тому, что увидел он здесь после взрыва.

Стоят оппоненты. Думал Коробочка, что будут они недовольными, раздосадованными, станут зло смотреть на Петрова. А они стоят, радость на лицах, вместе с другими в ладоши хлопают. Крепко рукижимают Петрову и другим взрывникам.

— Поздравляем. От души поздравляем!

— Вот это да! — поражается Коробочка.

Что же тут не понять: споры спорами, радость в победе общая.

Эх ты, Панкрат Коробочка!

ПОДРУЧНЫЙ

Степан Воронков к Семёну Селезнёву попал в подручные, то есть помощником. Работали они на укладке пути. К шпалам крепили рельсы. Шагают они на работу. Рукавицы у них за поясом. В руках молотки-кувалды.

Рельсы к деревянным шпалам крепятся металлическими костылями. Точно попасть молотком по костылю, точно вогнать его в шпалу — в этом и есть мастерство рабочего.

Молод совсем Воронков. Руки крепкие, плечи крепкие. Однако опыта нет в работе.

Нет большого опыта и у Селезнёва. Однако он в старших. Строительство железных дорог в нашей стране после гражданской войны только начиналось. Мало ещё было настоящих специалистов. Многому надо было ещё учиться.

Любил Селезнёв поважничать, подчеркнуть своё старшинство, похвастать своим умельством.

— Учись, учись, пока я жив,— говорил Воронкову. Смотрит на него с уважением Воронков:

— Мастер!

Однако далеко Селезнёву до мастерства. По костылю два раза ударит точно, а третий то вкось, то мимо. То вгонит в шпалу костыль с одного удара, то над упрямым, как нерадивый ученик над задачей, бьётся.

Не смущает это самого Селезнёва. Считал Селезнёв, что тут на стройке он чуть ли не самый лучший. Рад, что есть у него подручный:

— Учись, Стёпа, перенимай!

И Степан Воронков учился. Учился и на работе, и в свободное время. Возьмёт костыли, кувалду, пристроится где-нибудь в стороне, тренируется. Удар, удар, ещё раз удар! Тренируется сам, смотрит на других, как работают.

Особенно на Павла Сажина. Вот кто мастер, так это мастер. О таких говорят — артист. Кувалда в руках у Сажина, словно смычок играет. Вверх, вниз, вверх, вниз. Костыли как гвозди влетают в шпалы. Метр за метром уходит вперёд. Умелец. Тут не плошай, тут не зевай. Подай ему новые рельсы. Едва успевают за ним растяжки.

«Вот бы мне так», — мечтает Степан Воронков.

Если упорен, мечты сбываются. Приносит плоды учение. Удар, ещё удар. Стал костыль на нужное место.

Вспоминает Воронков, как бьёт Павел Сажин. Вспоминает других умельцев. Удар... а второго уже и не надо. С одного удара в шпалу вошёл костыль.

Ловко стало у него получаться. Радуетя успехам своим Воронков. И другие успехам молодого рабочего радуются.

Всем ясно: давно догнал Воронков Селезнёва в мастерстве, в умении работать. Только самому Селезнёву пока не ясно. Пытается наставлять по-прежнему Воронкова:

— Учись, пока я жив, учись!

Скромнен по природе Степан Воронков. Молча в ответ головой кивает.

Чем же закончилась эта история? Справедливостью. Ходит в старших теперь Воронков. Семён Селезнёв у него в подручных.

ПЕРВЫЙ СУП

Замучалась Катя Жукова. Работала она на южном участке Турксиба. Была кухаркой Южного укладочного городка.

Перед тем как поехать на Турксиб, училась специально она на повара. В пути разные кулинарные рецепты повторяла: суп по-флотски, суп по-крестьянски, котлеты пожарские, шашлык по-кавказски, азу по-татарски, бигус, биточки, суп гороховый, консомэ (это бульон по-нашему), суп с фрикадельками, суп харчо.

Сидит Катя на своём месте в поезде, шепчет:

— Овощи свежие, помидоры, репа, лук репчатый, масло растительное, сметана, соль, перец.

Это салат овощной.

— Солонина, горох, картофель, морковь, лук репчатый, масло топленое.

Получается — суп гороховый.

— Мясо, картофель, лавровый лист...

Это рецепт жаркого.

Приехала Катя Жукова. Оказалось всё сложнее здесь на Турксибе, чем представлялось тогда в пути. То трудно с водой, то тяжело с дровами. С продуктами сложно. Перебои даже с доставкой хлеба.

Особенно было плохо, когда проходили через район песков. Во многих местах здесь воду привозили издалека. За двадцать километров, за тридцать, бывало даже за сорок. Места здесь безлесные, топить нечем. Редко встречается кустарник — саксаул. Привозили его на верблюдах.

Попробуй здесь вовремя и хороший обед приготовить. Сокрушается Катя:

— Зачем же курсы кончала, зачем же рецепты запоминала.

Прошло какое-то время. Привыкла к трудностям Катя. Не кажутся трудности Кате трудностями. Мысль лишь в одном, как бы получше обед приготовить.

Воду припасёт заранее. Связки саксаула всегда у неё в запасе. Не было случая, чтобы с обедом подвела строителей Катя.

Едят рабочие, хвалят:

— Ай да умелица!

— Ай да кудесница!

— Королевский обед!

Вспоминает Катя свой первый день на Турксибе, свой первый обед. Волновалась Катя. В поварскую книгу заглядывала через каждые пять секунд. Приготовила суп гороховый.

Сели за стол укладчики.

Суп недосолён, горох недоварен, какие-то странные пятна поверху плавают.

Однако не подали вида строители — понимают: первый в жизни у Кати суп, важный у Кати сегодня день.

— Молодец, Катерина! — идут голоса.

— Славный суп! Славный суп!

— С успехом! С началом службы!

Едят укладчики, стараются не поморщиться.

Был среди них и Фома Кудлатый. Попробовал суп
Фома:

— Ну и суп!

Скривился. Отошёл в сторону. Выплюнул.

Увидела Катя. Слезы из глаз — сами собой у Кати.

Обиделись рабочие за Катю. Посмотрели зло на Кудлатого:

— Ах ты, колода, бревно осиновое!

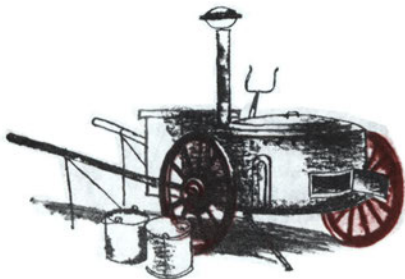
— А я что? Я ничего! — нагло ответил Фома Кудлатый.

Обозлились строители, побили Кудлатого.

— Да я в шутку, в шутку! — кричит Кудлатый.

Не отпускают его рабочие:

— Наших не обижай. Меру и в шутке знай!

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

Строительство Турксиба — это не только прокладывание железнодорожного полотна. Надо построить железнодорожные станции. Надо возвести водокачки. Надо оборудовать переезды через железнодорожное полотно. Многого надо сделать.

Работали на Турксибе и связисты. Прокладывали телеграфную линию. Вкапывали столбы. Натягивали провода. Работали они небольшими группами. Жили в палатках. В числе связистов были Иван Крещенко и Спиридон Огнев.

Знали их на Турксибе. Вот какая необычная история с ними однажды случилась. Работали они на северном участке. Устанавливали телеграфную линию недалеко от станции Кара-Культас.

Эти места известны на редкость сильными грозами. Когда здесь гроза — страшно на небо глянуть. Колют небо огневыми ножами молнии. В сто океанских прибоев кругом гремит. Молнии вёрткие, быстрые. Места здесь равнинные. Выбирают молнии, во что бы огнём ударить.

Намучились с ними связисты. Телеграфные столбы особенно нравились молниям.

Пронесётся гроза. Посмотрят связисты. На том месте, где только что стояли столбы, торчат лишь обугленные пеньки. С такой силой ударяли молнии, что разлетелись телеграфные столбы на щепы, да такие мелкие, что и костра из них не разведёшь.

Нравилась Ивану Крещенко степная гроза. А Огнев, хотя он и Огнев, — грозы боялся. Забивался поглубже в палатку. Крещенко же наоборот старался быть поближе к выходу. Не застёгивал он палатку. Одёрнет полог. Смотрит. Посмеивается над Огневым:

— Где ты там? Где ты там? Иди сюда. Какая красота!

Вот и в тот день восхищался. С особой силой метались молнии.

— Красота! Красота! — кричит Крещенко.

И вдруг ударила молния рядом с палаткой. И сразу что-то влетело в саму палатку. Раздался треск, и это что-то взорвалось. Выяснилось: в палатку к связистам через открытый полог попала шаровая молния.

Ударила она в Крещенко. Заметался Огнев, решил, что погиб товарищ.

— Убила его молния, убила! — кричал, когда подошли другие.

Однако Крещенко остался жив. Правда, сорок минут пролежал без сознания. Еле отходили его в тот день.

По-разному приходит известность к людям. Стали из-за этой молнии Крещенко и Огнев очень известными на всем Турксибе.

— Иван Крещенко? Ах, это тот, в которого ударила шаровая молния.

— Спиридон Огнев! Ах, это тот, что был в одной палатке с Крещенко.

Встретят их другие строители:

— Ну как, тире-точки. (Это так называли они связистов.) Что теперь ожидать от вас?

Кто-то выкрикнул:

— Сто пятьдесят процентов выполнения плана.

Улыбнулись связисты:

— Что же, попробуем.

Отлично работали Огнев и Крещенко. Сдержали своё обещание. Стали передовиками, ударниками. Знали их до этого на Турксибе по шаровой молнии. Знают и ценят теперь за труд.

Разные люди у нас в почёте. Высшая слава за подвиг в работе.

НА ПЛОТУ

Григорий Дыба был фельдшером. На плот он попал случайно.

Для Турксиба: для шпал, для возведения временных мостов и переходов, для строительства домов и складов, для многого другого нужен был лес. Много леса. Заготавливали его в разных местах. Иногда высоко в горах. Сплавливали по рекам. В том числе и по реке Или.

Приехал как-то в этот район фельдшер Григорий Дыба. Делал лесорубам какие-то прививки. Стал собираться в обратный путь.

Лес, заготовленный в горах, превращали в брёвна.

Из брёвен сбивали плоты. Плотогоны и гнали их вниз по течению.

Собрался Дыба в обратный путь. А в это время как раз был готов к отправке один из плотов. Посмотрел на плот Дыба. Вот бы на плоту прокатиться!

Пригласили Дыбу на плот плотогоны. Оттолкнулись люди шестами от берега. Тронулся Дыба в путь. Восседает на брёвнах Григорий Дыба. Чудеса. Благодать. Спускается плот по реке. А мимо проплывают скалы, отвесы, утёсы. То с круч водопадом вода сорвётся. То из ущелья к небу орёл взвоётся. Картины краше одна другой.

— Благодать, — произносит Дыба. Смотрит на плотогон: — Вот мне бы такая работа!

Двигался, двигался плот по реке. Тихо кругом. Спокойно. И вдруг задул сильный встречный ветер. Прошла минута, вторая. Страшно было глянуть теперь на реку. Вспенил ветер воду. Вздучась река, покрылась горбатыми перекатами. Плот по водяным гребням то вверх, то вниз, то вверх, то вниз. Вода по плоту — накатом. Попробуй удержишься-ка в такой момент!

Ухватились плотогоны за вёсла. Приналегли. Старают-

ся, чтобы плот не налетел на камни. Набегает скала за скалой на людей. Кажется, миг — и прощайся с жизнью.

— Спасите! — вдруг завопил Дыба. — Спасите!

Как он удержался в тот час на плоту, как не свалился в воду — непонятно.

Пронеслись они страшным местом.

— Уф, — вздохнул облегчённо Дыба. — И какого чёрта я влез на плот!

Однако не окончились на этом испытания Дыбы. В одном месте через реку Или был переброшен металлический трос. Служил он направляющим для местного парома. Плот и мчался теперь на трос. Повис тот всего в полуметре от воды. Ясно: снесёт трос и Дыбу, и всех плотогонов.

— Ложись! — закричал старший. — Ложись!

Все легли. А Дыба замешкался.

Снёс его трос с плота. Хорошо — за кормой, когда Дыба оказался уже в воде, его товарищи за руки подхватили.

— Уф! — снова вырвался вздох у Дыбы. — За что же такие страхи!

Однако и это ещё не всё. Плот приближался к конечной цели, к Илийскому мосту. Не доходя до моста, он должен был причалить к берегу. Однако не смогли справиться с течением плотогонны. Понесло их к мосту. А на мосту вооружённая охрана. А у охраны строгий приказ никого к мосту не подпускать. Служба есть служба. Приказ — приказ. В руках у охранников винтовки.

— Нельзя к мосту! — кричат охранники. — Остановитесь! Стрелять будем!

И рады остановиться плотогонны, да не могут. Несёт их бурное течение под мост.

Вскинули винтовки охранники:

— Стойте! Стрелять будем!

— Свои! — кричит Дыба. — Свои!

— Стойте! Стойте!

— Свои! — ещё громче закричал Дыба.

Не выстрелили охранники. Понимают, люди в беде. Проскочил плот под мостом. Понесло его дальше.

— Ох, ох! — вздыхает Дыба. — Нелёгко, ответствен труд плотогона. Отважное сердце дано плотогону.

МУЖСКОЕ ДЕЛО

Лес. Лес. Нужен, как воздух, Турксибу лес!

Заготовки леса не прекращались круглый год. Даже зимой, даже высоко в горах.

Стоял февраль 1929 года. На высокогорные лесные заготовки тянулся обоз. Везли продукты для лесорубов, овёс и сено для лошадей.

Тихо ступают кони, мерно скрипят телеги. Изгиб, поворот, изгиб, поворот — всё выше в горы ползут телеги. Всё угрюмее скалы, мрачнее вид.

Идут лошади одна за одной, растянулся длинной кишкой обоз. На одной из телег, в тулупчике, укутанный в огромный бабий платок, сидит Мишатка. Напросился в горы с отцом Мишатка.

Протестовала мать:

— Покажу тебе горы! Сиди на печке.

— Мужское дело. Ладно, пускай поедет, — сказал отец.

И вот едет теперь Мишатка. Интересно мальчишке. Налево, направо глазами косит. Впервые он так далеко от дома. Впервые так высоко в горах. Обступили Мишатку скалы. Снежные глыбы кругом повисли. Дорога идёт над обрывом. Глянул Мишатка. Замерло сердце. Вновь потянулась дорога вверх. Петля за петлей, петля за петлей. Вот над новым пошла обрывом. Дорога узкая. Еле проходит по ней телега. Кажется Мишатке: вот-вот заденет за выступ скалы телега, наклонится, рухнет вниз. Поднимает Мишатка глаза то вверх, то вниз, то вверх, то вниз, стучится Мишаткино сердце. Скорей бы проехать опасным местом. Глянул вновь в пропасть. Поднял глаза к вершинам. И тут. Видит Мишатка: оттуда сверху, где вершины упёрлись в небо, вдруг что-то отделилось — то ли камень сорвался, то ли махина снега. Покатилась махина вниз.

— Летит! Летит! — закричал Мишатка. Прикрыл он глаза ладошками. Уткнулся лицом в колени.

Подняли возчики головы. Видят: несётся на них лавина.

Удачливыми оказались люди. Удачлив Мишатка. Прогрела, прогромыхла лавина рядом. Смертью ушла в обрыв.

— Мишатка! Мишатка! — отец к Мишатке.

Открыл тот глаза. Жив и здоров.

Смеются люди:

— Выходит, второй раз на свет родился.

Улыбнулся Мишатка людям. Приехал домой. Бегал из комнаты в комнату. По двору верхом на метле скакал.

— А я второй раз на свет родился. Народился! Народился! — кричал Мишатка.

Коварны горы. Опасно в горах зимой. Неделю спустя после того как отправился в путь Мишатка, недалеко от тех мест в Чембулакском ущелье тоже случился обвал в горах. Поднималось тринадцать телег к лесорубам. Сорвалась лавина и прямо в обоз. Шесть телег с лошадьми унесло в пропасть. Пять человек погибло.

Отгоревали люди. А тут. Не ходит беда в одиночку. Снова горькие дни на Турксибе. И снова трагедия здесь в горах. Часто лес приходилось рубить на особенно крутых склонах. Падало дерево. Ствол тут же быстро очищали от ветвей и спускали по склонам вниз. Называлось это — пустить «щучкой». Летят «щучки» с большой высоты, переворачиваются, ударяются о камни, о скалы и вновь летят дальше и дальше вниз, туда, в ущелье, туда, к реке. Тут их собьют в плоты. Понесёт плоты горная река вниз в долину.

Иногда спущенные с круч, с уступов стволы застревали, повисали над пропастью. Называли такие стволы «лесины». Их надо было подтолкнуть.

Как-то группа лесорубов сталкивала такие «лесины». И вдруг снова снежный обвал. Увлёк он стволы, увлёк лесорубов. В страшном водовороте рухнули люди вниз.

Не построишь Турксиб без леса. Нужен он и для производства шпал, и для возведения мостов и переходов, и для строительства домов и складов, и для многого другого.

Настоящая битва идёт за лес.

Лес! Лес! Нужен, как воздух, Турксибу лес.

И НА РОВНОМ МЕСТЕ БЕДА ВСТРЕЧАЕТ

Опасность подстерегала строителей Турксиба не только на лесозаготовках, не только на перевалах высоко в горах. Ровное место, простая степь становились порой коварными.

Места южнее Семипалатинска ровные-ровные. Нет здесь гор, горных лавин, обвалов. Но будь осторожен, берегись этих мест.

Весной 1928 года южнее Семипалатинска развернулись большие строительные работы. Всё шло хорошо, успешно. Люди радовались. Километр за километром продвигалась на юг дорога.

Стояла весна, и вдруг неожиданно выпал снег. Толстым слоем покрыл он степи. Глянешь — на десятки километров кругом бело. Однако недолго пролежал снег. Выглянуло солнце. Растаял снег. Растаял — и вдруг вся степь превратилась в сплошное море. Глянешь теперь — на десятки километров кругом вода. На многих участках ушли под воду и рельсы.

Бегут, перекачиваются волны через железнодорожное полотно.

По степному морю, рассекая волны, словно пароход, шёл паровоз. Нужно было срочно с одного участка на другой перебросить строительные грузы. На паровозе бригада из трёх человек: машинист, помощник машиниста и кочегар.

Помощник машиниста товарищ Солодовников был человек общительный, весёлого нрава. Сразу окрестил машиниста капитаном, себя назвал боцманом, паровоз — мотоботом, нос паровоза — баком (так называется нос корабля), тендер — кормой. И лишь труба осталась трубой, и лишь кочегар по-прежнему в кочегарах.

— Товарищ капитан! — кричит Солодовников. — Курс

зюд-вест-зюд.— То есть едут они на юг, чуть-чуть отклоняясь к западу.

Чуть подвернули рельсы, снова кричит Солодовников:
— Товарищ капитан, курс зюд-ост-зюд! (То есть едут они на юг, чуть отклоняясь к востоку.)

Смеются и машинист, и кочегар, и сам Солодовников.

— Полный вперед! — командует «капитан». Хотя, конечно, идут они очень тихо.

Хорошее настроение у людей.

Идёт паровоз, рассекает волну. Не знает, насколько порой коварной вода бывает.

Было это на 78 километре пути от Семипалатинска. Была здесь временная насыпь. Подмыла её вода, то есть совершила промоину, то есть вымыла насыпь. Повисли рельсы без всякой опоры.

Не видно промоины машинисту.

Не видно промоины помощнику.

Не видно промоины кочегару.

— Всё отлично! — кричит Солодовников.

— Всё отлично! — откликается машинист.

Шёл, шёл паровоз. И вдруг клюнул, как утка. Рухнул он в воду, ушёл под воду.

Машинист и кочегар успели выпрыгнуть. Отплыли они от опасного места, оказались на маленьком островке.

— Солодовников! — кричат. — Солодовников!

Не откликается Солодовников. Погиб он во время аварии. Подхватил его водяной поток, унёс неизвестно куда.

Глянешь на степи — мирные степи. Но чу! Обманчивым вид бывает. И на ровном месте беда встречается.

ПРЫЖКИ В ДЛИНУ

На Турксибе работало много комсомольцев. Предложила как-то молодёжь отработать один день бесплатно. А деньги, заработанные в этот день, потратить на культурные нужды.

Отработали комсомольцы. Немалая сумма денег получилась.

Стали решать, на что же деньги теперь потратить.

— На книги! — предложил Коля Беленький.

— Хорошее предложение, хорошее, — поддержали другие.

Пошли советы, какие же купить книги:

— Про путешествия!

— Про фантастику!

— Как жили люди в далёком прошлом!

— Как живут сейчас в зарубежных странах!

— Про знаменитых писателей и художников!

— Про военные подвиги!

— Про то, что нового есть в науке.

Выделили организаторов. Направились они в города Семипалатинск и Алма-Ату, привезли разные книги. Специальную библиотеку на колёсах создали. Ездил она от участка к участку, книги на руки выдавала.

Понравилось комсомольцам: общие деньги — на общие нужды!

Прошло какое-то время. Вновь они предложили собрать деньги для коллективных целей. Вновь отработали день бесплатно. Стали решать, что с общественными деньгами делать.

Нашлись любители спорта. Кричат:

— Потратим на спортивное снаряжение!

— Про футбол не забудьте, про футбол, — твердит Коля Беленький.

Приобрели комсомольцы разное спортивное снаряжение. Не забыли и про предложение Коли Беленького. Купили и футбольный мяч, и бутсы, и трусы, и майки. Создали свою футбольную команду.

Строительство железной дороги приближалось к населённому пункту Лепсы. Здесь и решили строители Турксиба устроить спортивный праздник. Состязались с местными жителями в беге, в прыжках, в метании диска, в том, кто дальше бросит гранату. Состоялась и футбольная встреча.

Надели Коля Беленький и его товарищи по футбольной команде новые трусы и майки, обулись в новые бутсы. Надеялись, что победят. И вдруг проиграли. Вратарём был как раз Коля Беленький.

Проиграли в футбол строители. Зато победили в прыжках в длину.

— Так это же понятно,— смеются лепсовцы.— Вы же отличные прыгуны. Вот как с дорогой прыгнули.

И это верно. Раньше положенного по плану срока пришла железная дорога в посёлок Лепсы.

КРЫЛАТАЯ ПАЛАТКА

Укладывали строители железнодорожное полотно. Вдруг видят: по небу летит палатка. Как птица. Брезентом, словно крыльями, машет. Подлетела к железнодорожной насыпи. Опустилась. Вороной на землю плюхнулась. Бросились к ней строители:

— Что за птица? Что за гусь?

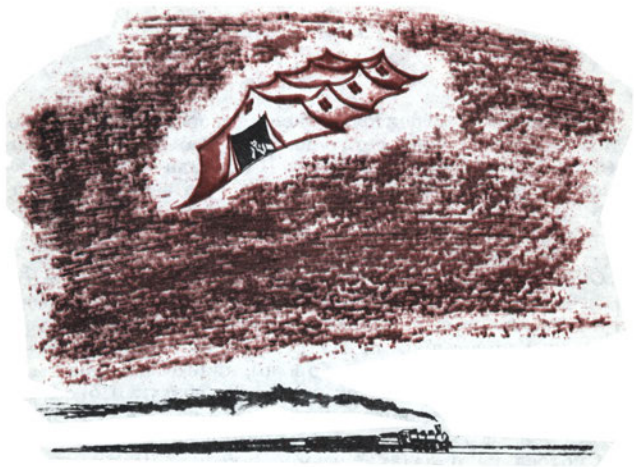
— Откуда такая будет?!

Оказалось, палатка принадлежала связистам. Не только небывалой силы грозы порой носились над трассой Турксиба, но и срывались сильнейшие ветры. Один из порывов и налетел на палатку связистов. Вырвал он колышки, потрянул палатку. Хорошо, никого в ней не было. Взмыла под порывом ветра палатка в воздух. Понеслась. Долетела до железнодорожной насыпи. На глазах у строителей на землю вороной плюхнулась.

Смотрел на палатку Кузьма Нахабин. Давался диву. Палатка — чтобы летала.

Поразил его этот случай. Ночью приснился Нахабину сон. Снилось — спит он в палатке. Вдруг шевельнулась палатка, задвигался под ним, приподнялся брезентовый пол. Чувствует Нахабин — отрывается он вместе с палаткой от земли. Поднимается вверх. Летит, летит. Лишь ветер свистит снаружи. Подполз он к выходу из палатки, отодвинул полог: где-то внизу — земля. Удивительное путешествие совершил Нахабин. Слетал на север до Семипалатинска, где начинался северный участок Турксиба. Слетал на юг до станции Луговой, где начинался южный его участок. Побывал над Чокпаром. Рядом с озером Балхаш пролетел — над барханами, над песками. Видит Нахабин, как бежит по земле железнодорожное полотно.

— Так это ж наш Турксиб! — закричал Нахабин.

Летит, летит палатка. Брезентовыми полотнищами, словно крыльями, машет.

Очнулся Нахабин.

— Вот так приснится!

Рассказал он утром друзьям про сон.

— Летающая палатка?!

— С крыльями?!

— Летающая, с крыльями,— рассказывает вновь о своём необычном полёте Нахабин.

— Правильный сон,— заговорили друзья по работе.— Куда ж без палатки строителю. В горах ли, в степи ли, в песках ли — всюду брезентовая палатка наш верный, надёжный друг. Всюду она со строителями. Всюду она за ними. И вправду она крылатая. И вправду она летающая.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Работал на Турксибе молодой инженер Виткус. Был он талантливым проектировщиком, специалистом по проектированию арочных мостов. Мечтал, чтобы хоть один мост на Турксибе был возведён по его проекту.

Получилась такая возможность. Поручили Виткусу спроектировать мост через речку Дос. Речка Дос хоть и маленькая, но очень коварная. Летом она просто ручей ручейком, однако весной превращалась чуть ли не в Каму, не в Волгу. Поэтому мост предстояло построить большой, высокий, высотой в шестизэтажный дом. Красивый сконструировал Виткус мост. Был он арочный, трёхпролётный.

Приняли проект молодого инженера. Все поздравляют Виткуса. И вдруг.

Оказалось, что очень дорого обойдётся строительство такого моста. Много времени уйдёт на его сооружение. Время же торопит. И в Сибири, и в Средней Азии с нетерпением ждут железную дорогу.

Пришлось отказаться от идеи арочного моста. Обошли строители это место. Нашли участок реки, где мост можно построить попроще, подешевле.

Огорчился, конечно, Виткус. Однако понял: так дешевле и так быстрее. Сам проголосовал за такое решение.

Мужественно держал себя

Виткус. Дело в том, что это был уже второй проект сконструированного Виткусом моста, который не удалось построить. Первый мост, который хотели возвести на Турксибе по проекту инженера Виткуса, намечался через речку Большую Алмаатинку. Но и там торопились. И там нельзя было долго задерживаться. Построили временный, деревянный мост.

— Не огорчайся, не огорчайся,— говорят Виткусу.— В третий раз всё получится.

Наступил этот третий раз. Поручили ему сконструировать и построить сразу два арочных моста. Оба на реке Киш-Биде. Засел он за работу. Ночами не спал. Из комнаты не выходил. Почти не ел, почти не пил. Досрочно готовы проекты. Отличными вышли мосты.

Но тут. Получилась опять заминка. И тут искали путей, чтобы строить мосты подешевле и побыстрее. Дороже обычных мостов арочные. Отложили снова проекты Виткуса. Построили мосты обычные.

Повздыхал, повздыхал Виткус. Снова смирился. «Не пришло моё, значит, время».

Верил Виткус в свой завтрашний день. И верно. Не пропала даром работа молодого инженера. Осуществились его проекты. Не здесь, не на Турксибе, на других стройках. После окончания гражданской войны Турксиб был первым крупным в нашей стране железнодорожным строительством. Скоро и в других местах стали возводить железные дороги. Во многих местах пригодился опыт строителей Турксиба. Разъехались по новым местам герои великой стройки. Уехал и инженер Виткус.

Прошли годы. Красуются на новых стройках арочные мосты инженера Виткуса.

Часто вспоминал Виткус Турксиб. Вспоминал и свои мосты. Вспоминал, говорил про Турксиб:

— Генеральная репетиция.

ЧУДО-ЮРТА

Впервые Надыр видел такую юрту. Юрта большая, большая, до облаков, до неба. «Для кого же такая юрта?» — поражался мальчик Надыр.

И мальчик Кирилл такую юрту тоже впервые видел.

Кирилл и Надыр друзья. Живут они в Айна-Балаке. На строительстве Турксиба работают их отцы.

Когда строили юрту, бегали к ней друзья и раз, и два, и три. Следили, как растёт, возвышается юрта.

— Зачем же такая юрта? — в догадках мальчик Надыр.

— Для чего же такая юрта? — в муках мальчик Кирилл.

И зачем в этой гигант-юрте вдруг такой колоссальный выход и такой же огромный вход?!

Знают Кирилл и Надыр: приближается срок завершения строительства железной дороги. Здесь, в Айна-Булаке, сойдутся северный и южный её пути. Скоро сойдутся. Всё больше и больше народа приезжает сюда, в

Айна-Булак. С юга доносится гул работ. С севера доносится гул работ. Не терпится Надыр, не терпится Кириллу. Бегают, уставятся на горизонт. В дали степные смотрят.

— Я первый увижу! — кричит Надыр.

— Я первый увижу! — кричит Кирилл.

Сбылись их мечты-желания. Крутились они как-то на южной стороне Айна-Булака. Приставил ладошку к глазам Надыр.

— Вижу! Вижу! — вдруг закричал.

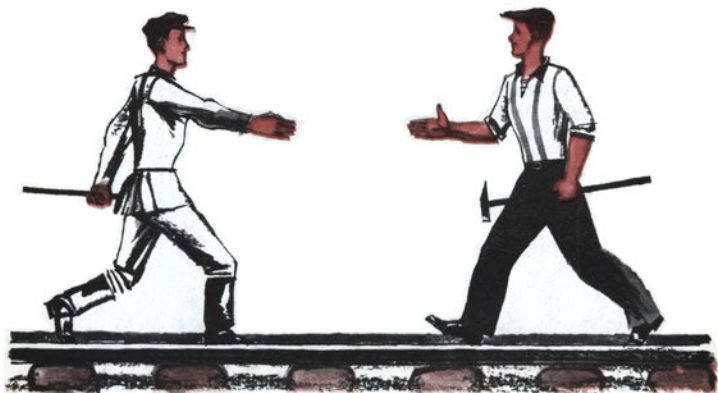
Побежали они на север Айна-Булака. Приложил ладошку к глазам Кирилл.

— Вижу! Вижу! — вдруг закричал Кирилл.

Верно: с севера, с юга подходила к Айна-Булаку железная дорога. Быстро идёт укладка. Ложатся поспешно на землю шпалы. Вбегают на шпалы рельсы. Бегут навстречу они друг другу. Всё меньше, всё меньше просвет между ними. Тянутся, тянутся, тянутся последние метры.

Дотянулись. Ура! Встретились рельсы с рельсами. Соединились.

И надо же, как раз в том месте, где стояла гигантская юрта. Прошло через юрту железнодорожное полотно.

Не было это тайной уже для Надыра. Не было тайной и для Кирилла. Был у казахов такой обычай. Когда в семье рождался ребёнок, родители ставили новую юрту. Через эту юрту и проносили новорождённого. Пронесёшь — будет удача и счастье сопутствовать человеку.

Вспомнили строители Турксиба древний обычай. Построили юрту-гигант. Прорезали вход и выход. Проложили через юрту железнодорожное полотно. А затем появился вдруг паровоз. Загудел, засвистел. И тоже прошёл сквозь юрту.

— Ура!

— Ура! — разносилось со всех сторон.

Сотни людей собрались в Айна-Булаке. Ликовал здесь

народный праздник. Надыр и Кирилл тоже со всеми стояли.

— Ура! — кричал что есть силы Надыр.

— Ура! — в три горла кричал Кирилл.

Завершилось строительство. Побежали поезда с севера на юг. Побежали поезда с юга на север. Повезли они важные грузы.

Бежит, бежит по новым путям паровоз. То подъём, то уклон, то подъём, то уклон, то по ровному месту стучат колёса.

1931 год. Вступила в строй Туркестано-Сибирская железнодорожная магистраль.

ГОРОД НА АМУРЕ

ПОВОРОТ, ПОДВОРОТ. СНОВА ИЗГИБ РЕКИ

Город Хабаровск. Река Амур. 1932 год. Месяц май.

Людно было в тот день на берегу Амура. Пароходы «Коминтерн», «Колумб» и баржа «Клара Цеткин» стоят у пристани.

Вниз по Амуру отправляется первый отряд комсомольцев. Едут молодые строители возводить на Дальнем Востоке новый город.

Людно сейчас на пристани. Из разных республик, из разных городов страны собрались здесь комсомольцы. Идёт на суда посадка.

Завершилась посадка. Тронулись пароходы. Плывут вниз по Амуру. Среди комсомольцев Иван Ермаков. Он в числе тех, кто плывёт на «Колумбе».

— Колумб, Колумб,— вспоминает знаменитого мореплавателя и открывателя новых земель Иван Ермаков.— Символическое для парохода название.

Поднялся Иван Ермаков на верхнюю палубу, прошёл на нос парохода. Стал, смотрит вперёд. И вот он уже не Ермаков Иван, а сам капитан Христофор Колумб. Смотрит, смотрит Иван Ермаков. Даже ладони дудочкой на манер подозрной трубы делает, руки к самым глазам подводит.

А рядом другие стоят колумбы — Фёдор Мухин, Фёдор Бердин, Алексей Смородов, Костя Зангиев, Леонид Качаев. Тоже смотрят вперёд, тоже руки дудочкой к глазам прикладывают.

Едут комсомольцы в новые края осваивать новые земли.

Идёт, идёт по реке пароход. Поворот, подворот. Что-то там впереди?

Поворот, подворот. Снова изгиб реки.

Несёт свои воды могучий Амур. Держит путь к краю дальневосточной земли — к Тихому океану.

Идут, идут пароходы.

И вдруг... Что это там впереди?

Льды!

Месяц май. Весна только-только в эти места приходит. Амур ещё весь не вскрылся. Забили льдины Амур от берега до берега. Медленно движутся грозной массой.

Пришлось пароходам сбавить ход. Тащатся вслед за льдами.

Стоят комсомольцы, смотрят вперёд. Поворот, подворот. Что-то там впереди?

Поворот, подворот. Снова изгиб реки.

За километром идёт километр. За часом — час. Несколько дней продолжалось плавание. Прибыли пароходы к нужному месту. Причалили к берегу. Высокий берег. Несколько домов. Это село Пермское. За селом сопки. Тайга.

Первым к берегу подошёл «Колумб».

Спускаются на берег комсомольцы.

— На «Колумбе» колумбы прибыли.

ПРО ВИДЕНИЕ И ВЕЗЕНИЕ

В Хабаровск для работы на Дальнем Востоке приехало много девушек. И вдруг вышел приказ: не брать девушек на строительство Комсомольска.

— Как так не брать?!

— Отчего?

— Почему?

Неумолим ответ:

— Не брать, не брать. Не девичья это работа.

Остались при посадке на пароходы девушки на берегу.

Все молодые, все энергичные. По доброй воле приехали сюда на Дальний Восток. И вот вдруг такой приказ.

— Не имеете права! — возражали девушки.

— Чем мы хуже?

— Несправедливо!

Однако приказ есть приказ. Возражай, спорь, хоть плачь, хоть кричи. Не будет проку от слёз и крика.

Плывут пароходы по Амуру. Вспоминают комсомольцы своих подруг:

— Как там сейчас Наташа?

Это Наташа Сидорова.

— Как там Нюра?

Это Ростовцева Нюра.

— Как там Маша?

Это Маша Машкова.

Что за вопрос — конечно, горюют. Остались, бедные, на берегу.

Жаль ребятам своих подруг. И Наташу, и Нюру, и Машу, и многих других девчат.

Перед отъездом хлопотали о них, к начальству ходили.

— Нельзя, нельзя, — повторяло в ответ начальство.

Идут пароходы. Держат путь к новым местам.

Прибыли пароходы, причалили.

Спустились комсомольцы на берег. Вновь вспоминают своих друзей:

— Как там Наташа?

— Как там Нюра?

— Как там Маша?

И вдруг... Смотрят ребята, глазам не верят. Видят — сходят с пароходов Наташа Сидорова, Ростовцева Нюра, Маша Машкова, другие девушки.

— Как?!

— Откуда?!

— Что за видение?!

— Не видение, а везение, — смеются девушки.

Оказывается, пробрались они в Хабаровске незаметно в пароходные трюмы. Спрятались там. Пересидели. Вместе со всеми сюда доехали.

Посердилось начальство. Да что же делать! Остались девушки в Комсомольске.

ИЗ «ОДЕССЫ» В «НИЖНИЙ НОВГОРОД»

Высадились энтузиасты на приамурский берег — стали строить палаточный городок.

Быстро пошла работа. Задание: возвести сто палаток. Расчищают комсомольцы прибрежный участок, ровняют место. Поднимаются палатки одна за одной, украшают высокий берег.

Появились палатки. Если присмотреться, на каждой что-то написано. На одной — «Одесса», на другой — «Ленинград». Вот и другие: «Киев», «Нижний Новгород», «Запорожье», «Кривой Рог», «Краснодар», «Ростов-на-Дону», «Харьков», «Мариуполь», «Смоленск».

Что же это за надписи? Почему здесь такие названия? Это названия городов, из которых приехали сюда комсомольцы.

Сто палаток. Но этого для всех оказалось мало. Вскоре к палаткам прибавились шалаши. Сооружали их из жердей. Обивали тёсом. Обмазывали глиной.

Но и этого мало.

Пригласили жители села Пермского комсомольцев к себе в дома.

Но и домов не хватило.

Поселялись люди в сараях, в амбарах, даже на чердаках, даже на огородах в банях. Сорокин Вася приютился вообще под небом в единственной на всё Пермское голубятне.

Встречают друг друга комсомольцы. Интересуются, где кто поселился. Звучат ответы:

- В палатке!
- В доме!
- В сарае!
- В амбаре!
- В шалаше!

— На чердаке!

— На огородах в бане!

Спросят у Васи Сорокина.

— Ближе к солнцу, — ответит Вася. — С сизокрылыми голубями.

Интересная жизнь в Комсомольске. Ходят строители в гости друг к другу: из домов в палатки, из палаток в амбары, из амбаров в сараи, из сараев на чердаки, с чердаков в шалаши, из шалашей в бани, поднимаются, словно идут на экскурсию, в Васину голубятню.

Ходят из «Одессы» в «Нижний Новгород», из «Киева» в «Запорожье», из «Кривого Рога» в «Ростов-на-Дону», из «Краснодара» в «Смоленск», из «Ленинграда» в «Харьков».

Пролетела весна, промелькнуло лето. Повеяло холодами. Не продержишься в суровую зиму в шалашах и палатках. Надо строить бараки. Построили тридцать. Прикинули — мало. Не хватит для всех барачников.

— Есть идея, — вдруг заявил Вася Сорокин.

— Что за идея?

— Давай лопату.

Вооружился лопатой Вася. Вырыл себе землянку. Вспоминают другие, как жил Вася на голубятне, смеются:

— С неба под землю.

Однако Васина идея с землянкой всем понравилась. Вскоре появился целый земляночный городок. Даже название он получил — Копай-город.

Комсомольск. Начался город с палаток, с землянок. Промчались годы. Ныне на берегах Амура поднялся красавец город.

КАК КОМСОМОЛЬСК СТАЛ КОМСОМОЛЬСКОМ

Комсомольск не сразу стал Комсомольском. Рядом с местом, которое было выбрано для строительства города, стояло село Пермское.

Пермское оно потому, что когда-то, ещё до революции, основали его крестьяне-переселенцы, приехавшие из бывшей Пермской губернии.

Возник один сруб, второй, третий... Пролегла единственная сельская улица.

Амур здесь полноводный. Берег, на котором стояло село, высокий. Недалеко от села Амур поворачивает, образует большую излучину. Рядом сопки. Сразу за селом начинается дремучий еловый лес. Тут, на высоком берегу Амура, рядом с селом Пермским и приступили к строительству нового города. Появились первые дома, первые улицы. Название нужно городу.

Объявили строители конкурс, соревнование: кто придумает самое лучшее для него название.

Разные понесли предложения:

— Высокий!

— Далёкий!

— Лесной!

Ясно ребятам: пока не то.

— Среднеамурск!

— Синегорск!

— Пятилетград!

Ближе. Лучше. Однако снова пока не то.

Кто-то прокричал:

— Комсомолка!

Засмеялись многие:

— Женское имя — городу?!

— А Москва, а Одесса, а город Полтава! — несётся в ответ.

Продолжается спор о названии города. Кто-то сказал:

— Амурград!

Кто-то сказал:

— Добровольск!

Намного лучше. Почти хорошо.

И всё же общего нет согласия. И вот тут-то... Поднялся Ваня Сидоренко.

— Тише! Тише! Вношу предложение: Комсомольск-на-Амуре!

Замерли все. Вот так название!

— В самую точку!

— В самый раз!

— Ай да Иван Сидоренко!

Иван Сидоренко был одним из первых, кто приехал сюда на строительство нового города. Не новичок он в строительном деле. Немалый опыт уже за плечами. До Комсомольска трудился в других местах. Всегда и всюду отлично работал Иван Сидоренко. Газеты о нём писали. Портреты его печатали. Даже в Англию, в далёкий Лондон, ездил однажды Иван Сидоренко. Это была премия за самоотверженный труд.

Был он лучшим среди лучших и при строительстве Комсомольска.

Тут же в Комсомольске остался жить. Женился. Четыре сына у него родилось.

А когда разгорелась война с фашистами, ушёл Иван Сидоренко на фронт. Был политруком. Отважно с врагом сражался. Оборвала фашистская пуля жизнь прославленного строителя.

Погиб Иван Сидоренко. А память осталась. Это по его предложению Комсомольск стал Комсомольском. Он, комсомолец Иван Сидоренко, новому городу славное имя дал.

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Одна из первых работ, к которой приступили строители Комсомольска, — корчёвка леса.

Однако здесь поначалу произошла заминка.

— Где топоры?! Где пилы?!

Выяснилось: сплеховали хозяйственники, не захватили с первыми пароходами топоры и пилы.

Что делать?

Выход нашёл Кондрат Зозуля:

— У хозяев надо попросить. У местных жителей.

— А дадут?

— Под честное слово.

Обратились комсомольцы к жителям Пермского. Собрали несколько топоров и пил. С малого и начали.

Весёлое дело корчёвка леса. Подпилят строители корни у дерева, подрубят. Кто-нибудь возьмёт верёвку и вместе с ней полезет на верхушку ствола. Взобрался, привязал верёвку к вершине. Те, что внизу, раскачают с помощью верёвки ствол дерева. Не удержится лесной великан, рухнет на землю.

Кричат комсомольцы:

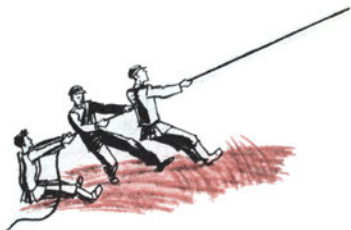
«Ура!»

И тут «ура!», и там «ура!».

По этим «ура!» можно сосчитать, сколько стволов повалено.

Весёлое дело корчёвка леса. С особой удалью пошла здесь работа после того, когда с верёвкой на вершину дерева полез Кондрат Зозуля. Добрался он до вершины, закрепил верёвку:

— Тяни!

Не тянут комсомольцы.
Кричат:

— Слезай!

— Тяни! — сверху кричит
Зозуля.

Раскачали комсомольцы
ствол. Не устояло дерево,
стало падать. Однако падало
оно медленно, с торможени-
ем. И другие срубленные де-
ревья здесь так же падали.
Мешали густые кроны ру-
шиться деревьям сразу. Опус-
кались они как на амортиза-
торах.

Приметил это хитрец Зо-
зуля, поэтому не побоялся
падающего дерева, остался
сидеть на вершине. Спустился
на землю словно на пара-
шюте.

Падают деревья одно за
другим. «Ура!», «ура!» —
несётся и слева и справа.

Дружно идёт работа. Хо-
рошее у всех настроение.

АНТОН И ЖОРА

Строительство Комсомольска началось с хлебопекарни. Дружно комсомольцы принялись за работу. Пекарню строили большую. Стены возводили из кирпича.

Заспорили комсомольцы, за сколько дней закончат они строительство.

Называются разные сроки — двадцать дней, пятнадцать, кто-то даже сказал, что можно построить за десять дней.

— Быстрее надо, быстрее. Время не ждёт. Люди не ждут, — говорит Берестовский.

Берестовский — это бригадир. Он старший на стройке хлебопекарни.

В его же бригаде оказались Антон Прибрежный и Жора Каблучок.

Спрашивает Антон Жору:

— Откуда приехал?

Отвечает Жора:

— Из Одессы.

— Ах, Одесса! Одесса, Одесса! — смеётся Антон Прибрежный.

Спрашивает Жора Каблучок:

— Откуда приехал?

Отвечает Антон:

— Из Ростова-на-Дону.

— Ах, Ростов-Дон! Ростов-Дон! — смеётся Жора Каблучок.

Подружились Антон Прибрежный и Жора Каблучок на стройке. Хочется им, чтобы пекарня была построена как можно быстрее.

Предлагает Антон:

— Давайте работать от зари до зари.

Предлагает Жора:

— Давайте и ночью работать.

Обратились они к Берестовскому, высказали свои предложения.

Посмотрел на них бригадир:

— Откуда такие?

— Из Одессы,— говорит Жора.

— Из Ростова-на-Дону,— говорит Антон.

— Славные города, славные,— усмехнулся Берестовский.— Молодцы, верно предлагаете.

Всем понравилось предложение Антона и Жоры. День и ночь теперь не прекращалась работа по строительству хлебопекарни. Дружно работали строители. Прошло всего шесть дней, и готова хлебопекарня.

Едят комсомольцы свежий, душистый хлеб:

— Ну и хлеб! Ай да хлеб!

Спасибо Антону!

Спасибо Жоре!

Спасибо всем за ударный труд!

ПЕРВЫЙ ГУДОК

Немало в Комсомольске сейчас заводов. Машиностроительный, судостроительный, знаменитая «Амурсталь»...

Было это в первые месяцы Комсомольска. Прибыл новый отряд на стройку. Вместе с другими приехал и Вася Каширин.

Устал с дороги Каширин. Крепко уснул. И вот приснился Васе родительский дом. Вот мать, вот отец, вот сестрёнка Катя. Потом во сне появилась родная улица. Вот тротуары, вот фонари знакомые, вот чуть изогнулась, вниз побежала улица. Потом Каширин увидел весь город. Будто бы Вася парил над городом. Вот мост через речку, центральная площадь, кинотеатр, вокзал. А вот и родной завод. До отъезда на Дальний Восток на этом заводе работал Вася. Вот заводская труба. Проходная. Вот корпуса завода. А вот...

Гу-у! Гу-у! Гу-у! — слышит Вася. — Гу-у! Гу-у! Гу-у! Заводской гудок, понимает Вася. Улыбается во сне Вася гудку родному.

Гу-у! Гу-у! Гу-у! — продолжает звенеть в ушах.

Перевернулся Вася с боку на бок. Вдруг сосед по бараку:

— Ты что? Вставай!

Открыл Вася глаза, спросонья, где он и что с ним, понять не может.

— Вставай, вставай, рабочий день начинается, — снова ему сосед.

Вместе с Васей Кашириным приехал тогда в Комсомольск и Тарас Науменко. И Тарас крепко уснул с дороги. И ему приснился родительский дом. Вот мать, вот отец, вот брат Кондрат, вот сестра Одарка. Потом появилась родная улица. Затем родной город узнал Тарас. Вот речной порт, вот городской театр, вот городской бульвар, вот

городской базар. А вот и родной завод. На этом заводе до отъезда на Дальний Восток работал Тарас Науменко. Вот труба, проходная, цеха завода. А вот...

Гу-у! Гу-у! Гу-у! — слышит Тарас. — Гу-у! Гу-у! Гу-у!

Заводской гудок, понимает Тарас. Улыбнулся Тарас во сне.

Гу-у! Гу-у! Гу-у! — продолжает звенеть в ушах.

Перевернулся Тарас с боку на бок. Вдруг сосед по бару:

— Ты что? Вставай!

Открыл Тарас глаза, где он и что с ним, понять не может.

Вместе с Василием Кашириным и Тарасом Науменко в Комсомольск в тот же день приехал и Алесь Прокопович.

Как и другие, бухнулся он на кровать с дороги. Заснул богатырским сном. Спит Алесь Прокопович. Снится парню родимый дом. Вот мать, вот отец. Вот сёстры Роксана и Анка, вот братья Козей и Янка. Потом увидел родную улицу. Потом, как в кино, поплыл перед глазами родимый город. А вот и родной завод. До отъезда на Дальний Восток на этом заводе Алесь работал.

Гу-у! Гу-у! Гу-у! — слышит Прокопович гудок знакомый. — Гу-у! Гу-у! Гу-у!

Улыбнулся Алесь во сне.

Гу-у! Гу-у! Гу-у! — продолжает звенеть в ушах.

Повернулся Прокопович с боку на бок. Вдруг сосед по бару:

— Ты что? Вставай!

Открыл Прокопович глаза, где он и что с ним, понять не может.

Объясняет сосед Алесю:

— Гудок! Заводской! Первый гудок в Комсомольске.

Это был гудок комсомольского лесозавода. Прошло всего лишь два месяца с того дня, когда высадились здесь первые комсомольцы, а уж построен и пущен в ход первый завод Комсомольска.

Гу-у! Гу-у! Гу-у! — несётся над тайгой, над Амуром.

Рождается город. Промышленный город. Слушайте. Слушайте. Слушайте. Первый гудок над городом.

УЛОВ

Идут по Амуру к месту стройки нового города пароходы. Тянут тяжёлые баржи с разными грузами.

Пришли в Комсомольск пароходы. Кричат гудки:

«Принимай материалы! Гу-гу-гу!»

Для разгрузки пароходов и барж устраивались субботники. Все, кто в это время был свободен от основных работ, направлялись к пристани.

Собирался как-то Капитон Капитонов с напарником на рыбалку. Снаряжение проверял. Поплавки самодельные мастерил. Как раз следующий день был у них свободный.

— Встанем пораньше, ещё до рассвета,— договорились друзья-товарищи.

Проснулся в условленный час Капитонов. Ноги в брюки. Куртку на тело. Только потянулся за удочками:

Гу-гу-гу!

Снова пришли пароходы. Сорвалась рыбалка. Пришлось отложить её до следующего выходного дня.

Пролетела неделя. Проснулся в условленный час Капитонов. Ноги в брюки. Куртку на плечи. Удочки в руки. Встретился он с напарником. Тронулись в путь друзья. Благодать. Хорошо. Идут гадают:

— Будет удача? Не будет удачи?

Конечно, удача будет. Тут бы не быть удаче. Амур полноводен. Простор для рыбы.

Это к месту лова шагают они налегке. Будут идти домой — согнутся от груза рыбы.

Потёр Капитонов ладошкой о ладошку.

— Будет удача, будет!

Шаг, ещё шаг. Всё ближе к заветному месту. И вдруг: Гу-гу-гу!

Остановился Капитонов. Остановился напарник.

— Н-да,— протянул Капитонов. Жалко, конечно, ему, что срывается снова рыбалка, что надо по гудку торопиться к пристани.

— Ничего, ничего. И без нас управятся,— говорит напарник.

— Нет,— сказал Капитонов.

Повернул он назад. Постоял-постоял напарник. Двинулся тоже за Капитоновым.

Прошла ещё неделя. В третий раз направились рыболовы к заветным своим местам. Миновали знакомый овражек. Обошли стороной болотце. Вышли друзья к Амуру. Ещё километр — и достигнут цели. Прошли километр. Расположились на берегу. Приготовили удочки. Капитонов для удобства разложил телогрейку. Всё по-солидному. Всё как надо.

Забросил он удочку. Ударило по воде грузило. Колыхнулся и замер как по команде «смирно» на речной глади самодельный капитоновский поплавок.

— Отлично,— сказал Капитонов.

И в этот момент — гудок. Протяжный, требовательный. Даже Капитонов и тот не сдержался.

— Э-эх, снова про нашу честь.

— Не пойду,— заявил напарник.

И не пошёл.

А Капитонов гудка послушался. До самого вечера разгружал он вместе с другими баржи. Таскали, таскали люди кули и ящики. Выросли на берегу целые горы нужных для стройки грузов.

Возвращался домой Капитонов. Видит, шагает его на-

парник. Не зря он весь день просидел у реки. На плечах мешок. Рыбы в мешке — вагон.

— Что ж, поздравляю, — сказал Капитонов.

Не ответил напарник. Что-то не весел. Видно, как-то неловко ему перед Капитоновым и другими.

Не весел напарник. А у Капитонова отличное настроение. Показал на берег, на горы различных грузов.

— Вот он, и наш улов.

Отличное настроение у Капитонова. Радостно на душе.

Старая истина вновь подтверждается. Радость в общем труде рождается.

ПЛЕЧО КОМИССАРА

Всё новые и новые строители приезжали на Дальний Восток. В декабре 1933 года в Хабаровске собралось более тысячи человек. Все мечтают о Комсомольске.

Но как попасть в Комсомольск зимой? Нет здесь путей-дорог. Не пробьёшься зимой сквозь таёжные дебри.

Кто-то выкрикнул:

— Пешком по Амуру.

Тронулись в путь комсомольцы. Идёт отряд за отрядом. Строительные инструменты, разные мелкие грузы несут на плечах. Тут же несколько конных упряжек. Эти везут продукты.

Вместе со всеми шагал и Назар Пичугин. Плотник он по профессии. Идёт, шагает, тащит рубанок, тащит фуганок, пилку-ножовку тащит.

В первый день прошли 25 километров. Потом стали проходить по 30 и даже по 50.

Кто-то кричит восторженно:

— Суворовским маршем идём. Суворовским!

Только не всем под силу оказались такие походы. Стал выбиваться из сил и Назар Пичугин. Сам комиссар похода Наумов к нему подходил, подбадривал. Как-то даже плечо подставил. Опёрся Пичугин на плечо комиссара, сразу легче бедняге стало. Так бы всю жизнь шагал.

Двести километров уже позади. Третью сотню идут комсомольцы. Всё хуже Пичугину, хуже. Нет сил дальше тащить поклажу. А тут вдруг ещё беда. Исчез из мешка у него рубанок. Хотел он поднять скандал. Однако махнул рукой. Всё же груза тащить поменьше.

Прошёл ещё день. Всё меньше, меньше сил у Пичугина. Вновь комиссар к нему подходит. Снова плечо подставил:

— Держись, Пичугин. Победа близко!

Ещё плетётся Назар Пичугин. А тут и опять беда. Исчез из мешка у него фуганок. Ругнулся Пичугин. Однако махнул рукой. Всё же груза тащить поменьше.

Едва ступает Назар Пичугин. Вновь комиссар Наумов к нему подходит. Снова плечо подставил.

— Держись, Пичугин. Победа рядом!

Потом, уже у самого Комсомольска, путники попали в пургу. Два дня трепал и людей и округу ветер. Как снежный барс на людей бросался. На последних переходах Пичугин и вовсе сдал. И хоть снова явилась к нему беда — исчезла вдруг и пила-ножовка. Не сожалел о ножовке теперь Пичугин. «Пропади ты пропадом всё», — сказал.

И всё же дошёл он вместе со всеми до Комсомольска. Вот он, конец похода.

Ура! Пробились.

Подошёл комиссар Наумов к Пичугину, улыбается. Отвечил и Пичугин ему улыбкой. Посмотрел на Наумова Пичугин как-то загадочно, протянул вещевой мешок.

«Что такое?» — не может понять Пичугин.

— Бери, бери, — улыбается комиссар.

«Что такое?» — в догадках опять Пичугин.

Раскрыл мешок и ахнул. Рубанок, фуганок, пила-ножовка лежат в мешке.

Повернулся Пичугин к комиссару Наумову. Только нет здесь уже Наумова. Вот он спешит по настилу снежному. Кому-то приветливо улыбается.

КАРТА МИШИ ИВАНОВА

Для строительства нового города не хватало кирпича и гравия. Кирпич не сделаешь без глины. Везти гравий, кирпич или глину издалека долго и дорого. Надо было строительный материал разыскать на месте.

Стали расспрашивать пермских старожилов.

— Должна быть глина. Должна, — говорят старожилы.

— Должен быть гравий. Край богатый — всё в наших местах должно быть.

Решили строители направить в тайгу экспедицию. Подобралось восемь человек. Самому молодому из них, Мише Иванову, было шестнадцать лет.

Раздобыл Миша где-то карты этих мест.

— Важнейший документ, — говорил. — Важнейший! — И добавлял: — Ключ к разгадке великих тайн.

Стали прикидывать комсомольцы, сколько же дней они пробудут в тайге, сколько же им понадобится времени, чтобы найти глину, чтобы разыскать гравий.

Один сказал: месяц. Второй сказал: два.

Тронулась в путь экспедиция. Всё предусмотрено в экспедиции, взяты: палатки, лопаты простые, лопаты совковые, лопаты сапёрного образца, кайла, ломы, топоры, котлы походные, посуда кухонная. Солидный запас еды.

Шагают тайгой изыскатели. Полны гордости и надежд. Миша важно идёт, карту свою несёт. Досрочно свершились надежды. Прошли немного — наткнулись на глину. Прошли немного — встречают гравий.

Три дня, и закончена вся экспедиция. Даже обидно стало. Вернулись участники экспедиции в Комсомольск. Поставил Миша кружки на карте, обозначил места находок.

— Ну как? — спрашивают старожилы.

— Полный порядок, — отвечают комсомольцы. — Нашли и глину, нашли и гравий.

— То-то, — улыбаются старожилы. И снова своё: — Богат наш край, богат. То ли ещё тут сыщется.

И верно. Прошло несколько лет, и нашли геологи в тех местах богатейшие залежи олова и свинца, цинка, меди и других очень нужных стране металлов.

Удивительной стала карта Миши Иванова. Глянешь — в разноцветных она кружочках.

И НИКАКИХ ГВОЗДЕЙ...

Для любого строительства нужен лес. Лес для Комсомольска рубили на правом берегу Амура. Комсомольск же строился на левом его берегу. Лес доставляли по воде. Но вот наступила зима. Амур замёрз. Как же переправить строителям лес?

Конечно, нужны машины. Нужны трактора. Нет пока на строительстве нужного количества машин, нет тракторов. Нет саней, нет даже лошадей.

Что же делать? Казалось, выхода нет.

И вдруг:

— Есть выход! Есть!

Идею, как доставить лес с правого берега Амура на левый, подал молодой инженер комсомолец Василий Сухнев.

— Надо прорубить канал во льду,— заявил Сухнев.

По каналу Сухнев и предлагал переправить заготовленные брёвна в Комсомольск.

— Канал!

— Во льду?!

Идея смутила многих.

— Да, да, канал. Да, да, во льду,— повторил Сухнев.

Подумали, подумали люди. Выхода другого действительно нет. Прав, конечно, Сухнев. Надо прорубить канал во льду Амура.

— Рубить — и никаких гвоздей! — кричал Витя Смодин.

Рассчитали комсомольцы длину канала. Получилось девять с половиной километров. Решили пробивать его шириной в один метр. Глубиной в восемьдесят сантиметров.

Февраль. Стужа. Мороз. Вышли комсомольцы на лёд Амура. В руках кирки, ломы, лопаты. Приступили к работе люди.

Шесть дней и ночей не прекращался упорный труд. Наступило утро седьмого дня.

— Ура! — пробили канал комсомольцы.

Первые брёвна шлёпнулись в воду.

— Наша взяла! Наша взяла! — кричит Витя Смородин.

Ненадёжна погода здесь, на Амуре. Особенно в феврале. Ясно, ясно, и вдруг налетит ветер, наползут облака. Посыплет снег. Загудит вокруг. Заметёт. Засвистит. И вот уже пурга лютует и пляшет по всей округе.

Так сложилось и в тот день. Только пробили комсомольцы канал. Только поставили точку. Тут как тут — коварный дальневосточный ветер. Тут как тут — дальневосточная пурга. Запорошило, замело всё вокруг. Стал снег набиваться в канал. Вычерпывают люди его лопатами. Не успевают. Ко всему начал увеличиваться мороз. К утру канал замёрз.

Получилось: вся работа коту под хвост!

Пришлось людям всё начинать сначала. Пробили вторично канал комсомольцы. Снова шлёпнулись брёвна в воду.

И снова злым роком пурга явилась. Кружила. Плясала. Людям в лицо смеялась.

В третий раз пришлось приниматься за труд комсомольцам. Осилили всё же они и мороз, и пургу, и снег.

Заработал канал. Стали комсомольцы цепочкой вдоль канала. Толкают баграми брёвна. 210 брёвен переправили в первый день. Более шестисот во второй, более чем по тысяче в третий и в другие дни. Идёт бревно за бревном. Получай, Комсомольск, строительный лес для города.

Стоит с багром в руках в общей цепочке и Витя Смородин, толкает брёвна.

— Шагайте, шагайте! — покрикивает. — Шагайте. И никаких гвоздей.

ДОБРОЕ ДЕЛО ДОБРОМ ОТЗОВЕТСЯ

Случилось это глубокой осенью. Шли дожди. Решетили землю. Неистово носился ветер. Ударял в бараки. Валил людей. Непокойное было время.

В один из таких дней, уже вечером, в темноте подошёл к Комсомольску буксир. Притащил плоты с лесом для стройки.

В тот день ветер достиг необычной силы. Налетал он с особой злобой. Стал разбивать плоты.

Объявили аврал, тревогу.

Среди прибежавших спасать плоты были бригадир Николай Гаврилов и однофамилец Миши Иванова Вася Иванов.

Гаврилов сразу же бросился на ближайший плот. Пытался он удержаться в общей связке брёвна. Однако было

поздно. Связка треснула. Видел Вася Иванов, как заколебались, заходили под Гавриловым брёвна, как вдруг отошли они одно от другого. Образовался просвет. Не удержался Гаврилов, рухнул в этот просвет.

Вспомнил Вася суворовское: «Сам погибай, а товарища выручай». Бросился вперёд, туда, на плот, на брёвна.

— Гаврилов! — кричит. — Гаврилов! Держись, Гаврилов! — Пробежал метр, второй. Брёвна скользкие, вёрткие. Поскользнулся Вася — и тоже в воду.

И сразу на берегу:

— Утонули! Утонули!

— Вася утонул!

— Гаврилов утонул!

Кинулись люди к стоящей неподалёку лодке. Пошли на помощь.

Бороздила лодка туда-сюда по Амуру. До зари, до рассвета продолжались поиски. Нет Гаврилова, нет Иванова. Общий траур среди строителей.

Однако не погибли в ту ночь ни Иванов, ни Гаврилов.

Вот что случилось тогда с Гавриловым. Упал он в воду, и тут же волна подхватила, понесла его вниз по течению. Стал он плыть, пытается преодолеть, пересилить волну и течение. Сильнее волна и течение. Всё дальше от берега, от Комсомольска тащит его вода.

А вот что случилось тогда с Ивановым. Упал он вслед за Гавриловым в воду. Подхватила и его волна, понесла по течению. Да только беда случилась тогда с Ивановым. Падая, ударил он сильно ногу. Не может бороться с волной Василий. Несёт его ниже, ниже, всё ниже. Теряет от боли, от стужи Вася сознание. Взмахнёт руками, схватится за поверхность воды. Однако нет сил удержаться. То появится он над водой, то вновь с головой под волну уходит. Понимает Василий: приходит конец. Вот снова рыбок. Слабее, слабее. Вот кончились силы. Поставлена точка. Лишился сознания Вася.

И тут... Однако не чувствовал этого уже Иванов. Про-

должал Гаврилов бороться с волной. Взмах руками. Ещё взмах. И вдруг: что такое? В темноте коснулась рука какого-то предмета. Отдёрнул Гаврилов руку. Опять протянул. Понял: это же человек в воде.

Стал бороться теперь Гаврилов за жизнь свою и жизнь неизвестного человека. Пересилил он всё же волну и течение. Доплыл до амурского берега. Вынес спасённого. Глянул. Так это же Иванов Вася!

— Вася! Вася! Иванов! — тормошит он товарища. Привёл его в чувство. Открыл Иванов глаза. Пришёл в себя. Вот так чудо.

Бросился Иванов спасать Гаврилова. А оказалось, Гавриловым был спасён.

Так уж в жизни давно ведётся: доброе дело добром отзовётся.

ЗЛЕЙШИЙ ВРАГ

Лето. Цветёт, благоухает, поёт тайга. На сотни километров, за три горизонта зелёным ушла разливом. Заговорила листвою и травами.

Но чу! Притаился здесь злейший враг — комары, гнус, таёжная мошкара. Тысячи их. Тысячи тысяч. Миллион миллионов.

Нет от врагов спасения. Атакуют со всех сторон. Впиваются в руки, в шею, в лицо. Набиваются в ноздри, в уши. Жалят в веки. Жалят в губы. Лезут за шиворот. Лезут под рукава. Готовы прокусить и одежду, и обувь, пронзить и стекло, и сталь.

— Уймитесь!

— Уймитесь!

Нет от врагов спасенья.

Ты в походе — кружат над тобой комары.

Ты на привале — кружат над тобой комары.

Спишь, читаешь, сидишь, гуляешь — нет от врага защиты.

Кружат, кружат над тобой комары. Совершают кровавую пляску.

Был бригадир на стройке.

— Подумаешь, гнус, мошкара!

— Как так — подумаешь?!

— А чего их бояться, — сказал бригадир. — Хотите рецепт?

— Хотим!

— Смотрите.

Приступил бригадир к работе. Спорится всё у него в руках. Рубили как раз тайгу. Взмах топором, ещё взмах, ещё взмах. Ложатся, как трава под косой, стволы. Залюбуешься, глядя на эту ловкость. Налетели на бригадира комары. Окружили, повисли облаком. Жужжали, жужжали. Кусали, кусали. Не обращает на них бригадир внимания.

Налетели мошка и гнус. Повисли на бригадире живыми хлопьями. Кусали, кусали. Не обращает на них бригадир внимания.

Пискнул главарь комариный:

— Не тот экземпляр.

Пискнул главарь мошкариный:

— Какой-то чудной попался.

— Не интересно, — пискнул начальник гнуса.

Отступили таёжные разбойники. Полетели бояк и нерадивых кушать.

В жизни порой чудеса бывают —
От бед и болезней работа спасает.

ГЛАВНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Переживал Дима Матвеев. Не было у него никакой специальности.

Разводит руками:

— Нет никакой специальности.

Был он совсем молод ещё.

Любили его строители. Внимательный он паренёк и отзывчивый.

Ещё когда ехали на Дальний Восток с Димой в поезде, произошла такая история.

Стали обедать как-то в пути комсомольцы. Развернули парни и девчата свои дорожные кульки. Развернул и Дима. Мама ему в дорогу и котлет нажарила, и яиц отварила, и огурчиков солёных положила, и сладкие булочки специально напекла.

Ест Дима, видит: сосед нет-нет да посмотрит в его сторону. Понял Дима: нет, видимо, у соседа с собой еды, а кушать хочется. Протянул Дима ему яйцо. Протянул огурец, котлету.

— Ешь, ешь.

Суёт и булочку.

Заметили другие, как угощает соседа Дима, спрашивают:

— Друг?

— Нет.

— Знакомый?

— Нет.

— Земляк?

— Нет, — отвечает Дима. — Просто всем надо кушать.

Потом, когда ехали уже из Хабаровска в Комсомольск-на-Амуре на пароходе, обратили другие внимание на такую картину.

Холодно было. Ветер гулял над Амуром. Ежились все от холода. Вот и худенький какой-то парнишка. Кашляет. Подошёл к нему Дима, снял со своей шеи шарф.

Заупрямился парнишка.

— Надевай, надевай!

— Друг? — спрашивают у Димы.

— Нет, — отвечает Дима.

— Знакомый?

— Нет, — отвечает Дима.

— Земляк?

— Нет, — отвечает Дима.

А вот и ещё одна история. Было это уже в самом Комсомольске. Заболел серьёзно комсомолец Николай Хохлов. Не было пока друзей у Хохлова. Заботы у других, работа, разные хлопоты. Скучает Хохлов на больничной койке. Вдруг приходит к нему Дима Матвеев. Стал посещать. Приносил гостинцы. Когда Хохлову было совсем плохо, три ночи просидел у больничной койки.

— Друг? — спрашивают у Димы.

— Нет.

— Знакомый?

— Нет.

— Земляк?

— Нет, — отвечает Дима.

Всё хорошо у Димы. И уважают его, и любят. Плохо одно — нет у Димы пока специальности.

Переживает Дима.

Подошёл как-то к Диме Митрофан Сергеевич Пивоваров. Коммунист, известный строитель.

— Не переживай,— говорит Диме.— Научишься ещё. Многому научишься. Зато главная специальность уже у тебя есть.

Поднял Дима глаза на Пивоварова. Мол, какая такая специальность?

— Человек настоящий,— сказал Пивоваров.

САМОЛЕТ И ЧЕРЕПАХА

Был на стройке Семён Крутилин. Умел рисовать лично.

— Семён, сотвори портрет.

— Семён, нарисуй Амур.

Рисует Крутилин портреты строителей. Рисует Амур и сопки, делает разные наброски и зарисовки дальневосточной стройки. Отличился ещё в одном. Придумал рисунки к доске Показателей.

Завели строители такую доску. Помечали, как какая бригада работает. Как выполняют строители планы. Кто впереди, кто позади. Кто где-то в середине тянется.

До Семёна доска была как доска: названия бригад, цифры. Теперь помимо цифр и названий появились рисунки: самолёт, поезд, телега, черепаха.

— Для наглядности, для наглядности,— говорил Крутилин.

И верно, наглядность полная. Соберутся строители у доски Показателей, улыбаются, смеются. Сразу всё ясно. Самолёт нарисован у тех, кто впереди, кто лучше, быстрее других работает. У тех, кто в середине, значится поезд, телега. А рядом с теми, кто в отстающих, кто плетётся сзади, изображена черепаха.

Досталось многим от этой самой черепахи. Особенно одной из бригад землекопов. Засели они на черепахе. Неделя прошла, вторая. Никак не уйдут с последнего места. Третья идёт неделя — по-прежнему бригада на черепахе. Кончилось тем, что бригадира даже Черепахиным окрестили.

Въедливы клички, прозвища. Пошло гулять по Комсомольску:

— Как там у Черепахина?

Встретят бригадира:

— Привет, Черепахин!

Прошло какое-то время, выправилась, наконец, бригада. Уже давно землекопы не на последнем месте. Пересела бригада на телегу, затем на поезд. А про бригадира всё так же говорят — Черепахин и Черепахин.

— Смотри, на телеге сидит Черепахин.

— Смотри, Черепахин катит на поезде.

Вот-вот бригада и вообще на самолёт пересядет.

А Черепахин всё по-прежнему в Черепахиных.

Ох, как упорно людское мнение. Не зря говорят в народе: честь береги с рождения.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СТИМУЛ

Нравится Пете Поля. Нравится Поле Петя. В Комсомольске строили электростанцию. Немало здесь было трудностей. То хлестали людей дожди, то морозы пошли трескучие. То перебои с песком, с кирпичом, то не хватает стекла и извести.

Тут на строительстве электростанции и встретились Петя с Полей.

Состояли в разных они бригадах, но порой получалось так, что рядом работали их бригады. Вот трудится Поля. Вот трудится Петя.

Замечает Поля: то и дело поворачивает в её сторону Петя голову. Чувствует девушка восторженный взгляд молодого парня, от этого взгляд начинает лучше, быстрее работать.

Видят другие, если Петя рядом, в руках у Поли любая работа огнём горит.

— Дополнительный стимул, — говорят про Петю.

Замечает и Петя, что нет-нет да повернёт в его сторону голову Поля. Вырастают у Пети крылья от этого взгляда. Вот-вот от земли оторвётся. Действительно оторвался. Летит. Парит.

Потом снова вернётся на землю. Сразу за двоих, за троих работает.

Видят другие, что, если

лишний раз Поля посмотрит на Петю, Петя горы готов свернуть.

— Дополнительный стимул,— говорят про Полю, про этот взгляд.

Хорошо, когда они трудятся рядом.

Однако если случалось вдруг так, что вдалеке одна от другой работали их бригады, сразу иной становилась картина.

Как-то невесел Петя.

Что-то скучает Поля.

В выполнении плана как-то у Пети сразу не тот процент.

Невнимательна что-то в работе Поля.

Нашёлся кто-то разумный. Соединили Полю и Петю в одной бригаде. Вот они рядом. Вот они вместе. Работа снова поёт и спорится.

Ясно всем: полюбила Полина Петю. Петя, конечно, влюблён в Полину.

Смотрят люди на Полю, на Петю.

— Дополнительный стимул,— улыбаются люди.

СЛУЧАЙ С ХОХЛОВЫМ

Повстречался Игорь Хохлов с медведем. Шёл он тайгой. Чащобой. Обошёл поваленную ель. И вот тут... Нос к носу стоит перед ним медведь.

Обомлел. Онемел. Побелел Хохлов.

Понимает: пропал!

И медведь обомлел от встречи.

Нет бы Хохлову назад попятиться и тихонько снова уйти за ель.

Только вдруг ни с того ни с сего сказал он медведю:

— Здравствуйте!

Не понял медведь Хохлова. То ли был не в духе медведь, то ли был страшно голоден. Стал он на задние лапы, заревел на всю тайгу.

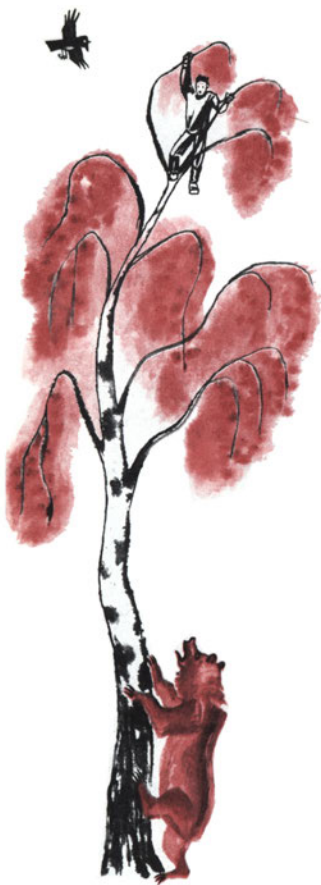
Побежал Хохлов от страшного места. Бежит, чувствует — несётся за ним медведь.

Никогда Хохлов в спортсменах не числился. Э-эх! Не было в ту минуту рядом спортивных судей. Наверняка превысил в беге Хохлов все мировые рекорды.

Увидел Хохлов берёзу. Рванулся к берёзе. Быстрее кошки, быстрее белки, словно стрела из лука, словно из дула пуля, взлетел Хохлов на её вершину.

Вцепился руками в ствол. Глянул на землю. Под берёзой стоит медведь. Ухватился разъярённый зверь за берёзу. Начал трясти. Как грушу, как сливу, как яблоню, трясёт

берёзу. Берёза оказалась не очень толстой. Ходит налево, направо ствол. Еле Хохлов на вершине держится.

Удержался всё же. Однако тут новое. Посмотрел косолапый на Хохлова, на ствол берёзы, что-то в уме прикинул и вдруг сам полез на дерево.

Понимает Хохлов беду.

— Ма-а-а-ма! — кричит с вершины.

Всё ближе медведь, всё ближе.

Проплывало в эту минуту рядом, почти над самой берёзой, облако. Вот где спасенье, мелькнула мысль у Хохлова. Сжался он, словно пружина. Оттолкнулся что было сил от берёзы. Долетел, дотянулся, уцепился за облако. Залез на него. Только перевёл дух. Только чуть успокоился. Глянул вниз. О, ужас! Видит: мишка тоже оттолкнулся от берёзы. Тоже дотянулся до облака. Вот он рядом. Вот лапы, вот когти. Вот раскрытая дверью пасть.

Рванулся Хохлов вперёд. И Мишка за ним рванулся. Мчат по небесной они дороге.

— Ма-а-а-ма! — продолжает вопить Хохлов.

Доконал косолапый всё же Хохлова. Добежал бедняга до края облака, не удержался и рухнул вниз. Летит, что есть сил кричит:

— А-а-а!

— Ты что?! — толкнул Хохлова сосед по нарам.

Не может Хохлов понять, что с ним происходит, что это не явь, а просто сон ему приснился, продолжает кричать:

— А-а-а! — И тут же: — Спасите!

Всех до последнего в бараке своим криком разбудил.

А дело вот в чём. Наслушался Хохлов долгими зимними вечерами про медведей разных историй и разных басен. Вот и приснился ему медведь. Долго потешались потом над Хохловым. Называли Хохлов-Топтыгин.

Края дальневосточные, конечно, далёкие, в те годы почти безлюдные. Встречалось здесь много животных. Встречались и медведи. Забредали порой на стройку.

Однако так — чтобы гоняться за людьми, лазить за ними на деревья, трясти, как груши, догонять по облаку, — нет, такого не было.

Встретился как-то и Хохлов с живым медведем. Однако не проявил интереса медведь к Хохлову. Посмотрел равнодушным взглядом. Повернулся. Побрёл в чащобу.

ОТПУСК

Алексей Смородин просился в отпуск.

— Разрешите!

— Разрешите!

— Хотя бы совсем ненадолго.

— В родной Ленинград.

— На берега Невы!

К бригадиру ходил, к прорабу, к парторгу, к другим руководителям и начальникам.

Разрешили Смородину поездку. Дали отпуск на целый месяц.

Катит Алексей Смородин через всю страну, через Сибирь и Урал на запад. Времени свободного много. Лежит на вагонной полке, рассуждает: «Не хватит мне месяца. Что там месяц. Дни пролетят, как ветер».

Прибыл Алексей Смородин в родной Ленинград. Отца-мать повидал, сестрёнке Кате обо всём рассказал. Сбегал к друзьям, к приятелям.

Прошёл день, второй. Ещё прошёл день, второй. Надышался он ленинградского воздуха, походил по набережным Невы. По Невскому прогулялся, по Дворцовой площади. В Эрмитаж сходил, в Русский музей. Постоял у памятника Петру Первому.

Прошёл ещё день, второй. И вдруг чувствует Смородин: чего-то ему не хватает. Как-то неуютно ему здесь без всякого дела. Думал, гадал, и вдруг: ведь Комсомольска

не хватает. По Амуру соскучился.

Неуютно ему без друзей на далёкой восточной стройке.

Покрутился ещё день, ещё два. Не выдержал. Стал собираться в обратный путь.

— Куда так скоро? — отец и мать.

— Побудь немного, — сестрёнка Катя.

— Дела, не могу. Дела! — в ответ Смородин.

Едет, спешит Смородин через всю страну, через Урал и Сибирь на Дальний Восток. Торопит поезд:

— Быстрей, ленивый, труба-колёса!

Вернулся досрочно назад Смородин. Сразу к нему вопросы:

— Как так?

— Почему?

Засмущался Смородин. Честно сказал:

— Соскучился.

Прикипело сердце Алексея Смородина к новым местам, к новым друзьям. Прикипело, словно кто-то прошёлся сваркой.

«АДЬЮ» И «ПАРДОН»

Приехал Вадим Земной в Комсомольск на короткий срок.

Рассуждал:

— Посмотрю новые места. Чуть поработаю. А там — домой. Как говорят французы — адью, то есть прощайте.

Комсомольск — город речной. Стоит на широком речном пути. Вырастет город. Зачастят сюда пароходы со всего Амура, с соседних дальневосточных рек. Решено было создать в Комсомольске верфь и доки — места для строительства и ремонта речных судов.

Верфь для быстрой вначале заложили временную. На её строительство и попал Земной.

— Как раз по мне, как раз что надо, — рассуждал он. — Вот построю эту временную, и будьте здоровы, живите богато, а я уезжаю до дома, до хаты.

Сел, пишет домой письмо.

«Всё хорошо. Доехал отлично. Долго не задержусь. Как только наступит осень, начнутся холода, сразу же ждите».

Строит он вместе с другими комсомольцами верфь. Увлёкся. Вырастает верфь на глазах у Земного.

Вскоре друзья у него появились. Саша Неделин, Паша Петелин, Сорокина Клавя, Котомкин Слава.

Общительный человек Земной, к тому же, надо сказать, аккуратный. Выбрали Земного старостой комнаты. И в комнате у него хорошо — чистота, порядок. И на строительстве верфи он не в последних, и даже не в средних, на доске Показателей, на рисунках Семёна Крутилина на самолёте летит Земной.

Короче, увлёкся парень стройкой. Закончили строить верфь. Видят другие: не торопится что-то домой Земной. Не говорит, как хотел: «Адью!»

Начали строить доки. Решил задержаться парень. «Построим доки, тогда в дорогу».

Снова пишет письмо родным. «Чуть задержусь. К холодам не ждите. Как наступит весна, тут и встречайте».

Снова в труде Земной. К старым новые друзья прибавились. Лёша Ложкин, Максим Серёжкин, Кукушкина Таня, Марковкин Ваня. И на новой работе всё у него ладится. И тут всё отлично. Бригадиром назначили Земного.

Соорудили строители доки. Не торопится что-то Земной домой. Не говорит, как хотел: «Адью!»

Нет уже прежней прыти.

«Подожду,— рассуждает.— Уехать никогда не поздно».

Как раз в это время прибыли в Комсомольск для ремонта первые пароходы. Вошли они в новые доки.

«Вот как закончим ремонт пароходов, так и уеду»,— решил Земной.

Задержался опять в Комсомольске. Пишет родным письмо: «Не приеду весной. Задерживаюсь. Извините, то есть пардон, как говорят французы».

Наступило лето. Снова Земной посылает домой: «Пардон!»

Наступила осень. Снова Земной посылает родным: «Пардон!»

А за этим «пардоном» опять «пардоны».

Так и остался Земной на Амуре. Комсомольск — вот отныне где дом родной.

ЛЫЖИ

Зима. То ветры, бураны, мороз в три силы, то выдастся солнечный радостный тихий день.

Выдался день отменный. Тот, кто свободен:

— Братцы, на лыжи!

Что тут думать. Верное предложение. Нашлось охотников больше чем лыж, чем палок. Собрались. Оделись. Раздолье, простор кругом. Беги на все сто двадцать четыре стороны.

Все за лыжи. И лишь бригадир Куликов-Горошин:

— Делать вам нечего.

— Так, Иван Иванович, это же спорт.

— Энергию тратить, — опять своё Куликов-Горошин.

Прекрасное дело — бежать на лыжах. Хочешь — в паре. Желаете — группой. Одному тоже ходить приятно. Скользят, скользят по белым просторам лыжи. Шаг, ещё шаг, толчок, рывок, и вот ты несёшься, как парус, как птица. Снег под весом твоим скрипит. Ветер в ушах свистит. Радость фонтаном наружу рвётся.

Поднялись лыжники на ближайшие сопки. Как на ладошке лежит Комсомольск внизу. Вон Амур величаво несёт свои воды. Вон он, изгиб реки. Видны стройки и новостройки: электростанция, лесозавод, судовой верфь, школа, больница, ещё одна школа, жилые дома, жилые кварталы. Растёт Комсомольск и ширится.

Находились, набегались лыжники. Вернулись, заснули, словно убитые.

Смотрел на спящих бригадир Куликов-Горошин:

— Э-эх, какие завтра из них работники.

Наступило утро. Проснулись люди, оделись, умылись, быстрее к делам.

Отлично у всех работа ладилась в этот день.

Поражался Куликов-Горошин:

— Ага, совесть замучила. То-то стараются.

Однако то же самое повторилось и в следующий раз. И за следующим снова и снова. Задумался бригадир.

— На пользу, выходит, лыжи.

Сообразительным был Куликов-Горошин. Стал поступать теперь так: надо где-то усилить работу, что-то срочное сделать, где-то перевыполнить план, к комсомольцам бригадир Куликов-Горошин:

— Вам бы сходить погулять на лыжах.

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Ехал Спиридон Кнопочка поездом в Хабаровск, всё на свой сундучок поглядывал.

Сундучок изящный, красивый. Смастерили его давно-давно. Принадлежал он когда-то Кнопочкиному деду, затем отцу. Теперь принадлежит Кнопочке. Надёжно закрыт сундучок. Висит на нём огромный замок. На этот замок — на месте ли он — главным образом и поглядывал Кнопочка. Побавался Кнопочка. А вдруг залезут в сундучок недобрые люди.

В Хабаровске Кнопочка пересел на пароход. Плывёт пароход по Амуру. Держит путь на Комсомольск.

Выйдут другие на палубу. Видами любуются. А Кнопочка сидит внизу в трюме, на свой сундучок, на замок поглядывает.

Приглашают Кнопочку прогуляться по пароходу:

— Пошли, Спиридон.

— Не хочется.

Приглашают на остановках сойти на берег:

— Пошли, Спиридон.

— Да что-то устал.

Прибыл пароход в Комсомольск-на-Амуре. Радостно встречают новеньких. Жмут люди друг другу руки, целуются, обнимаются.

А у Кнопочки руки заняты. В одной — узелок, в другой — сундучок. Не решается он свою поклажу поставить на землю. А вдруг... Так и простоял с вещами в руках. Так ни с кем не поздоровался, не обнялся.

Поселился Кнопочка в общем бараке. Всё примерял, куда лучше сундучок поставить. Под подушку — большой, не сунешь. В ноги, под матрац — тоже не помещается. Пришлось поставить сундучок под кровать. Хоть и рядом сундучок, однако с кровати его не видно. Мучился от

этого Кнопочка. Ночью по несколько раз просыпался, всё под кровать заглядывал. Нелегко бедняге. Уходит утром на работу — о сундучке думает. Возвращается вечером — о сундучке думает. И вот вернулся однажды — нет сундучка. Побелел Кнопочка.

— Караул!

Кричал громко. Всех переполошил.

Однако вскоре всё выяснилось. Убирали в комнате. Передвинули Кнопочкин сундучок. Поставили по ошибке под соседнюю койку.

Были в Комсомольске и у других сундучки. Были чемоданы, баулы, мешки, корзины. Однако никто за пожитки свои не дрожал, никто от кого-то ничего не закрывал, не прятал. Доверяли друг другу люди. Так уж сложилось в Комсомольске, так повелось.

Лишь у одного Кнопочки висит замок. Один он среди всех, как белая ворона, как чёрный лебедь.

Чёрным лебедем его и прозвали.

Не очень был сообразительным Кнопочка. Долго не мог понять, почему его так прозвали. Всё думал — за чёрные волосы на голове. Даже гордился прозвищем.

Однако время шло. Начал постепенно уметь Кнопочка. Перестал он каждую минуту вспоминать про свой сундучок, думать про то, висит ли на нём замок.

Прошло ещё какое-то время. Перестал он и вообще за свой сундучок бояться. Даже снял незаметно для всех замок.

Совсем поумнел Кнопочка.

— Чёрный лебедь! — сам над собой смеялся.

РУДКОВСКИЕ РЫСАКИ

Потешались долгое время все над Рудковским. Называли его и его товарищей — рудковские рысаки.

Началось всё с того, что пришёл как-то комсомолец Павел Рудковский к начальникам, говорит:

— Надо создать пожарную команду.

Не подумал как-то об этом никто, а ведь прав Рудковский.

Идёт строительство города, много кругом разного бьющегося огня материала: и брёвна, и доски, и тёс. Бочки с керосином, другое горючее. Конечно же, нужна пожарная команда.

— Вы правы. Нужна,— говорят начальники Рудковскому.— Вот мы и поручаем вам организовать такую команду.

Пришлось Рудковскому браться за дело.

Оказался он человеком энергичным. Достал где-то телегу, достал бочку. Взгромоздил бочку на телегу. Вот и появился первый противопожарный инвентарь. Потом раздобыл вторую телегу, вторую бочку. Потом стал подбирать кандидатов в пожарную команду.

Агитировал, агитировал. Нашлись энтузиасты. Согласились.

Вскоре выяснилось, что где-то в Пермском ржавела старая пожарная машина. Была она, правда, на конной тяге. Разыскали её комсомольцы, отчистили, привели в порядок.

Всё хорошо. Только вот нет у пожарных лошадей. Некого запрягать в телеги с бочками, некого запрягать в пожарную машину.

Не смутило это Рудковского. Собрал он своих комсомольцев.

— Начнём учения.

— Так ведь нет тяги, нет лошадей.

Усмехнулся Рудковский:

— Есть тяга!

— Где?

— А мы на что?!

Начались учения. Насмеешься, глядя на эти учения. Выкатывали комсомольцы противопожарное оборудование на набережную Амура. Впрягались в пожарные телеги, в пожарную машину.

— Пошли!

Неслись они весело вдоль Амура. Громыхали телеги с бочками, громыхала машина.

— Рудковский за коренного, за коренного! — смеются прохожие.

— Ну и летят — как ветер!

С той поры и пошло название — рудковские рысаки.

Хорошо, что была вовремя создана пожарная команда. Вскоре огонь о себе напомнил. То вспыхнул как-то пожар на разгрузке, у причала. С курьерской скоростью примчалась пожарная команда. Бросились комсомольцы на штурм пламени:

— Дави!

— Души!

Затушили огонь, сбили.

То занялось однажды пламя на лесном складе. И вновь комсомольцы стрелой явились.

— Души!

— Дави!

Задавили огонь, примяли.

Прошло какое-то время. Быстро менялось всё в Комсомольске. Произошли сдвиги и в пожарном деле. Появились в молодом городе современные пожарные машины, появились раздвижные лестницы, мощные насосы. Да уже и в главных пожарных совсем не Рудковский. Однако помнили в Комсомольске свою первую пожарную команду. Не забывалось название — рудковские рысаки.

ДВАДЦАТЬ ОДИН И ДВАДЦАТЬ

Поразительной подобралась бригада у Григория Андрианова.

Не считая Андрианова, двадцать человек в бригаде. Все они — люди разных национальностей:

русский,
украинец,
мордвин,
грузин,
казах,
белорус,
армянин,
аварец,
калмык,
кумык —

и ещё представители других народов. Сосчитайте — ровно столько же.

Слышна украинская речь, слышна белорусская речь, говор кавказский, говор поволжский, голос степей и гор.

Лучшей среди лучших была бригада. Корчевали на первых порах тайгу, осушали низменные болотистые места, работали на строительстве речных причалов, первых домов и складов.

Дружно жили, дружно трудились члены бригады.

Захворал как-то у них грузин. Явились сразу двадцать к нему друзей:

— Поправляйся быстрее!

— Поправляйся быстрее!

Ехал в отпуск домой мордвин. Провожают двадцать его друзей:

— Возвращайся скорее!

— Возвращайся скорее!

В девушку из соседней бригады как-то калмык влюбился. Двадцать друзей на свидание его снаряжают. Двадцать друзей на двадцати языках счастья ему желают.

За свой труд не раз устаивалась бригада высоких почестей. Вот и сейчас объявляют строителям благодарность. Стоят в общем строю:

азербайджанец,
татарин,
башкир,
туркмен,
чуваш,
хакасс,
таджик,
карел,
якут, и ещё один — житель гор —
осетин,
и ещё отличных парней одиннадцать.

НА БЕРЕГУ АМУРА

Как горные реки, несётся время. Время летит как ветер. Промчались годы с той поры, когда первые комсомольцы высадились у села Пермского на берегах Амура.

Время летит как ветер. Как стрелы промчались годы.

Поезжай на Амур, на Дальний Восток сегодня. Сядь на теплоход, подымись на палубу.

Вот он, Амур-красавец.

Поворот, подворот. За изгибом изгиб реки.

Поворот, подворот. Вот он, красавец город.

Стоит Комсомольск на левом, высоком берегу Амура.

Вот они, трубы Амурстали. Вот электростанция, судовой верфь, речной порт, причалы. Завод машиностроительный, завод авторемонтный, другие заводы, другие фабрики. Жилые дома, кварталы. Проспекты, улицы. Больницы, школы. Театр. Кинотеатры, универсамы. Спортивные залы. Дворцы культуры.

Стоит на Дальнем Востоке город.

Город мужества.

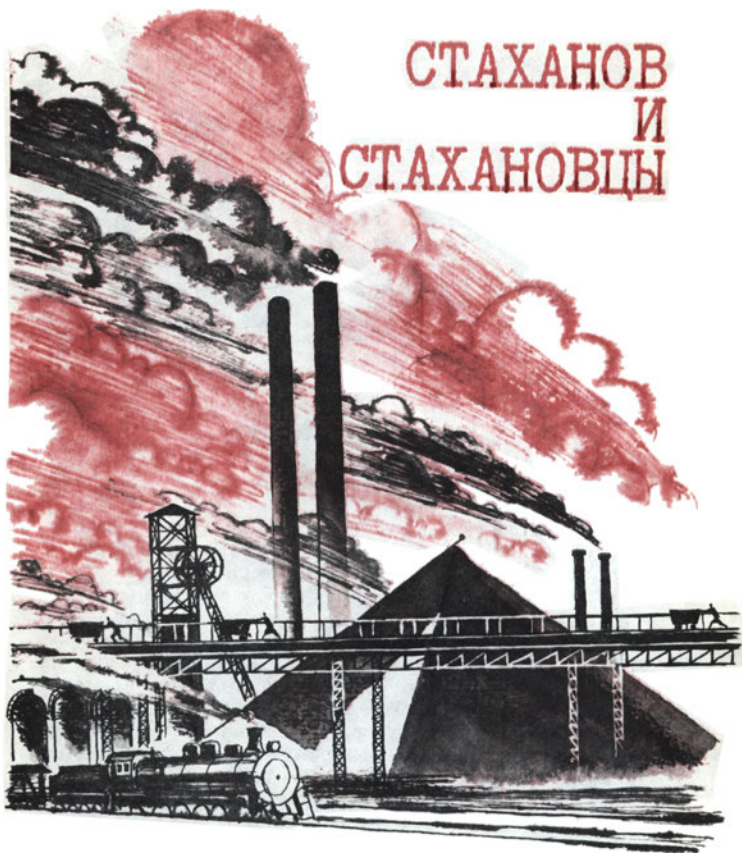
Город юности.

Памятник комсомолу.

СТАХАНОВ И СТАХАНОВЦЫ

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ-ИРМИНО»

Если от Воронежа ехать к югу — пути приведут в Донбасс. Донбасс — один из богатейших районов Советского Союза. Здесь крупные металлургические заводы. Много других заводов. Много железных дорог. Много шоссежных дорог. Но прежде всего Донбасс — это уголь. Углем Донбасс и славен на всю страну.

Сотни угольных шахт покрыли донецкую землю. На сотни километров нескончаемыми коридорами пролегли под землёй штольни и штреки. Куда ни глянешь, поднялись к небу насыпные горы — знаменитые терриконы. Это своеобразные склады ненужных пород, выдаваемых на поверхность земли из шахт и рудников.

Одна из донецких шахт называется «Центральная-Ир-

мино». Обычная шахта. Не лучше других, не хуже. И вдруг прославилась «Центральная-Ирмино».

Один из участков шахты «Центральная-Ирмино» называется «Никанор-Восток». Обычный участок. Не лучше других, не хуже. И вдруг прославился «Никанор-Восток».

Небывалое творилось в тот день на шахте «Центральная-Ирмино». Не было ещё и пяти часов утра, а у выхода из шахты собрались люди. С минуты на минуту на поверхность земли должен был подняться человек, установивший в эту ночь мировой рекорд.

Мировой рекорд! Не каждый день ведь такое бывает. Особенно под землёй. Мировой рекорд по добыче угля.

В шахтёрском деле разные есть специальности. Главная из них — забойщик. Забойщик — это тот, кто отбойным молотком добывает уголь. В среднем за смену в те, теперь уже далёкие 30-е годы забойщик нарубал около семи тонн угля. Если удавалось нарубить восемь тонн, это считалось хорошо. Если десять, считалось отлично.

Рекорд, который был установлен в эту ночь на шахте «Центральная-Ирмино», на её участке «Никанор-Восток», превышал среднюю норму в 14 раз. 102 тонны угля добыл забойщик. Это и был мировой рекорд.

Радостно встретили товарищи победителей:

— Как настроение?

— Не подводил ли в работе отбойный молоток?

Улыбаются победители:

— Отличное самочувствие.

— На пятёрку с плюсом работал отбойный молоток.

Вслед за вопросами тут же митинг. Выступал начальник участка, товарищи по работе. На лицах у всех улыбки. Общая радость на шахте «Центральная-Ирмино».

Произошло это в ночь с 30-го на 31 августа 1935 года. Имя и фамилия забойщика, установившего мировой рекорд по добыче угля, — Алексей Стаханов.

Прогремело имя Стаханова на всю страну.

Прославилась шахта «Центральная-Ирмино».

СТАХАНОВ И СТАХАНОВЦЫ

Алексей Стаханов родом с Орловщины, из-под города Ливны. Когда вырос, окреп — ушёл на Донбасс, поступил в шахтёры.

Глянули бывалые шахтёры на парня: в лаптях, сундук за плечами.

— Ну что же, и мы не с большого начинали.

Роста Стаханов высокого. Сила видна в плечах.

— Ну что же, парень, всем видом — тебе в шахтёры!

Разные шахтёрские специальности испробовал Стаханов, прежде чем стать забойщиком. Был тормозным — притормаживал вагонетки, гружённые углём. Был коногоном — в те годы ещё работали лошади под землёй. Трудился простым обушком — это специальная шахтёрская кирка, которой рубили уголь. Прошло несколько лет. И вот появился в руках у Стаханова отбойный молоток. Быстро освоился, быстро к нему прилачился. Месяц от месяца повышалось его мастерство. Вот уже семь тонн угля выдаёт Стаханов за смену. Вот — восемь. Вот — девять. Вот десять за смену тонн.

Хорошая норма — десять. Однако нельзя ли больше?

Стали Стаханов и другие шахтёры думать, как же им повысить добычу угля, как улучшить свою работу. Долгие годы труд на угольных шахтах строился так: один и тот же шахтёр выполнял сразу две работы. Когда добывают уголь под землёй, на том месте, где залегал уголь, образуется пустота. Чтобы свод не обвалился, надо его закрепить: поставить стойки, сделать опоры. Добывал уголь и производил крепёжные работы один и тот же человек. Приходилось ему от одной работы переходить к другой, прилаживаться, приспосабливаться, изменять ритм своего труда, тратить время на замену рабочего инструмента. Подумали шахтёры: а если работу построить

другим образом? Пусть забойщик только рубит уголь, а крепёжные работы пусть выполняют другие люди.

Попробовали. Сразу же увеличилась добыча угля. Теперь передовые забойщики стали добывать по сорок и даже по пятьдесят, по шестьдесят тонн угля за смену.

Молодое Советское государство развивалось. В эти годы бурными темпами росла наша промышленность. Стране требовалось всё больше и больше металла, нефти, угля.

И снова у шахтёров вопрос: а можно ли ещё больше повысить нормы добычи угля? Можно ли превзойти и эти рекордные нормы?

— Можно! — ответил трудовым примером Стаханов.

Установил он свой знаменитый рекорд — добыл 102 тонны угля за смену!

Первыми, кто подхватил трудовое начинание Алексея Стаханова, были его же товарищи по шахте «Центральная-Ирмино». Уже через три дня на том же участке «Никанор-Восток» забойщик Мирон Дюканов добыл за смену 115 тонн угля. Прошло ещё два дня, и забойщик комсомолец Концедалов довёл рекорд до 125 тонн угля за смену.

Не остановился на своём достижении и Алексей Стаханов. 9-го сентября 1935 года он установил свой второй рекорд, добыв 175 тонн угля за смену. Прошло немного времени — третий рекорд Стаханова, 227 тонн за смену. Ещё прошло немного времени — четвёртый рекорд Стаханова, 340 тонн за рабочий день.

Угольная шахта «Центральная-Ирмино» была не единственная, где велась борьба за рекорды. И на других шахтах и участках всё больше и больше шахтёров стало много перевыполнять свои сменные планы.

Движение передовиков росло и ширилось. Последователи Стаханова появились и в других областях промышленного производства: на железнодорожном транспорте, на заводах и фабриках, на совхозных и колхозных полях.

Ширятся, ширятся ряды передовиков. По имени Стаханова их всюду стали называть стахановцами.

ЛЕГКО НА ДУШЕ У ИЗОВОТА

— Едем учиться. Едем учиться. В Москву!

Никита Изотов гулял по курортному городу Сочи. Справа — море, слева — горы. Красота! Любовался Изотов городом, горами, морем, смотрел на таких же, как и он сам, отдыхающих.

— Учиться, учиться. Едем учиться!

Донецкий шахтёр Никита Алексеевич Изотов был зачислен слушателем Промышленной академии в Москве. И вот перед самым началом учёбы был послан на отдых к морю.

Слева — море. Справа — горы. Красота!

Отдохнул Изотов. Вернулся на несколько дней на Донбасс в родную Горловку. Сложил чемодан. Приготовился ехать в Москву. И вдруг...

Зашёл он перед самым отъездом на шахту «Кочегарку». Решил проститься с друзьями.

— Знаешь?

— Читал?! — сразу к нему друзья.

Смотрит Изотов на друзей с удивлением.

— А что такое?

— Значит, не читал. Смотри, — протянули друзья газету.

В газете сообщалось о рекорде Стаханова.

— Вот это дело! Молодец, — произнёс Изотов.

Никита Изотов был сам знаменитым на всю страну шахтёром. Слава к нему пришла ещё в 1932 году. Уже

тогда, работая простым обушком, он перевыполнял рабочие планы в четыре, в пять раз. Друзья называли Изотова «врубовой машиной», специалисты — «чудо-забойщиком». В газетах о нём писали. Даже писатель Максим Горький знал про Никиту Изотова. Даже в гости к себе пригласил. Приехал Изотов к Максиму Горькому. Долго они сидели. О разных вещах беседовали.

Заинтересовался Никита Изотов рекордом Алексея Стаханова. Стал он выяснять побольше о самом Стаханове, интересоваться, как тот работает. Узнал, что родился Стаханов недалеко от Орла.

— Недалеко от Орла?! — поразился Изотов.

А дело в том, что сам Изотов тоже из-под Орла.

— Ты смотри, наш мужик — орловской хватки, — порадовался Никита Изотов.

Узнал, что Стаханов тоже начинал свою работу на шахте простым обушком.

— Верная школа, — сказал Изотов.

Рад Изотов за Стаханова. Загорелся желанием и сам попробовать по-стахановски. Уговорил он начальство. Отложил на несколько дней свой отъезд в Москву. Спустился в шахту.

Впился отбойный молоток в угольный пласт.

Пять крепильщиков шли за Изотовым. Едва попевали они в работе.

Два электровоза вывозили добытый Изотовым уголь. Едва справлялись они с работой.

Уголь шёл и шёл. 241 тонну угля нарубил Изотов за смену.

А вскоре и новый рекорд Изотова — 640 тонн.

640 тонн! Вот это да! Вот так Изотов — «чудо-забойщик»!

Легко на душе у Изотова. Едет в Москву на учёбу Изотов.

РАВНЕНИЕ НА БУСЫГИНА

Ширятся, ширятся ряды стахановцев. Кузнец Александр Бусыгин был гордостью Горьковского автомобильного завода.

Неожиданно он стал кузнецом. Был простым крестьянским парнем. Приехал на Горьковский автомобильный завод, когда тот ещё строился. Начал работать плотником.

Вырос завод. Нужны заводу рабочие руки.

— Оставайтесь на заводе работать, — предлагают недавним строителям.

Появились плакаты: «Поступай на завод рабочим!»

Многие согласились:

— Остаюсь!

— Остаюсь!

— Остаюсь!

В числе тех строителей, которые остались на заводе, был и Александр Бусыгин. Определили его в кузнечный цех. Работал вначале смазчиком. Начал учиться. Освоил новое дело. Стал кузнецом на паровом молоте.

Пришло время. Установил Бусыгин мировые рекорды в кузнечном деле.

Началось всё необычно. Кузнечный цех отставал. Не поставлял он другим цехам вовремя нужных деталей. Особенно плохо обстояло дело со ступицами для автомобильных колёс.

Бусыгин был в это время в отпуске. Пришёл к нему мастер:

— Иди выручай, Бусыгин.

Подумал Бусыгин: просит мастер — неудобно отказывать. Не догулял он целую неделю своего отпуска, вышел на работу.

Хорошо работал Бусыгин. Сам не заметил, как отковал в первый же день 440 ступиц.

— Ого! — поразился мастер.

Это было на 125 ступиц больше, чем полагалось по норме.

Прошла неделя, поправились дела на заводе со ступицами. Зато обнаружилась нехватка других деталей — коленчатых валов.

Мастер опять к Бусыгину:

— Приходи выручай, Бусыгин.

Перешёл Бусыгин на ковку коленчатых валов. В первый же день и здесь у него успех. Вместо 675 по норме отковал 966 деталей.

— Ого! — опять поразился мастер. — Ты у нас вроде как аварийная бригада.

Смеётся Бусыгин, объясняет мастеру: мол, прочитал он в газетах про Стаханова. Решил работать по-стахановски. А работать по-стахановски — это значит работать по-новому. Предложил Бусыгин в кузнечном деле так же, как Стаханов при добыче угля, разграничить обязанности рабочих. Разный труд стали выполнять члены его бригады: один стоит у печи нагревальщиком, у второго обязанности смазчика, третий — прессовщик.

Поползли вверх рекорды горьковского кузнеца Александра Бусыгина. Никто в мире не мог так быстро выполнять свою работу на паровом молоте, как Александр Бусыгин.

Прошла его слава по Горьковскому автомобильному заводу. Прошла по другим заводам, по всей стране. Много стало у него последователей. Гордятся кузнецы прославленным мастером:

— Равнение на Бусыгина!

ПАССАЖИРСКИЙ, ТОВАРНЫЙ, СКОРЫЙ

Любили мальчишки Ефим и Юхим стоять у железнодорожного полотна. По звуку приближающегося поезда определять, какого типа состав проходит.

Стоят. Самого поезда пока не видно. Он где-то ещё за поворотом, укрыт придорожными посадками. Поезда не видно, а звук слышен.

Наловчились мальчишки различать поезда. Здорово это у них получалось.

— Товарный! — кричит Ефим.

Верно, проходит товарный поезд.

— Пассажирский! — кричит Юхим.

Верно, идёт пассажирский.

— Скорый! — выкрикнул оба.

И опять нет ошибки. Так точно — несётся скорый.

Как они определяли: то ли по стуку вагонных колёс, то ли по пытению паровоза, то ли по гулу колёс, то ли ещё по каким-то приметам — неизвестно. Однако редко неточность у них случалась. Последний месяц и вовсе нет.

Живут мальчишки на Донбассе в рабочем посёлке на перегоне между станциями Славянск и Лозовая.

Часто играли они в узнавание поездов. Вот и в тот день.

Стоят приятели у насыпи, раздаются ребячьи голоса.

— Пассажирский!

— Товарный!

— Скорый!

Всё верно. Всё в точку.

— Скорый!

— Пассажирский!

— Товарный!

И эти — в точку.

И вдруг!..

— Скорый, — сказал Ефим.

— Скорый, — сказал Юхим.

Выскочил состав из-за поворота, открылся просвет в лесопосадке, смотрят мальчишки: а это не скорый — товарный поезд.

Глянул Ефим на Юхима. Глянул Юхим на Ефима.

— Товарный, — как бы всё ещё сомневаясь, выдавил из себя Ефим.

— Товарный, — сокрушённо кивнул Юхим.

Не допустили в тот день они больше ошибки. До темноты у насыпи простояли. Раз пятнадцать искусство своё доказали.

Прошло несколько дней. Снова на любимом месте стоят мальчишки. Снова, как капли, слова срываются:

— Пассажирский!

— Товарный!

— Скорый!

Вот вновь послышался стук состава. Прислушались мальчишки.

— Скорый! — кричит Ефим.

— Скорый! — кричит Юхим.

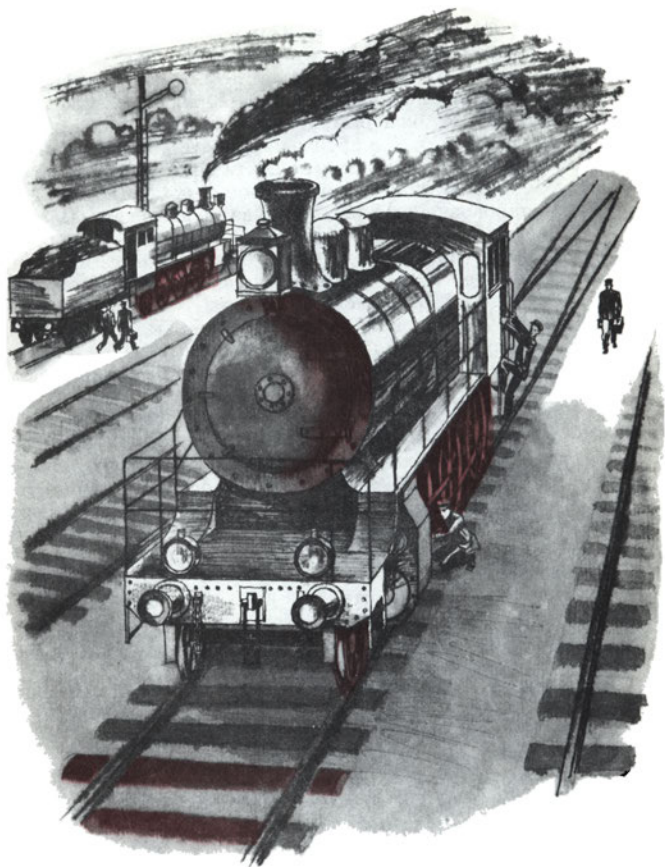
Вышли вагоны на открытое место, видят ребята: не скорый — товарный проходит поезд.

— Что такое?! — разводят друзья руками. Удивлены ребята. Огорчены ребята.

Где же ошибка?

В чём же просчёт мальчишек?

В числе машинистов на станции Славянск работал

молодой комсомолец Пётр Кривонос. Отличный он машинист. Умело водит тяжёлые товарные поезда. Мало этого Кривоносу. Стал он думать над тем, как бы добиться того, чтобы повысилась скорость товарных составов. Стал проводить разные эксперименты. От паровозов всё зависит. Значит, начнём с паровоза, решил Пётр Кривонос.

Стал он и его помощники внимательно следить и ухаживать за своим локомотивом. После каждой поездки очищали паровозные котлы, продували дымогарные трубы, во время движения выбирали наиболее выгодный режим в работе паровозной топки. Как свои пять пальцев изучил Кривонос и весь участок железнодорожного пути между станциями Славянск и Лозовая. Закроет глаза, а точно скажет, где какой спуск, где подъём, где крутой поворот. Знает он с точностью до метра, где надо притормозить, в каком месте можно развить максимальную скорость.

Не зря трудилась паровозная бригада Петра Кривоноса, не зря искали люди новых путей в работе. Скорости стали расти. Раньше ездили со скоростью двадцать четыре километра в час. Затем стали развивать тридцать, скоро — сорок, затем больше сорока. Повышаются, растут скорости. И вот уже товарный состав несётся, как скорый поезд.

Не знали Ефим и Юхим в те дни ещё про Петра Кривоноса, про то, что стал он водить товарные поезда с быстротой скорых. Не знали, что дважды во время своих игр-гаданий повстречали именно эти поезда. Не знали, поэтому так и поражались своим ошибкам.

А когда узнали, радовались вместе со всеми замечательным успехам прославленного железнодорожника. Решили, когда вырастут, обязательно машинистами станут. И непременно такими же, как Пётр Кривонос.

Имя Петра Кривоноса навечно вошло в историю стахановского движения. Он положил начало стахановским методам работы на железнодорожном транспорте.

«ФОКУСЫ» ИВАНА ГУДОВА

— Не верю. Не верю. Не может быть!

Не верил инженер Кириллов в рекорды Гудова.

Иван Гудов — металлист, фрезеровщик. Работал на Московском станкостроительном заводе имени Орджоникидзе.

Началось всё с того, что Гудов, как и многие другие, узнал о рекорде Алексея Стаханова.

Стал он и некоторые из его товарищей говорить, что, мол, и им на своём станкостроительном заводе надо поддерживать почин донецкого шахтёра, пора и им начинать работать по-стахановски.

— Ну хотя бы в полтора-два раза превысим производственные нормы, — предлагал Гудов.

Многие покачивали головой.

— В два раза! Куда хватанул!

— А Стаханов? — напомнил Гудов.

— Сравнил, — раздались голоса. — Станки делать — не уголь копать.

— Фантазия, — заявил инженер Кириллов.

Обидно стало Гудову. Решил он на деле доказать, что и металлисты могут работать по-стахановски.

Доказал. Выполнил за смену не две, а сразу четыре нормы — четыреста десять процентов плана.

Не все поверили в этот успех. Не поверил и инженер Кириллов:

— Фокусы!

Решил тогда Гудов повторить при всех своё достижение. Собрались и друзья, и те, кто сомневался в рекорде Гудова. Пришёл и инженер Кириллов.

Приступил Гудов к работе.

И что же?

Завершилась смена. Подвели итоги. Не четыре, а теперь целых четырнадцать сменных норм, тысячу четыреста процентов дневного плана, выполнил Гудов.

Дивились все на Гудова, на его станок. Гудова со всех сторон рассматривали, словно сомневались, да тот ли это Гудов. Вокруг станка и в одну и в другую сторону обходили. Что за чудо-станок? Нормальный станок, обычный.

Стали разбираться, в чём же причина такого успеха фрезеровщика Гудова. Не скрывал Гудов своих «секретов». Прежде всего намного повысил скорость оборотов станка. В работе использовал не одну, как обычно, фрезу, а две, а то и несколько. Зажимал в станке не одну деталь, а тоже сразу несколько. И ещё очень важное — экономил секунды на каждом движении. Немало набежало таких секунд.

Вскоре Гудов доказал, что и четырнадцать дневных норм — это ещё не предел в его работе. Самый выдающийся рекорд знаменитого фрезеровщика — девяносто дневных норм за смену, то есть девять тысяч процентов плана.

Все признали рекорды Гудова. И даже инженер Кириллов. И всё же говорил по привычке, но одобрительно:

— Фокусы Гудова. Фокусы!

— «Чародей» — зовут на заводе Ивана Гудова.

ТКАЧИХИ ВИНОГРАДОВЫ

Вичугские ткачихи Евдокия и Мария Виноградовы получили телеграмму из Москвы. «Приглашаем дорогих сестёр,— указывалось в телеграмме,— по прибытии в Москву посетить экономический отдел «Правды».

Приятная телеграмма. Приятное приглашение. Радостно Дусе и Марусе.

Молодые они. Стройные, красивые. Работают сменщицами на одних и тех же станках. А станков не один, не два, не пять, даже не десять. Сразу на семидесяти станках работают девушки. Правда, началось всё с немногого.

Вначале Дуся Виноградова работала на двух станках. Затем на четырёх. Хорошо работала.

— Что для тебя четыре станка — ерунда,— говорят Дусе.

Перевели её работать сразу на шестнадцать станках.

Боялась Дуся:

— Ой, не справлюсь.

Однако справилась.

Опять говорят Дусе:

— Что для тебя шестнадцать станков — ерунда. Переходи на двадцать шесть.

— Ой, не справлюсь.

Однако справилась. Работа и здесь заладилась.

Вскоре Дуся Виноградова освоила работу на тридцати пяти станках, затем на пятидесяти двух, и вот наконец на семидесяти.

И у Маруси Виноградовой приблизительно так же сложилась трудовая жизнь. Вначале работала на одном станке, затем на двух, потом на двенадцати, на шестнадцати, на двадцати шести, на сорока. И вот так же, как и Дуся, — сразу на семидесяти.

Семьдесят станков — это целый огромный зал. Ходят текстильщицы от станка к станку, проверяют, чтобы нитка нигде не оборвалась, чтобы станки были налажены и чётко работали, чтобы сырьё поступало в машины

доброкачественное. Подсчитали девушки: работая на семидесяти станках, по десять километров проходят они за смену. Смеются Дуся с Марусей, называют себя — стайеры. Стайеры — это бегуны на дальние дистанции.

Множатся, множатся ряды стахановцев. Вот и к ткачихам из города Вичуги пришла весть об Алексее Стаханове. Отлично работали Дуся и Маруся. Однако теперь захотелось им работать ещё лучше. Посоветовались. Убедились, если всё лучше рассчитать, если удобнее всё на рабочих местах расставить, можно и на большем количестве станков работать. Пришли к заведующему фабрикой, говорят:

— Берём сто станков. Будем работать на ста станках.

— На ста?! — вырвалось у заведующего.

— На ста, — отвечают Дуся и Маруся. — Хотим быть стахановцами.

— Да вы уже и так стахановцы, — ответил заведующий.

Разрешил он девушкам приступить к работе на ста

станках. Начали они работу. Справились с работой. Бежит, бежит в машинах готовая ткань. Метр за метром, метр за метром, десятки, сотни, тысячи метров.

Освоили молодые ткачихи работу на ста станках, перешли на сто сорок четыре, затем на двести восемь, затем на двести шестнадцать. По двадцать пять километров приходилось теперь проходить им за смену, обходя все станки.

За свой стахановский труд Дуся и Маруся Виноградовы были приглашены в Москву. Тогда-то перед выездом к ним и пришла телеграмма из газеты «Правда».

Приятная телеграмма. Однако одно их смущало. Назвали Виноградовых в телеграмме сёстрами. А дело в том, что они вовсе не сёстры. Хотя и у Дуси Виноградовой маму зовут Прасковьей Ивановной. И у Маруси — Прасковьей Ивановной. Но это разные мамы. И папы разные. Не сёстры они, а просто однофамильцы.

Впрочем, многие тогда считали их сёстрами.

Стали Дуся и Маруся думать, как же им ответить в «Правду». Ответили так:

«Мы однофамильцы Приглашение принято Сёстры по труду Дуся Маруся».

Трудовой почин Дуси и Маруси Виноградовых имел очень большое значение для развития нашей текстильной промышленности. Вслед за ними и другие ткачихи начали работать сразу на многих станках, то есть стали много-станочницами.

МАЛЬЧИК СО «СКОРОХОДА»

Николай Сметанин поступил на ленинградскую фабрику «Скороход» двенадцатилетним мальчиком.

«Скороход» — фабрика обувная. Выполнял Сметанин вначале всякие мелкие поручения: заготовки подносил рабочим, инструменты, бегал для взрослых за папиросами. Носится Коля из цеха в цех. Мелькает мальчишечья чёлка.

— Наш Коля-Николаша, — называют рабочие нежно Сметанина.

Только недолго он пробыл мальчиком на побегушках. Старался сам стать быстрее рабочим. Стал учиться ремеслу. Освоил сапожное дело. Пришло время, стал Коля Сметанин за рабочий станок. Профессия у него — перетяжчик. Работа ответственная. Именно от перетяжчика зависит, красивой ли и прочной получится обувь. Самое сложное в обувном деле — точно по модели сделать носок ботинка. Этим и занимается перетяжчик.

Быстро побежало время. Настал срок военной службы. Два года пробыл Сметанин в армии. Затем снова вернулся на «Скороход». Нравилось ему сапожное ремесло. Ходил на работу, как на праздник. Идёт налево, направо поглядывает на прохожих, смотрит, кто во что обут. Увидит ботинки родной фабрики — душа радуется:

— Наши — «скороходовские».

Наступил 1935 год. Всю страну облетела весть о знаменитом рекорде Алексея Стаханова.

Взволновала эта весть всех на «Скороходе». Взволновала и Николая Сметанина.

Стал Сметанин думать о том, как бы ему повысить производительность труда на своём станке.

У перетяжчика руки всё время в движении. Пустить в ход станок, взять ботинок, поднести его к станку, после завершения рабочей операции на машине передать ботинок следующему мастеру — всё это делается движением рук, на всё это надо время.

Обратил внимание Сметанин на то, что часто во время работы движения рук мастера бывают лишними, движения эти происходят без всякой необходимости, без пользы для дела. Руки совершают как бы «холостой» ход.

Стал Николай Сметанин улучшать, совершенствовать условия своего труда. Всё необходимое для работы придвинул как можно ближе к самому станку. Научился одним движением руки и пускать в движение станок, и брать заготовку очередного ботинка. Сократил расстояние, которое должна проходить рука, передавая дальше уже обработанный им ботинок. Продумал и многое другое.

И вот наступил день, когда Николай Сметанин сказал, что он за смену в два раза превысит рабочую норму.

Приступил Сметанин к работе. Бегут, бегут минуты. Прошло полчаса. Прошёл час. Подсчитали. Двести пар обуви перетянул Сметанин. (А надо было всего сто.)

Бегут, бегут минуты. Прошёл ещё час. Подсчитали. Двести двадцать пар обуви перетянул Сметанин. Вырастает рядом со станком Сметанина целая гора ботинок.

Кто-то сказал:

— Казбек!

Кто-то сказал:

— Монблан!

Быстро, красиво работает Сметанин. Раздаются восторженные возгласы:

— Художник!

— Артист!

Вот уже 600 пар готово. Вот — 800. Вот тысяча. 1100. 1200. 1300. Подходит к исходу рабочее время.

— Кончай! Завершилась смена.

Подсчитали. 1400 пар обуви сошло со станка Сметанина.

Сдержал Сметанин данное слово. Больше чем в два раза он выполнил свою дневную рабочую норму.

Поздравляли в тот день Сметанина.

— Ай да Коля! Ай да Николаша!

И тут же уважительно:

— Николай Сергеевич!

Вслед за Сметаниным много и других стахановцев появилось на «Скороходе». Появились они и на других обувных фабриках.

Судьба самого Николая Сметанина была примечательной. Прошло всего несколько лет, и он, бывший мальчик со «Скорохода», стал заместителем народного комиссара лёгкой промышленности СССР.

ТРИ ПОДВИГА МАКАРА МАЗАЯ

Сталевар. Огневая профессия. Сталевар — это тот, кто варит в мартенах сталь. Мартены — большие специальные печи. Тяжёлая профессия у сталеваров. Тяжёлая и ответственная.

В городе Мариуполе возвышается огромный металлургический завод имени Ильича.

В Мариуполе на заводе сталеваром работал Макар Мазай. Прожил Макар Мазай всего тридцать лет. Три подвига совершил он в жизни.

Родился Макар Мазай на Кубани. Рано остался сиротой. Стал пастушонком. Батрачил у богатеев. Затем полтора года был беспризорником.

Задумался однажды Макар Мазай. Кругом утвердилось Советская власть, а он — в беспризорниках.

Решил поступить на работу. Нашлись добрые люди, приняли Макара Мазая на завод. Начал Макар Мазай осваивать нелёгкий труд металлургов-сталелитейщиков, стал учиться, много читал, ходил на всякие лекции и занятия. Потом Макара Мазая послали учиться в Москву. Пришёл он на завод — едва умел писать, едва умел читать. А теперь стал слушателем Промышленной академии. Это была первая победа, первый подвиг Макара Мазая.

На заводе Макар Мазай вначале работал подручным, помощником сталевара. Пытливый он был, наблюдательным. Прошло совсем немного времени. И вот Макар Мазай и сам в сталеварах. Талантливым он оказался человеком. Прекрасным мастером. Поставил Макар Мазай перед собой задачу — доказать, что в мартеновских печах можно сварить стали намного больше, чем варили её до этого.

Как везде, так и здесь, в сталелитейном деле, есть свои нормы. Стал Макар Мазай выдающимся сталеваром. Побил он все мировые рекорды. Стал лучшим сталеваром Советского Союза. Был признан лучшим сталеваром мира.

Это был второй подвиг Макара Мазая.

Пришёл час — совершил и третий.

В 1941 году фашисты напали на Советский Союз. В начале войны они были сильнее и их армии продвигались вперёд. Ворвались фашисты и в город Мариуполь. Макар Мазай ушёл в подпольщики, начал вместе с другими борьбу с фашистами. Враги выследили знатного сталевара. Они схватили Макара Мазая.

Знают фашисты, чем прославлен Макар Мазай. Предлагают ему жизнь, деньги, почёт и даже поездку в Германию. Условие одно — пусть Макар Мазай изменит своей Родине, пусть вернётся к своему труду сталевара, пусть начнёт работать на фашистскую Германию.

Плюнул Макар Мазай фашистам с лицо.

Бросили фашисты Макара Мазая в тюрьму. Долго пытали:

— Согласен?

— Нет!

— Согласен?

— Нет.

Погиб Мазай. Не изменил он своему народу, своей стране. Совершил свой последний подвиг.

Вечная память и честь герою!

СЛОВО И ДЕЛО МАРИИ ДЕМЧЕНКО

Небольшого роста. Светленькая. В веснушках. Глаза бойкие. Стрижка под мальчика. Это Мария Демченко.

Совсем юной вступила она в комсомол. Совсем юной работала бетонщицей на строительстве Магнитогорска. Затем вернулась к себе на Киевщину в родное село Староселье.

Прославила девушка Староселье.

Создала Мария Демченко в родном колхозе комсомольское звено по выращиванию и уборке сахарной свёклы. С жаром, с энтузиазмом работали комсомольцы на своей сахарной плантации. В 1934 году Мария Демченко со своим звеном собрала по 469 центнеров свёклы с гектара. Это был выдающийся успех. Обычно в те годы сахарной свёклы с гектара собирали всего около ста центнеров.

В том же 1934 году в Москве в Кремле происходил съезд колхозников-ударников. На съезд приехала и Мария Демченко. Её избрали в президиум.

Знают уже многие про Марию Демченко. Перешёптываются в зале:

- Где она? Где она?
- Да вот же — маленькая, светленькая.
- Вот та?
- Ну да!
- Та, что под мальчика стрижена?
- Под мальчика. Лицо с веснушками.

В Москве на съезде пообещала Мария Демченко в будущем, 1935 году собрать по пятьсот центнеров сахарной свёклы с гектара.

Обещать легко. Выполнять труднее. Начались нелёгкие дни у старосельских девушек. Собрала Мария Демченко членов своего звена. Обсудили они, как им лучше трудиться, в какие сроки лучше производить те или иные рабо-

ты, как лучше ухаживать за почвой и растениями.

Не получилась в тот год погода. Немало хлопот доставила она свекловодам.

В апреле вдруг накатились заморозки. Как же спасти посевы? Не заставишь же солнце спуститься с неба. Не притащишь же печи из хат крестьянских. И всё же есть способ не дать погибнуть будущим побегам. Для этого надо окуривать свекловичную плантацию дымом.

Вышли Мария Демченко и её подруги в поле. Стали на поле носить солому. Раскладывают её, поджигают. Горит солома, несёт тепло. Таскают комсомольцы солому. Горы нужны соломы. Не хватило соломы. Стали тогда девушки рвать сорняки. Таскают, таскают, таскают. Обчистили всё до былинки. Не сыщешь нигде хворостинки. Жгли навоз, камыш, залежалое сено. Спасли от беды посевы.

Наступило лето. Тепло. Благодать. Только в рост побежала свёкла. И тут... Нет дождей. Не хватает растениям влаги. Смотрят люди на небо. Облачка нет на небе. Сто

шесть дней знойное солнце палило, терзало землю.

— Воды! Воды! — молила, кричала земля.

Дали воду земле комсомольцы. Вёдра в руки. Бегом к колодцам. Таскали, таскали, таскали воду. Мозоли на руках набили. Поили, поили землю. Ожила свёкла:

— Спасибо!

Набирают клубни вес. Будет отчизне сахар.

Однако не все отошли невзгоды. Луговой мотылёк — грозный вредитель — налетел на поля свекловодов.

И снова дни и часы труда. И снова за урожай борьба.

Выполнила Мария Демченко данное обещание. Почти по 524 центнера свёклы собрала она и её подруги с каждого гектара земли.

Об этом успехе газета «Правда» тогда писала. Статья называлась «Слово и дело Марии Демченко».

БРИГАДА ПАШИ АНГЕЛИНОЙ

Паша Ангелина — бригадир тракторной бригады. Женской. Комсомольской. Мало кто из женщин в те годы умел управлять трактором. А тут сразу целая бригада. Женская. Первая.

Создана она была в Старобешевской МТС Донецкой области. МТС — это машинно-тракторная станция. Существовали в то время такие станции. Были образованы они в помощь колхозам.

Скажем, наступит пора пахоты, обращаются колхозы в МТС, просят прислать тракторы. Приезжают тракторы, вспахивают колхозную землю.

Наступила пора уборки урожая. Просят колхозники прислать им комбайны.

Приходят комбайны, помогают колхозникам убирать урожай с полей.

Когда Паша Ангелина создавала свою женскую тракторную бригаду, многие посмеивались.

— Это вам не борщи варить.

— Не корм для свиней рубить.

Водить трактор не женским считалось делом.

— Посмотрим, посмотрим, — отвечала серьезно Паша.

Прошло немного времени. И тут... Вот когда все ахнули. Особенно мужчины. Стали в Донецкой области подводиться итоги работы тракторных бригад. Оказалось, что на первое место из всех бригад вышла женская бригада Паши Ангелиной.

Прошло ещё немного времени. И снова ахи, и снова ахи. И снова общее удивление.

Бригада Паши Ангелиной была признана лучшей и по всей Украине. Своим личным трудом Паша всем показывала пример. По норме тракторист должен был за смену вспахать три с половиной гектара земли.

Паша Ангелина за смену вспахивала почти по девять гектаров.

Паша была требовательным бригадиром.

Понамучились поначалу Наташа и Мария Радченко, став членами бригады Паши Ангелиной. Бегут они как-то к трактору.

— Подождите,— вдруг окликает их Паша Ангелина. Остановились девушки.

— Почему в грязной одежде? — спрашивает бригадир.

— Так ведь трактор,— отвечают Наташа и Маша.

— Машина наравне с нами любит чистоту,— сказала Ангелина.

Вот её девиз: если трактористка грязная, не смей подходить к трактору.

Работали как-то Наташа и Мария в ночную смену. Выполнили свою норму. Соскочили с трактора. Бегут завтракать.

— Подождите,— опять окликает Паша.

Остановились Наташа и Маша.

— Почему не умылись и не переоделись? — спрашивает бригадир.

Покраснели Наташа и Маша. Понимают: права Ангелина.

Идеальный порядок навела Паша Ангелина у себя в бригаде.

Пример Паши Ангелиной увлёк многих. Всё больше и больше девушек и женщин стали осваивать сложную сельскохозяйственную технику. Прошло всего лишь три года, и только в одном Донбассе было уже сто женских тракторных бригад.

Встретил как-то Алексей Стаханов Ангелину:

— Ну как, землячка?

Улыбнулась Паша Ангелина:

— Всё отлично, всё по-донбасски, всё по-стахановски.

РЕПЕТИЦИЯ ТАИСИИ ПРОКОПЬЕВОЙ

Репетиция — так звали корову. Ухаживала за ней доярка Таисия Прокопьева.

Жила Тася Прокопьева на Севере, в Холмогорском районе. Недалеко от Белого моря. Рядом река Северная Двина. Луга здесь бескрайние. Травы высокие. Места отличные для коров.

Работала Тася в холмогорском племенном совхозе. Она комсомолка. Ей девятнадцать лет.

Нелёгкий труд — ухаживать за коровами. За каждой из них присмотри: вовремя подои, вовремя накорми, вовремя напои. Но не только этим занимались девушки-дойярки. Воду возили для коров. Пилили и кололи дрова, сами отапливали скотные дворы. Дробили жмых, чистили коровники, вывозили навоз. Много разных дел на скотоводческих фермах.

У Таисии Прокопьевой, кроме Репетиции, были Золушка, Пегая, Радость и ещё три другие коровы. Всего семь. Не жалела Тася ни труда, ни времени. С утра до вечера ухаживала за своими коровами. Каждый день каждую из них мыла, чистила щёткой, протирала тряпкой. Знала вкусы и привычки любой из своих воспитанниц.

Знает Тася, что Репетиция любит пить воду чуть подогретой. Специально подогревает для неё воду.

Знает, что Золушка даже зимой любит выходить из коровника на прогулку. Специально её выпускает.

Знает, что Пегая любит есть жмых, чуть посыпанный сверху солью. Специально его присыпает.

Знает, что для Радости — радость, если за ухом её погладить. Гладит её за ухом.

Так и с другими коровами.

— Молодец. Индивидуальный подход, — говорил совхозный зоотехник.

Всех своих коров любила Таисия. Однако всё же самой любимой была Репетиция.

Входит Тася в коровник:

— Здравствуй, Репетиция!

«Му-у», — отвечает на приветствие Репетиция.

Если Тася придумывала что-нибудь новое в уходе за коровами, начинала пробовать обязательно с Репетиции.

Смеялись другие:

— Репетиция на Репетиции.

Докатилась весть о стахановском движении и сюда, в Холмогорский район. Стали холмогорские доярки соревноваться в том, чтобы надоить от каждой коровы как можно больше молока. Первое место в этом соревновании заняла Тася Прокопьева.

Порадовали её и Золушка, и Пегая, и Радость, и другие коровы. Особенно Репетиция.

В 1935 году Репетиция дала 7791 литр молока. Это был рекорд.

Улыбается Тася Прокопьева:

— Это только начало. Это только репетиция.

Так и получилось. Удалась репетиция. Следующий, 1936 год принёс новые успехи Тасе. Теперь уже все её коровы стали рекордистками. А сама Таисия Прокопьева была признана лучшей дояркой Советского Союза.

Её наградили орденом Ленина.

ДНИ И НОЧИ КОНСТАНТИНА БОРИНА

Кубань. Без края поля, без меры. Литой колос, как путник под ношей, гнётся.

Поражались люди, глядя на Борина: 950 человек заменяет, 150 лошадей, 37 веялок.

Константин Борин — комбайнер. Это, конечно, не он, не Константин Борин, а комбайн заменяет своей работой 950 человек, 150 лошадей, 37 веялок. Но управляет им, трудится на комбайне Борин. Константин Борин стал одним из первых стахановцев на Кубани.

Комбайн — удивительная машина. Сразу несколько работ производит он в поле: косит, молотит, веет. Бежит золотым ручьём из комбайна зерно. Подъезжай, загрузай, увози урожай, машины.

Комбайн, на котором работал Константин Борин, назывался «Коммунар». Норма уборки зерна «Коммунаром» 160 гектаров за сезон. В 1935 году Борин собрал урожай с 780 гектаров.

Как же добился Борин таких успехов?

— С комбайном надо обращаться на «Вы», — говорил Борин. — На «Вы» — это значит быть вежливым и внимательным. Следить постоянно за комбайном, проверять исправность и надёжность каждого из его агрегатов.

— Есть какие-нибудь жалобы, Коммунар Иванович? — спросит Борин у комбайна.

Проверит, хорошо ли смазаны подшипники, правильно ли натянуты цепи и приводные ремни, надёжно ли затянуты всюду гайки. Проверит, улыбнётся.

— Здоров, здоров, Коммунар Иванович.

Ещё задолго до начала уборки выйдет Борин в поле. Взглянет на ширь, на даль.

— Поторапливайтесь, ждём вас, — скажет созревающему зерну, колосьям.

Осмотрит он поле, представит, как лучше косить, с какой стороны комбайну заходить удобнее, в каком месте выбрать какую скорость.

Подходит пора уборки. Всё готово у Борина. Всё проверено и перепроверено. Стоит комбайн. Ждёт, как смен, команды.

Звучит наконец команда. Наступает долгожданный день. Первый день уборки нового урожая.

Привыкли все к ударной работе Борина. А тут и ещё одно.

Всем хорош комбайн. Только вот беда. Работали в те годы комбайны только днём. Но не всегда погода стоит хорошая. То светит солнце, то вдруг — дожди. Ясно: чем скорее соберёшь урожай, тем и потери меньше. Вот бы ночью заставить комбайн работать. Об этом и думал Борин: «Ночью работать. Ночью!»

Соорудил Борин специальные огни для комбайна. Вышел с огнями в поле.

Сбежались люди:

— Гляньте, комбайн с глазами.

Константин Борин был первым в стране, кто предложил производить уборку зерна комбайном не только днём, но и ночью. Предложил и первым же начал.

Кубань. Без края поля, без меры. Литой колос, как путник под ношей, гнётся.

Страда на Кубани. Пора урожая. Как капитаны у штурвалов, стоят комбайнеры. Идут один за одним комбайны. Плывут по океану полю.

ШКОЛА КУВШИННИКОВА

Заметили другие рабочие — непонятное что-то происходит с рамщиком Мусинским. Что-то он недоговаривает. Что-то от всех скрывает.

Понимают: какая-то тайна.

Город Архангельск. Лесопильный завод. Потребность в те годы в досках, в брёвнах, в других строительных материалах, приготавливаемых из древесины, была огромной. Страна строилась.

Работал на Архангельском лесопильном заводе рамщик Василий Мусинский. Рамщик — это профессия. Брёвна распиливаются на специальных установках, которые называются лесопильные рамы. Рамщик и есть тот человек, который работает на лесопильной раме. От рамщиков прежде всего и зависит успех общего дела. Они — главная сила на лесозаводе.

В те годы сменная выработка на одну раму была утверждена в девяносто пять кубических метров древесины. Стал Мусинский думать, а нельзя ли повысить эту норму. Начал делать всякие расчёты. Получалось, что можно. Вот лишь один пример.

На лесопильной раме не пила «набегает» на бревно, а, наоборот, само бревно идёт навстречу пиле. «А что, если повысить скорость продвижения распиливаемого бревна?» — подумал Мусинский.

С этого момента и появилась у Мусинского тайна. Стал он увеличивать скорость. Выработка сразу намного повысилась.

Занимался своими опытами Мусинский тайком, потому что кое-кто из местного начальства запрещал повышать скорость работы лесопильных рам. «А вдруг произойдёт поломка?!» — боялись такие начальники.

Однако Мусинский был уверен, что рамы вполне при-

годны для более быстрой работы. У Мусинского сменщиком был совсем молодой рабочий комсомолец Федя Кувшинников. Поделится Мусинский с Кувшинниковым своим секретом. Теперь уже и у Кувшинникова появилась тайна. Научился он, как по-новому обращаться с рамой. Верно: намного быстрее идёт работа.

Посоветовались Мусинский и Кувшинников, решили обо всём рассказать руководителям завода. Разобрались те, что к чему.

Семь раз проверили и перепроверили. Сказали рабочим-новаторам:

— Молодцы!

Не надо теперь уже Мусинскому и Кувшинникову экспериментировать тайно. Поддержано их начинание. Особенно больших успехов в труде добился Фёдор Кувшинников. Прошло немного времени, и Фёдор Кувшинников установил мировой рекорд работы на пилораме. Стали многие у него учиться. Образовались даже целые группы. Занятия проходили и в специальном классе, и у самой пилорамы.

Вскоре появилось выражение «школа Кувшинникова». Многие знатные рамщики-стахановцы вышли из этой школы.

Фёдор Кувшинников был не только прекрасным мастером, но и очень чутким, отзывчивым и внимательным человеком.

Случится у кого-нибудь беда. К кому обратиться?

— Иди к Кувшинникову.

Нужна кому-нибудь срочная помощь. К кому обратиться?

— Иди к Кувшинникову.

Всегда — днём и ночью, зимой и летом — поможет Кувшинников делом, поможет словом. Не даст обидеть, заступится за тебя. И этим качествам другие тоже стали у него учиться. И это была тоже школа Кувшинникова.

Важная школа. Отличная школа.

ТОЧНОЕ ПРИЗЕМЛЕНИЕ

Таня Славникова работала сверловщицей на металлическом заводе в Харькове.

Было у Славниковой одно увлечение. Занималась она парашютным спортом. Любила шум авиационных моторов. Любила простор лётного поля. Обожала раннее утро — пору, когда начиналась аэродромная жизнь.

Когда поднималась девушка в воздух, захватывало дух у Тани. Внизу — всё как на ладонке. Только всё маленькое, как игрушечное. И дома, и машины, и люди. Если подняться высоко, людей и вовсе не видно. Летит словно на сказочном ковре-самолёте Таня.

Но вот наступает самый волнующий момент для парашютиста. Выходит Таня на крыло самолёта. Сейчас лётчик подаст команду: «Пошёл!»

Надо будет сделать шаг вперёд. Ступить в воздушную пропасть.

— Пошёл! — кричит лётчик.

Делает Таня шаг. Замирает сердце. Тревожная мысль: надо дёрнуть кольцо. «Дёрнуть кольцо» — это значит раскрыть парашют.

Дёргает Таня кольцо. Секунда, вторая... Вдруг резкий рывок, удар. Это парашют раскрылся, началось торможение. Не падает теперь Таня, а парит в воздухе, плавно спускается на землю. Вот всё яснее видны фигуры людей. Крупнее машины. Дома крупнее.

Теперь главная задача: надо постараться приземлиться точно в указанном месте. Есть способ, при помощи которого можно управлять парашютом. Использует девушка этот способ, подтягивает то одни, то другие парашютные стропы, старается опуститься именно там, где надо.

Вот она, рядом, земля. Вспоминает Таня наставления:

нужно при приземлении, чтобы смягчить удар, пригнуть колени, а затем быстро упасть на какой-нибудь бок. Всё по правилам делает Таня. Отличное приземление.

Таня Славникова не только обожала парашютный спорт, но и любила свою работу. Трудилась у них на заводе так же, как и Таня, сверловщицей Катя Макарова. Была стахановкой. Лучше других работала.

И вот решила Таня вызвать Катю на соревнование.

Не верили многие:

— Да где уж тебе до Макаровой. Да разве можно тягаться, разве можно побить рекорд Макаровой!

Зато другие:

— Побьёт, побьёт. Она же — парашютистка.

Начали девушки соревноваться. Старается Таня. Проявляет характер. Вышла Таня Славникова победительницей в соревновании. За свои успехи в работе была послана Таня Славникова в Москву на первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев промышленности и транспорта. Даже выступала на этом совещании.

Радуются за неё друзья:

— Точное приземление!

ТОКАРЬ С КАРБЮРАТОРНОГО ЗАВОДА

Торжественно проходило первое совещание рабочих и работниц — стахановцев промышленности и транспорта. Делегаты собрались в Москве, в Кремле, в Большом Кремлёвском дворце. На трибуне руководители Коммунистической партии и Советского государства.

В числе приехавших на совещание был и токарь карбюраторного завода из города Куйбышева Афанасий Кирьянов.

Отлично трудился Кирьянов у себя на заводе. Не было на всём карбюраторном такого человека, который бы не знал о Кирьянове.

- Руки умелые.
- Деловая хватка.
- Рабочая статья.

Был Кирьянов лучшим среди стахановцев. Вот и выпала честь ехать в Москву на совещание.

Москва! Впервые в Москве Кирьянов.

Улицы слева, улицы справа. Громады домов, как утёсы, высятся.

Кремль! Любовался, поражался Кремлём Кирьянов. На стены Кремля дивился. Дивился на красоту соборов. У царь-колокола стоял как приворожённый. У царь-пушки и вовсе замер.

Красная площадь! Ленинский Мавзолей. Сказка — храм Василия Блаженного. Исторический музей. Часы на Спасской башне...

Э-эх, сколько веков за кормой истории!

Идёт совещание. Сидит Кирьянов, слушает других. Выступает Стаханов. Выступают Изотов, Евдокия Виноградова, Иван Гудов, Пётр Кривонос, другие стахановцы.

Шло вечернее заседание. Председательствовал народ-

ный комиссар тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе.

Поднялся Орджоникидзе:

— Дорогие товарищи, сейчас выступит токарь Куйбышевского карбюраторного завода товарищ Кирьянов. Старейший токарь,— добавил Орджоникидзе и загадочно улыбнулся.

Поднялся Афанасий Кирьянов, идёт к трибуне. Волнуется. Сердце стучит. В глазах темно. Лучше пять смен отстоять у станка, чем сделать эти шаги по залу.

Смотрят делегаты, кто там идёт. Что-то не видно. Стали привставать делегаты.

— Кто там идёт?!

Подошёл к трибуне Кирьянов. Всем виден теперь Кирьянов. «Дитё»,— кто-то шепнул невольно. Смотрят: подросток стоит на трибуне. Мальчишке семнадцать лет.

— Выступает лучший токарь Куйбышевского карбюраторного завода,— произнёс Серго Орджоникидзе.

И тут... Даже вздрогнул в эту минуту Афоня Кирьянов. Как гром, как град грянули аплодисменты.

Видел подросток: Орджоникидзе хлопал. Другие хлопали.

— Ну, Афанасий, выпала честь, выпала честь,— говорили потом Кирьянову.

Конечно, честь. Заработал её трудом. Парню семнадцать лет, а аплодируют члены правительства.

МАМЛЯКАТ

По сравнению с Мамлякат Афанасий Кирьянов старей-старый. Мамлякат Наханговой — и вовсе одиннадцать лет.

— И тоже стахановка?!

— Стахановка. Орденом Ленина награждена.

Мамлякат тоже была в Москве. Также была в Кремле. Только на другом совещании. Руководители партии и правительства встречались с передовыми колхозниками и колхозницами Таджикистана и Туркменистана.

Из Таджикистана как раз Мамлякат, из колхоза имени Лахути.

Здесь на колхозных полях и прославилась пионерка Мамлякат Нахангова.

Много разных богатств в Таджикистане. Однако главное богатство — хлопок. Очень нужен стране хлопок.

Не зря его называют «белым золотом».

Хлопок — растение прихотливое. Нелегко за ним ухаживать. Особенно собирать. Сейчас существуют специальные хлопкоуборочные комбайны. В те годы урожай хлопка собирали руками. Хлопок растёт на кустах, созревает в больших почках, в коробочках. Созреет хлопок — коробочки лопаются. Ходят люди по полям, собирают «белое золото».

Среди сборщиков хлопка и была юная Мамлякат. Вызвалась она помочь старшим.

— Ну что же, пусть привыкает к труду и полезному делу, — решили взрослые.

Вышла пионерка со всеми в поле. Сразу же с первого дня все обратили внимание на проворство, с которым работает юная школьница. Идут вдоль кустов сборщики. Видно, как Мамлякат отрывается от других, как быстро уходит вперёд.

— Мамлякат! Мамлякат!
Далеко впереди Мамля-
кат.

Обычно хлопок собирали одной рукой. Обеими руками работает девочка. Быстры её движения.

— Мамлякат! Мамлякат!
Далеко впереди Мамля-
кат.

Мелькают, мелькают, как крылья, руки. Косички по ветру плещут.

— Мамлякат! Мамлякат!
Далеко впереди Мамля-
кат.

Когда подводили итоги, выяснилось, что Мамлякат больше других собрала хлопка. Ей и выпала честь ехать в Москву на совещание.

Мамлякат Нахангова тоже выступала с трибуны Большого Кремлёвского дворца. Рассказывала о том, как собирала хлопок, как научила других собирать хлопок двумя руками. Долго участники совещания хлопали Мамлякат. Золотые часы подарили на память.

С этими часами потом была целая история. Нигде не хотела Мамлякат расставаться с дорогим подарком. Даже вернувшись с совещания в гостиницу, важно с часами усе-
лась в ванну.

Вернулась из Москвы домой Мамлякат. Орден висит у неё на груди. Часы тикают на руке. Идёт она юная и счастливая.

БАРАСБИ

— Асса! Асса!

Идёт по кругу весёлая кабардинка.

— Асса! Асса!

Кто там на сцене так ловко пляшет?

Это Барасби Хамгоков.

Мчатся, как ветер, кони. В самом разгаре скачка.

— Давай! Давай!

Кто там так лихо несётся первым?

Это Барасби Хамгоков.

В школе идут экзамены.

Первый экзамен — пятёрка.

Второй — пятёрка.

Экзамен третий — опять пятёрка.

Кто так успешно сдаёт экзамены?

Это Барасби Хамгоков.

Барасби Хамгокову тринадцать лет. Он пионер, школьник. Живёт Барасби на Северном Кавказе в Кабардино-Балкарии. Здесь горы, как свеча, поднялись к небу. Здесь центр Кавказа. Здесь высь Эльбруса.

Барасби не просто умелый танцор — он лучший пионерский танцор Кабардино-Балкарии. Барасби не только прекрасный наездник. Он чемпион, победитель. Дважды брал первые призы на конных соревнованиях. Ну а то, что Барасби отличник учёбы, это любому и так известно.

И всё же Барасби прославлен не школьными пятёрками, не танцами, не победами на скачках. Хотя, конечно, и это почётно, и это важно. Барасби любит труд. И это главное. Для родного колхоза он вырастил пять телят и одного жеребёнка.

Телята у него один к одному. Все рыженькие, с белыми прямоугольниками на головах. Жеребёнок, наоборот, сам светлый, тёмное пятно, как шапочка, между ушами.

Назвал его Барасби — Костик. Когда Костик подрос, именно на нём взял Барасби на конных соревнованиях свои важные призы. Немало пришлось потрудиться Барасби, пока росли телята, пока стал крепко на ноги Костик. Мыл их, кормил, поил, гулять выводил. Даже рассказывал на ночь сказки:

Смеялись другие:

— Телятам — сказки!

Не обижался Барасби. Он-то знает, что любят телята и Костик сказки. Притихнут, смотрят на рассказчика.

Пионер Барасби так же, как Мамлякат, был приглашён в Москву. Он тоже выступал с трибуны Большого Кремлёвского дворца.

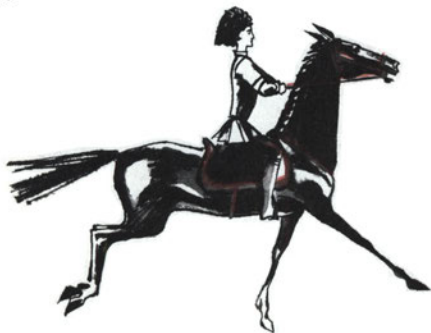
Барасби Хамгоков рассказал о родном колхозе, о колхозном клубе, о своей работе: о телятах, о Костике, о школе, и даже о танцах, и даже о скачках, и даже о сказках.

Все внимательно слушали юного пионера, молодого стахановца. Долго хлопали Барасби...

* * *

Стахановец — значит первый, лучший в труде. В годы первых пятилеток очень почётным считалось это слово.

Слава великому прошлому! Слава Стаханову и стахановцам!

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАГАДОЧНЫЙ СВЕРТОК

Магнитная	8
Срочное предписание	11
Привет от Потапова	14
Правый берег, левый берег	18
Кто там на нарах?	21
История с ломом	24
«Слезайте!»	26
Распоряжение свыше	29
Про первую домну и первый дом	31
Случай с обновами	34
«Бон жорно!»	37
Магнитогорский батальон	40
Поползень	43
«Вот какие пироги»	46
«Бетонная спартакиада»	48
Враг	51
Коварные трубы	53
Сто советов	56
Грабарка, Катерина и Магнит	59

Шляпа мистера Робинса	62
Первая плавка	65
Загадочный свёрток	68

ВСТРЕЧНЫЙ-БЕЗУПРЕЧНЫЙ

К южному, к тёплому, к Чёрному морю	72
В кабинете у Ленина	74
Красота	77
Музыкальный слух	79
«Коза»	81
Канцелярист	83
Встречный-безупречный	85
Форсировать!	88
«Лебединое озеро»	90
Экскурсанты	92
Кот Василий	94
«Прощай, королева!»	97
Волшебная сила	99
Ладушкин и Бабушкин	101
Страус	104
Всё на своих местах	106
Ястребки-соколики	109
Водяной	111
Женя Романько	114
Неустойка	116
Неродигречка	119
Последний бетон	122
Курьерский поезд	125
Антип и Агриппина	128

КРЫЛАТАЯ ПАЛАТКА

Первый шаг	134
Чокпарский перевал	137
Два и пять	139
Курдай	142
Мираж	145
Злое место	149
Неделя	151
Бойко идёт работа	153
Антиромантик Иван Коржов!	155

Токен и Бекен	158
Оппоненты	160
Подручный	163
Первый суп	166
Шаровая молния	169
На плоту	172
Мужское дело	175
И на ровном месте беда встре- чает	178
Прыжки в длину	181
Крылатая палатка	183
Генеральная репетиция	185
Чудо-юрта	188

ГОРОД НА АМУРЕ

Поворот, подворот. Снова изгиб реки	194
Про видение и везение	197
Из «Одессы» в «Нижний Новго- род»	199
Как Комсомольск стал Комсо- мольском	202
Хорошее настроение	204
Антон и Жора	206
Первый гудок	208
Улов	211
Плечо комиссара	214
Карта Миши Иванова	216
И никаких гвоздей...	218
Доброе дело добром отзовется	221
Злейший враг	224
Главная специальность	226
Самолёт и черепаха	229
Дополнительный стимул	231
Случай с Хохловым	233
Отпуск	236
«Адьо» и «пардон»	239
Лыжи	241
Чёрный лебедь	243
Рудковские рысаки	245
Двадцать один и двадцать	248
На берегу Амура	251

СТАХАНОВ И СТАХАНОВЦЫ

«Центральная-Ирмино»	254
Стаханов и стахановцы	256
Легко на душе у Изотова	259
Равнение на Бусыгина	261
Пассажирский, товарный, ско- рый	263
«Фокусы» Ивана Гудова	267
Ткачихи Виноградовы	269
Мальчик со «Скорохода»	272
Три подвига Макара Мазая	275
Слово и дело Марии Демченко	278
Бригада Паши Ангелиной	281
Репетиция Таисии Прокопьевой	284
Дни и ночи Константина Борина	286
Школа Кувшинникова	288
Точное приземление	290
Токарь с карбюраторного завода	293
Мамлякат	295
Барасби	297

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Для младшего возраста

Алексеев Сергей Петрович

СРОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Рассказы

Ответственный редактор Н. В. Омелья
Художественный редактор Г. Ф. Ордмисский
Технический редактор Е. П. Кудрярова
Корректоры Л. А. Лаварева, И. Н. Мокшина

ИБ № 11468

Сдано в набор 17.05.88. Подписано к печати 09.01.89. Формат 70×90¹/₁₆.
Вум. офсетн. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,23.
Усл. кр.-отт. 45,63. Уч.-изд. л. 14,55. Тираж 300 000 экз. Заказ № 2192.
Цена 95 к.

Орденю Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство
«Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельства, полиграфии и книжной торговли, 103720, Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомизда-
та РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Алексеев С. П.

- А 47** Срочное предписание: Рассказы о том, как советские люди построили Магнитку, Днепрогэс, Турксиб, город на Амуре, о трудовых подвигах стахановцев / Худож. Г. Метченко.— М.: Дет. лит., 1989.— 302 с.: ил.

ISBN 5—08—000859—8

Эта книга С. П. Алексеева познакомит читателей с важнейшими стройками первых пятилеток, с тем, как в трудное для молодой ещё страны время были построены Магнитогорский металлургический комбинат, гидроэлектростанция на Днепре и Туркестано-Сибирская железная дорога, возведён на берегах Амура город юности — Комсомольск. Узнают читатели и о трудовых подвигах Стаханова и его последователей. О героических трудовых буднях, о первых встречах планах, о верности долгу, дружбе людей разных национальностей, проживающих в нашей стране, о товарищеской взаимопомощи расскажет эта книга.

А 4803010201—076
М101(03)-89 147—89

ББК 84 Р7

ЕДПИСАНИЕ

СРОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Е

СРОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

СРОЧН